

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Хроника моей иммиграции

Факты и размышлизмы

**«Любое творчество – это инстинкт
передачи информации».**

Фазиль Искандер

КЁЛЬН 2012

ОТ АВТОРА

Если вы держите в руках эту книжку, то знайте, что это мой всего лишь третий опыт в большом формате. Много лет мне не давала покоя мысль, что мы уйдём (когда-нибудь это же должно произойти), не оставив никаких семейных преданий тем, кто будет после нас. К великому сожалению, Богу (судьбе) было угодно сделать так, что прямых наследников у нас не оказалось. А это значит, что нам некому будет долгими зимними вечерами, как водится по-стариковски, рассказывать о пережитом, о наиболее значимых этапах нашей жизни, о каких-то, может быть и не столь важных, событиях, весёлых или грустных, которые почему-то яркими пятнами остались в нашей памяти. Но самое главное, я хотел, чтобы не канули в лету моя любовь и признательность, мои чувства и всё сохранившееся в памяти о прекрасных людях – моих дорогих маме и папе. На данном жизненном этапе я видел свой сыновний долг в попытке выплеснуть эти мои чувства и размышления на бумагу, таким образом оставив благодарную память о моих родителях и их ближайшем окружении. Я долго не решался сесть к столу и начать писать по абсолютно простой причине. Для меня всю жизнь существовала проблема – излагать свои мысли письменно. Чистый лист бумаги обычно вызывал ступор. Куда легче мне было открыть рот и заговорить на любую подвернувшуюся тему, чем писать о том же вне зависимости от глубины моего вхождения в суть дела.

Поначалу я решил попробовать себя в жанре самой простейшей прозы – дневниковой. В течение года я ежедневно садился к компьютеру и описывал, разумеется, с комментариями и размышлениями, события прошедшего дня. Делал это, невзирая на то, хотелось ли мне или нет, было ли настроение садиться за стол или не было, соответствовало ли моё самочувствие трудовому порыву или нет. Садился и писал. Первое время я пытался перечитывать написанное, но меня это только огорчало. Поэтому дальше я шёл вперёд не оглядываясь, иначе я вообще вряд ли смог бы

завершить задуманное. Я превращал в текст лишь то, что со мной или вокруг меня происходило в описываемый день, или то, о чём (или о ком) думал или вспоминал в момент написания. Писал, как мне кажется, честно, может быть, несколько более экзальтированно, чем самому бы хотелось, но таков уж мой темперамент. Конечно, о многом и о многих можно было, точнее, нужно было, рассказать значительно более подробно, но вновь вынужден признаться, что я всегда был лучшим рассказчиком, чем летописцем, и уж безусловно не литератором. «Чукча – не писатель».

И всё же весной 2010 года появилась моя первая книжка «365». Я издал её в местной типографии в количестве 50 экземпляров для узкого круга родственников, друзей и близких приятелей, которым я с душевным трепетом, поверьте, не кокетничаю, раздарил весь тираж. В тревожном ожидании прошли дни до первой реакции на неё. К моему удивлению и огромной радости, большинство отзывов были положительными, а некоторые даже восторженными. Конечно, у меня хватало трезвости оценить и понять желание близких мне людей быть в своих оценках не слишком строгими, за что я им очень благодарен, но если отбросить чрезмерно лестные словесные суперлативы, то всё равно результатом я остался доволен. Правда, справедливости ради нужно сказать, что некоторые из упомянутых мною в книге людей выразили неудовольствие слишком реалистичным, на их взгляд, описанием того или иного эпизода, в которых они принимали участие. Однако из песни слов не выкинешь. В одном случае мне в более или менее дружелюбной форме было сказано, что в следующий раз касающийся их текст было бы хорошо с ними предварительно согласовать. Но нашлись и такие, которые совершенно не адекватно отреагировали на честно, на мой взгляд, описанный эпизод, в котором один из них выглядел, увы, не лучшим образом. Дочитав до этого места, они даже без попытки объясниться прервали с нами отношения. Ну что ж, Бог им судья. Хотя, по правде говоря, мне жаль, поскольку вроде бы мы были довольно близкими приятелями. И всё же превалирующим было мнение, что мои дневниковые записи читались легко

и порой даже с интересом. Это меня вдохновило взяться за выполнение не дающего мне покоя долга и написать давно задуманную книгу о моих дорогих родителях. Больше года я работал над ней, собирал по крупицам материалы, фотографии, рыскал в Интернете и подготавливал папины стихи, которые он писал по случаю к различным торжествам, ставшие, несомненно, украшением книги. В итоге на её страницах с теплотой и симпатией было упомянуто более 150 близких мне людей. Это оказалось трудной и кропотливой работой, но она мне доставляла огромное удовольствие. Всё это время я почти физически ощущал контакт с дорогими моему сердцу людьми. Эпиграфом к книге, которую я назвал «Щемящая радость воспоминаний», стала фраза из египетского папируса: «Те, чьи имена произнесены, живь».

Книга увидела свет в конце 2011 года. Её отпечатали в той же типографии и таким же тиражом в 50 экземпляров, которые я разослал практически по тем же адресам. Без ложной скромности скажу, что вновь мне пришлось много серьезных и хороших отзывов. Особенно было приятно получить письмо от моего питерского внучатого племянника Саши Берковского, человека творческого и образованного, принадлежащего к молодому компьютерному поколению, контакт с которым нашим поколением, как мне казалось, был безвозвратно утерян. Я приведу его полностью. «Валик, с прошедшим днем рождения! Вчера я его отпраздновал чтением захлеб твоей книги... Книга классная – в ней очень здорово все сбалансировано: мемуаристика, документалистика и лирика. У меня очень сильные чувства вызывают рассказы об истории нашей семьи. Я и не знал ничего! Я себя теперь чувствую что ли более значимым, не просто какой-то случайной песчинкой, а человеком, у которого есть корни. Это заставляет строже к себе относиться, требовательней, соответствовать каким-то нравственным канонам, а это очень важно для меня!»

Казалось бы, теперь я наконец, как Пимен, мог бы сказать: «Окончен труд, завещанный от Бога./Мне грешному». Но прошло пару месяцев, и уже вновь «руки тянутся к перу». При этом, к сожалению, на сей раз у меня нет никакой

высокой цели. Мне просто захотелось продолжить семейную сагу, перенеся её на иммиграционную почву и на наш уже почти двадцатилетний опыт жизни за рубежом. По сути, единственной движущей силой явились избыточное свободное время и проникшая в мой лишённый иммунитета организм коварная бацилла графоманства. Я отдаю себе отчёт, что иммиграция – очень хорошая питательная среда для появления бесчисленного количества доморощенных авторов. Отсутствие востребованности, достаточный интеллектуальный потенциал и эффективно действующий синдром акына – что вижу, то пою – многих толкают к этому роду деятельности. Как говорится, здесь не пишет только ленивый. Значит, я не ленивый. При этом мне хотелось бы избежать создания банального путеводителя по иммигрантской жизни с присущими ему штампами и клише. В то же время я попытался без претензий на высокую литературу изобразить нашу новую жизнь и поразмышлять на эту тему, начиная от момента принятия решения об эмиграции и по настоящий день. Надеюсь, мне удалось создать правдивую картину нашего здешнего бытия, главным фоном которого будут наиболее выразительные приметы пространства и времени. Поскольку базовое пространство оставалось неизменным, мне нужно было придерживаться генеральной хронологической канвы, не очень от неё отклоняясь.

И всё же, несмотря на мои старания, повествование изобилует множеством не слишком мотивированных отклонений и вставок, за что заранее приношу свои извинения. Хотя, с одной стороны, это говорит о живости ума, как у Н. В. Гоголя – «лёгкость в мыслях необыкновенная», но с другой явно свидетельствует о моём непрофессионализме.

ИСХОД

Сегодня мне, пожалуй, уже и не вспомнить, кем в нашей семье впервые была произнесена фраза: «А не уехать ли нам отсюда к такой-то матери?!» Помню только точно, что не мной. Зато я твёрдо знаю, что активными проводниками этой идеи стали Марат (муж сестры) и моя Таня. Этому способствовали манящие письма Таниной бывшей сослуживицы и приятельницы Аллы Яровой, которая к тому времени вместе с семьёй уже около двух лет жила под Леверкузеном. Она очень хотела, чтобы мы, точнее, чтобы Таня оказалась рядом. В её письмах, изобилующих вполне понятной эйфорией от ярких красок новой жизни, было достаточное количество привлекательных доводов, которые в конечном итоге не могли не повлиять на принятие окончательного решения. И хотя при этом я чувствовал себя Козлевичем, охмуряемым ксёндзами, пал и мой последний бастион. Надо сказать, что жизнь в Украине начала девяностых превратилась в постоянно действующую головоломку. Менялись не только бытовые условия, разумеется к худшему, но и ежедневно, как в калейдоскопе, менялись в «незалежний» законы, которые просто загоняли страну в тупик. И мы, работающие в то время на достаточно ответственных должностях, приходили в отчаяние от необходимости внедрения этих поспешно состряпанных законов в жизнь.

Люди получали зарплату мешками пустопорожних бумажек, на которые ничего толком нельзя было купить. Прилавки ощеривались на покупателей своими пустыми внутренностями, как беззубые стариковские рты. Чтобы купить бидончик молока, без которого не могла обходиться Танина мама Елена Владимировна, я бежал в 5 утра к ларьку, где меня встречала замёрзшая агрессивная очередь более проворных соседей. И сегодня без тошноты не могу вспомнить синюшных цыплят-задохликов, больше похожих на какие-то бракованные изделия химической промышленности, чем на порождение матушки-природы. Напрочь исчезли такие слова, как приобрести или купить. Их естественным образом заменили – раздобыть или достать. На улице можно было встретить разругавшегося, с горящими глазами, прохожего, победоносно вырвавшегося из объятий

разбушевавшейся очереди, с гирляндой на шее, как у почётного гостя Индии, из бледно-розовых рулонов туалетной бумаги.

Всеобщую зависть вызывали люди, отоварившиеся по благу и несущие заманчивые пакеты, из которых нагло торчали палки сырокопчёной колбасы. Банка растворимого индийского кофе служила надёжной ходовой валютой и открывала путь к сердцу самой неприступной женщины. А что собой представляли дворы и подъезды?! Страшно вспоминать. Обшарпанные стены, грязь, зловонные гниющие мусоросборники, неработающие лифты и перманентный ремонт коммуникаций, точнее его имитация, лишаящий на долгие месяцы жителей горячей воды, а иногда и холодной. Как говорят в Одессе: «Чтоб они так жили!» Но самое страшное, что ко всему этому мы вынужденно приноровились, а многое даже перестали замечать. И вот на таком нешуточном фоне пророчески прозвучало: «ЕХАТЬ НАДО!».

Наши обе семьи – мы с Таней и Ира, Марат и Дима – прошли долгий и нелёгкий путь до принятия окончательного решения. Для меня определяющим моментом оказалась ситуация, при которой ежедневно меняющиеся законы лишали возможности, а в то время я был генеральным директором научно-производственного объединения «Электроника», платить зарплату своим сотрудникам. Мне было просто стыдно людям смотреть в глаза. Но уже когда решение было принято, всё закрутилось в головокружительном темпе. Мы стали частью чудовищной очереди к немецкому посольству, чтобы получить бланки заявлений и анкет для выезда на ПМЖ в Германию. Эта очередь имела все необходимые признаки мерзостей той нашей жизни. В частности, отсутствие в очереди даже элементарного её обустройства и порядка. Люди томились под палящими лучами солнца, мокли под затяжными дождями, превращались в снежных баб во время зимнего ненастья. В толпе распространялись странные слухи о взяточничестве в стенах посольства, о выборочно предвзятом отношении к несчастным очередникам могущественного консула Германии в Украине господина Курта Шатца. Надо заметить, что спустя несколько лет он

был снят с работы, став одним из фигурантов по делу о незаконном оформлении въездных виз в Германию. Вдоль очереди по-хозяйски расхаживали подозрительные типы, предлагая растерянным людям за соответствующее вознаграждение стремительное продвижение по очереди и даже официальные посольские бланки. Мы, преодолев все стадии нервотрёпки, всё же отстояли эту очередь, сдали все необходимые документы, продолжая жить и работать в ожидании решения немецких властей. Как ни странно, решение пришло достаточно быстро, но, к нашему огромному огорчению, нам был разрешён въезд только в зону бывшей Восточной Германии. Для меня жизнь хоть и в бывшей, но всё же ГДР, по сути одной из республик СССР, исключалась абсолютно. И тут решающую роль сыграла Алла Яровая. Она обратилась в соответствующее учреждение (эмигранты почему-то называли его – Центральный компьютер), представив нас дядей и тётёй, и убедила, что без нас их семья просто не сможет дальше жить. Доводы показались достаточными, и нам разрешили оформить своё постоянное место жительства в земле Северная Рейн-Вестфалия.

С этого момента началась наша интенсивная подготовка к отъезду. Учитывая то, что, несмотря на относительно успешные карьерные судьбы, нам ничего не удалось накопить, как говорится «на чёрный день», первоочередной задачей стала продажа всего, что можно было продать, чтобы въехать в новую жизнь не совсем голыми и босыми. Главными лотами на нашем импровизированном аукционе стали: приватизированная квартира, дача в селе Помокли и машина «Таврия». Правда, мы ещё наивно надеялись на выгодную реализацию нашей библиотеки. Однако жизнь показала, что в те годы людям было не до книжек. Для многих людей в Украине ситуация соответствовала названию одного из популярных романов Юлиана Семёнова – «Приказано выжить». Поэтому большая часть нашей домашней библиотеки была спущена за бесценок. А ещё от мамы, точнее от маминой мамы – бабушки Лизы, нам в наследство остались очень красивые и, как нам тогда казалось, очень дорогие бриллиантовые серьги, которые мы не решались везти

через границу. Над всеми отъезжающими, как дамоклов меч, нависали жуткие подробности расправ на таможне с бесправными эмигрантами. Короче, мы решили эту фамильную драгоценность продать. С трудом мне удалось найти бескорыстного эксперта, который резко сократил наши аппетиты. В камушках оказались незаметные для дилетантов дефекты. В результате их приобрёл для своей жены Любы мой друг и многолетний сотрудник Женя Лещинский, который к тому времени уже несколько лет работал в Сургуте, что давало ему дополнительные финансовые возможности. Вырученные за серьги доллары мы, то ли по-братски, то ли по-сестрински, точнее поровну, разделили с Ирой.

Но нашей главной проблемой была жившая с нами Танина мама – Елена Владимировна, перенесшая к тому времени два тяжёлых инсульта. Мы почему-то были убеждены, что она с нами ехать не сможет. Впоследствии мы убедились, что это было бы действительно трудно, но возможно. В результате возникла сложная ситуация. Естественно, мы не могли оставить Елену Владимировну одну и договорились с младшим братом Тани Сашей и его женой Мариной Остроградскими, что они переедут с Русановки на Кавказскую в нашу трёхкомнатную квартиру из своей двухкомнатной. Конечно, для Остроградских это был весьма выгодный обмен, но мы недостаточно глубоко оценили важное психологическое обстоятельство. Марина и Елена Владимировна уже имели опыт совместной жизни в одной квартире на Русановке, и этот опыт был, к сожалению, негативным. Негативным настолько, что, когда Елена Владимировна окончательно поняла всю ситуацию, она тихо ушла из жизни. 10 ноября 1993 года мы, вернувшись домой из консульства, где получали визы в Германию, застали Танину маму в кресле уже без признаков жизни. Таня до сих пор этого не может себе простить. Эта болезненная заноза, которая, наряду с другими, ей подобными, по-прежнему ранит наши души. Похоронили Танину маму в семейной могиле на лесном кладбище в Буче, где уже покоились мама Елены Владимировны и сестра – Татьяна Владимировна.

Подготовка к отъезду набирала темп. Судорожно искали

покупатели на квартиру, дачу и машину. Параллельно мы легкомысленно, как показало самое ближайшее будущее, учили немецкий язык. Нас сосватали брать уроки у бывшего военного переводчика Марка Иосифовича, милейшего пожилого еврея. Жил он на Сырце в маленькой квартирке, которую мы заполняли собой до отказа. Он всякий раз радостно встречал нас в дверях, пожимая каждому своей пухло-рыхлой рукой наши робко протянутые руки, и гостеприимно произносил по-немецки: «Treten Sie bitte ein! Legen Sie bitte ab!», что означало входите и раздевайтесь. Из нас пятерых эти уроки дали какой-то результат, если не считать самого учителя, пожалуй, только Диме – самому молодому и усердному. Что же касается меня, то я самонадеянно считал, что новый язык покорится столь же легко, как покорялось мне до сих пор многое в жизни. Но «факир был пьян, и фокус не удался». Ни старания Марка Иосифовича, ни последующие языковые курсы уже в Германии нужных результатов не дали. Очевидно, всё дело было в отсутствии необходимых способностей к изучению языков и нашей занятости. Кроме того, этому не способствовал и возраст, что скорей всего и стало решающим фактором. Однако более подробно я к этому вернусь позже. А пока мы продолжали заниматься продажей нажитого за всю нашу жизнь. Как понятно из сказанного выше, мы продавали двухкомнатную квартиру на Русановке, к тому времени уже освобождённую Остроградскими. Саша, Марина и Андрей переехали к нам, точнее уже к себе, на Кавказскую. Продажа квартиры осложнялась определёнными объективными трудностями. В стране бардак, деньги обесценены, основная масса людей просто бедствует. Соответственно цены на недвижимость упали до смехотворных величин. Но даже те деньги, которые нам удалось получить, мы посчитали удачей. А сегодня такая квартира легко ушла бы за сумму, в 3-4 раза превосходящую полученную нами. Свою «Таврию», дав объявление в газете, я загнал, обливаясь слезами, за полторы тысячи, как тогда говорили, условных единиц, стыдливо заменяя слово «доллар».

Следующим и, пожалуй, наиболее болезненным было

расставание с Помоклями. Весной 1989 года мы купили в селе Помокли в ста километрах от Киева по Бориспольскому шоссе небольшой участок земли рядом с лесом, на котором стояла столетняя деревенская хата, сразу покоровившая наши рафинированные городские сердца. Это был деревянный дом с глинобитным полом, разделённый сенями на две части. При входе слева находилась жилая комната площадью более 60 м² с большой русской печью, на полатах которой могли разместиться до четырёх человек. При входе справа на некотором возвышении над полом было ещё два помещения примерно по 20 м², которые в дальнейшем служили мне складом и мастерской. Мы с нетерпением ожидали конца недели, чтобы в пятницу после работы вырваться из городской суеты и добраться до СВОЕЙ хаты. Это странное чувство собственника, совершенно неведомое прежде, овладело нами с какой-то безумной радостью. Уже подъезжая к деревне, мы дружно запевали: «Вот моя деревня, вот мой дом родной».

Хата в Помоклях

Танюха очень быстро создала в нашей жилой комнате ощутимый домашний уют. Но главная работа была, разумеется, на участке. Таня героически выиграла нешуточное

сражение у густых зарослей терновника, освободив значительную часть участка под фруктовые деревья. Мы посадили яблони, груши, вишню и даже три ореховых деревца. Ежегодно в охотку работали в огороде, который дарил нам свежую зелень и замечательную картошку. В первый год у нас картошка родила так, что даже старожилы, как говорится, такого не упомнили. Правда, надо сказать, что пахали мы там, «как за растрату». Это была любимая поговорка Эдика Мальцева, мужа нашей подруги Тани Симаходской, которые купили соседний с нами дом на год раньше и уговарили нас сделать тоже самое, когда мы приобрели нашу первую машину.

А получилось это следующим образом. В конце 1988 года Танюха побывала в гостях у своей подруги Ларисы в Америке, откуда она привезла видеомаягнитофон фирмы JVC, который нам удалось продать с помощью моего друга Миши Грановского. Это позволило уже в январе 1989 года к моему 50-летию при помощи всё того же всемогущего Миши приобрести за те же деньги «Запорожец» последней модели, называемый в народе «мыльницей». Как это ни странно, мы очень любили эту консервную банку. Позднее, когда у нас появилась «Таврия», «Запорожец» перешёл в собственность Берковским. О том, как у нас появилась «Таврия» хочется рассказать особо. В то время я работал в СКТБ «Медтехника» в должности главного инженера. Однажды меня вызвал к себе директор – Степан Яковлевич Бараболя. В кабинете у него сидел весьма импозантный мужчина, который оказался заместителем генерального директора Запорожского автозавода, уже приступившего к серийному выпуску, кроме «Запорожца», нового автомобиля – «Таврия». Мы перешли с гостем для дальнейших переговоров в мой кабинет. Оказалось, что им от нас нужна была какая-то, сейчас уже не помню какая именно, срочная конструкторско-технологическая разработка. При выполнении нами проекта качественно и в срок завод гарантировал выделить нашему институту десять «Таврий», правда, самовывозом. Можете себе представить, что началось в организации. Борьба развернулась нешуточная. Не брезговали ничем. В ход шли сплетни, слёзы,

доносы и прочие, как сейчас говорят, грязные технологии. Объединённые заседания парткома и профкома проходили напряжённо с утра до вечера. Перечень предполагаемых счастливиц менялся, как в калейдоскопе. Однако окончательное решение принималось на заседании Совета трудового коллектива. Тогда на волнах перестройки была такая ханжеская форма якобы народного управления предприятием, а я к тому же являлся председателем этого Совета. Как можно было легко предположить, в утверждённом списке оказалась и моя фамилия. Теперь оставалось сделать всё, что требовалось от нас – разработчиков, и ждать сигнала с завода, когда нужно приезжать за машинами.

Шло время, и накал страстей постепенно угас. Организация работала в нормальном рабочем режиме, а я находился в очередной командировке в Москве, когда вечером раздался звонок от Тани. Она сообщила, что позвонил Барболя и сказал: «Послезавтра утром надо быть в Запорожье». Понятное дело, я в ту же ночь выехал в Киев. Заводчане нас предупредили, что перегон машин таит определённые дорожные опасности. Они посоветовали ехать в машине как минимум, вдвоём, а ещё лучше караваном. Я же был вынужден собираться, что называется, «с корабля на бал». Мне не удалось найти никого, кто мог бы поехать со мной. И только уже на месте я понял, как легкомысленно с моей стороны было пускаться в путь в одиночку. Поскольку в нашем десанте я был старшим по должности, мне пришлось переждать, пока все получают свои машины. Правда, утешало то, что уже знакомый мне заместитель генерального директора ЗАЗа пообещал выкатить для меня автомобиль ручной сборки и дать на перегон его в Киев аса-водителя, бывшего испытателя машин, который запросил вполне терпимую плату за свою работу. Пока я терпеливо ожидал своей очереди, ко мне дважды подходили мужики с откровенно криминальной внешностью и настойчиво предлагали за мою машину две и даже две с половиной цены. После моего очередного отказа они нехотя отходили, повесив на меня свинцовые взгляды, порождающие в душе отвратительный осадок – липкий страх. Наконец Пётр, так звали

обещанного водителя, выкатил мою аквамариную красавицу, и мы поехали. По дороге я рассказал ему об этих тревожных предложениях, от которых мне пришлось отказаться. Он спокойно, пожалуй даже слишком, объяснил, что это банды из Прибалтики, что наверняка у нас теперь будут проблемы в дороге, но он уверен в себе, что, справедливости ради доказал на практике. Погоня была как в дешёвом триллере, с попытками перекрывать нам путь, с выдавливанием на обочину и даже со стрельбой. Я сидел на пассажирском сиденьи, обмирая от страха и обливаясь холодным потом. Петру, судя по всему, некогда было бояться. Благодаря его мастерству водителя нам всё же удалось уйти от преследования. Около двух часов ночи мы добрались домой.

Таня накрыла на стол, откупорили бутылочку, и тут почалось. Как когда-то во «Взгляде» говаривал Александр Любимов: «Всё только начинается». Уже после второй стопки мой спаситель начал вытворять что-то невообразимое. Он матерился, лез в драку, но, к счастью, после третьей стал затихать, и мы с Танюхой с огромными трудностями уложили его и успокоенные пошли спать. Но радость наша оказалась преждевременной. Мы, конечно, поняли, что имеем дело с настоящим алкоголиком, но до такой степени... Уже через час мы услышали из кухни тревожный грохот. Я вскочил как ошпаренный и, влетев в кухню, застал моего гостя на полу с табуреткой в руках. К этому времени он уже успел допить оставшуюся в бутылке водку и добирался до графинчика с манящей жидкостью, стоящего на подвесном шкафчике. Результат лежал у ног. Ему каким-то необъяснимым образом удавалось одновременно потирать все ушибленные места. При этом он дурным голосом настаивал на продолжении банкета, но, поняв всю безнадёжность своего требования, стал выбивать из меня честно заработанный гонорар. И всё же у меня хватило благоразумия и твёрдости заявить ему, что прямо сейчас я провожу его на вокзал, возьму ему билет (купированный – пусть и другие получают удовольствие) на первый попавшийся поезд до Запорожья, а уже в купе с ним рассчитаюсь сполна.

Подробности моей борьбы с алкоголизмом в лице одного

конкретного пьяницы до отхода поезда уже описывать не стану. Скажу лишь, что, когда поезд наконец, скрылся из виду, я, при всём своём привитом прежней жизнью атеизме, мысленно перекрестился, но ещё несколько дней вздрагивал при каждом неожиданном звонке в дверь. Так я стал счастливым обладателем «Таврии». И вот приходилось с ней расставаться. Я дал короткое объявление в газете, и уже через неделю машину у меня купили. Тогда ещё советский автотроллейбус был в дефиците.

Теперь можно вновь вернуться к расставанию с нашей хатой. Справедливости ради надо сказать, что нашими правопреемниками по даче стали очень милые пожилые люди – заведующая отделением гинекологии одной из киевских клиник Нина Георгиевна и доктор технических наук Владимир Семёнович. Там всё сделанное к тому времени нашими руками им очень понравилось. И фруктовый сад, и огород, и даже интерьер комнаты. Уже живя в Германии, мы с некоторым страхом ожидали наступления тяжёлой депрессии, связанной с обязательной ностальгией. Но, к счастью, эта болезнь нас обошла стороной. Никакой ностальгии не было. Мы скучали лишь по оставшимся в Киеве, Москве и Ленинграде нашим близким друзьям и родственникам. Нам не хватало как воздуха почти привычного ежедневного общения с ними. А ещё мы тосковали по Помоклям. По этой простой природе, по упоительному воздуху и даже по этому каторжанскому сельскому труду, хотя нас никто и неволил. А что уж говорить об ужине за общим столом после трудового дня! Холодная водочка, замечательная закуска и приятная компания. Я банально традиционно произносил тост: «Лехаим, бояре!», который всё тот же Эдик Мальцев воспринимал как: «Лакаем, бояре!» Чего только стоили вечерние посиделки под звёздным помоклянским августовским небом! Это было незабываемо!

Когда спустя два года после переезда в Германию мы приехали в Киев, то, конечно же, захотели взглянуть на нашу дачу. «С чувством глубокого удовлетворения и законной гордости» мы застали там трогательную ухоженность, возмужавший посаженный нами фруктовый сад и заботливо

обработанный огород. Наши души тихо пели и одновременно роняли чистые слёзы. Так у нас выражалась пресловутая ностальгия.

Итак, главные финансовые вопросы, насколько в то время это стало возможным, были решены. Осталось оформить как следует все необходимые выездные бумаги и документы. Мы проделали массу бессмысленной и дорогостоящей работы. «Всезнающие» люди, а давать советы охотников всегда пруд пруди, нас без труда убедили, что все вывозимые официальные бумаги должны быть переведены на немецкий язык и заверены нотариально. Как выяснилось позднее уже в Германии, часть документов была вообще не нужна, а остальные требовали перевода и нотариального акцептирования местных переводчиков и юристов. Так приобретался наш собственный эмигрантский опыт. За три месяца до отъезда мы объявили о своём решении на своих работах. Признаться, эмоционально это оказалось делом не лёгким, причём, как это ни странно, с обеих сторон. Руководство отнеслось к моему решению с пониманием, откровенно сожалея при этом о потере, скажу без ложной скромности, важного звена своего управленческого аппарата. К их чести ещё следует заметить, что я был практически до отъезда оставлен на должности консультанта даже с оплатой почти уже не существующего своего участия в деятельности покидаемого мною предприятия.

Оставшееся до отъезда время мы расходовали по-прежнему на имитацию (не могу себе этого простить) интенсивного изучения немецкого языка, на встречи-расставания «со слезами на глазах» с близкими нам людьми и на подготовку вещей, как нас убеждали всё те же всезнайки, без которых ну просто невозможно было начинать иммигрантскую жизнь. Нас познакомили с неким молодым человеком, который за 200 долларов гарантировал беспрепятственное прохождение нашего контейнера со всем находящимся в нём барахлом через таможенную и соответственно через границу. За что мы платили эти деньги? Чего мы боялись? Разве что, как говаривал Иосиф Аримафейский, «страха ради иудейски». Нас пугали, и мы послушно пугались. В конечном итоге мы

заказали на две семьи один контейнер, который не смогли заполнить даже наполовину. В частности, мы отправили в нём в Германию пару сотен любимых книг и четыре чешских книжных полки, две коробки с посудой и столовыми приборами, две коробки с инструментом и метизами, несколько коробок с постельным бельём, две-три упаковки с самыми лучшими носильными вещами (?) и картинки, висевшие у нас в Киеве на стенах и не представляющими какой-либо художественной ценности, задачей которых было осуществлять преемственность между прошлым и будущим.

По приезде в Германию выяснилось, что постельное бельё имеет совершенно иной стандарт, зимы в Кёльне заметно теплее киевских и к тому же бесснежные, автомобили не требуют собственноручного ремонта, а следовательно, инструмент ни к чему, плиты в кухнях электрические, что предполагает несколько иное кастрюльное хозяйство. Поэтому большая часть отправленного в Германию нам ни разу не пригодилось и в конечном счёте была передана назад в Киев в качестве гуманитарной помощи семействам Таниных родственников. Сегодня от всего привезенного из Киева у нас остались картинки, которые видимо размножились за счёт местных авторов и подарков от друзей, и бережно хранимые книги, стоящие за стёклами всё тех же чешских полок. Правда, часть наших книг послужила основой созданной нами в Кёльне первой в нашей земле библиотеки художественной литературы на русском языке. Но об этом позже.

Пока же всё ближе и ближе становился день отъезда. Ехать мы решили автобусом, поскольку оставалось ещё достаточно много вещей, тоже просящихся за границу. Только у нас было 11 мест. Сейчас я даже представить себе не могу, что в них было понапихано. Ясно было лишь одно, что без всего этого нам не прожить и дня. Отъезд был назначен на 3 января 1994 года. Пошла черед отвалных и прощаний. Сослуживцы, друзья, родственники. Всё это было очень сердечно, тепло и трогательно, но требовало больших душевных усилий. Тяжелее всего были расставания с нашими могилами на Байковом кладбище.

1994 год

Новый Год мы отпраздновали в окружении ближайших родственников и друзей у нас на Кавказской. Царило странное настроение. Это была смесь неподдельной грусти, предотъездной лихорадки и эйфории от ожидаемого. Спустился два дня на площади Победы, откуда отходил наш автобус, собралась целая толпа провожающих. В этот день в Киеве была ужасная погода. То ли минус, то ли плюс. Под ногами чавкающая каша грязного полурастающего снега, а с неба непрерывно сыпался то ли дождь, то ли снег. Да и глаза у большинства были на мокром месте. В 9⁰⁰ автобус отъехал. Теперь нас ожидала новая жизнь с неведомыми нам законами и традициями, со своим новым бытом, новыми знакомствами, новыми впечатлениями и, как оказалось, с совершенно незнакомым языком. В автобусе, набитом до отказа бесчувственными чемоданами, сумками и коробками и на сплошном нерве вконец издёрганными эмигрантами, поначалу господствовало тягостное молчание. Но спустя уже час-другой люди стали разворачивать съестные запасы и откупоривать бутылки. А у нас с собой, разумеется, тоже было! И немало! Вместе с градусом постепенно повышалось настроение. Необъяснимое чувство страха перед предстоящей встречей с границей постепенно теряло свои строгие очертания, вытесняясь вполне понятным алкогольным куражом. Люди легко шли на контакты, стали знакомиться друг с другом. Выяснилось, что этим же автобусом в манящую неизвестность ехала школьная Ирина подруга Ира Малышева с мужем и мой бывший сотрудник по «Электроприбору» Шурик Элинсон со своей многочисленной семьёй.

По мере приближения нашего экипажа к границе коллективный кураж начал заметно сдавать свои позиции. К вечеру мы оказались на месте. Там нас радостно встретила суровая украинская таможня. Они скомандовали вытащить из грузовых отсеков автобусов все бебехи для тщательного, но, естественно, не предвзятого досмотра. Полночи длилась унижительная процедура ковыряния чужими враждебными руками в наших вещах, которая в итоге для нас закончилась без потерь. Надо сказать, что двоих таможня не пропустила. В чём была проблема – не известно, но их высадили из

автобуса. Можно представить себе, что пережили эти несчастные люди. А все остальные, получив чернильный след в паспортах и спешно запихав обратно свои перерывные вещи, вернулись в автобус. Под радостные возгласы мы пересекли украинско-польскую границу (по сути всё ещё советскую). Польская таможня до обидного не проявила к нам никакого интереса, а их пограничники, сверив наши физиономии с фотографиями в паспортах и отщёлкав штемпельные отметки, отпустили нас с Богом. Снова забулькало в темноте и запахло малосольными огурчиками. Мы уже ехали по Польше. Люди успокоенно задрёмывали. Постепенно в автобусе установилась тишина, изредка прерываемая разнообразными всхрапами.

Польско-немецкую границу прошли без особенностей, но уже на территории Германии в Ганновере вечером следующего дня мы обратили внимание на не совсем адекватное поведение наших водителей. Вскоре выяснилось, что наш автобус, а это был автобус знаменитой немецкой фирмы MAN, неожиданно потребовал срочного ремонта. Но осуществить это можно было лишь в их фирменной мастерской, которую битых два часа пытались отыскать наши шофёры. Мы кружили по ночному городу в каком-то странном вальсе, многократно проезжая одни и те же здания. Когда уже нам казалось, что этому кружению не будет конца, наши водилы-удальцы въехали всё-таки под крышу нужной мастерской. Тут я должен извиниться, но опять же из песни слов не выбросить, и рассказать о забавном эпизоде, который случился там со мной.

Долгая дорога, усиленное питание и закрытый туалет в автобусе вынудили меня искать, пардон, выход в вышеозначенной мастерской. Пока шёл ремонт, мне удалось найти спасительное место. Тут необходимы некоторые подробности. Сталкиваясь до сих пор лишь с советскими общественными туалетами, я из понятного чувства брезгливости вынужденно принял позу орла. И всё было бы хорошо, но неожиданно в момент слива вдруг подо мной обрушилась эта на вид достаточно прочная фаянсовая ваза. Так нестандартно начиналась моя новая жизнь.

Единственное теперь, о чём я мечтал, чтобы мы убрались из этой чёртовой мастерской раньше, чем мои подвиги станут достоянием гласности. Слава Богу, обошлось. Посреди ночи 5 января нас выгрузили в месте нашего предварительного пребывания недалеко от Дортмунда в лагере Унна Массен. Всех прибывших, а нас оказалось 12 человек, разместили в одной комнате. Все были безумно уставшими и буквально валялись с ног. Очень быстро разбрелись по кроватям и дружно захрапели. Утром сквозь стёкла окон тёплым дыханием нас разбудили солнечные импортные лучи. Я выскочил на улицу и не поверил собственным глазам. Передо мной стояли зелёные деревья среди цветущих сочных кустов. А прямо перед нашим двухэтажным зданием барачного типа радовали глаз ярким разноцветьем анютины глазки. Райские кущи, да и только! На термометре, висящем над входом, +15 градусов. Это был очень символический контраст между ненастьем, которое мы только покинули, и тем, что нас встретило здесь. Я жмурился на солнце, как мартовский кот, и довольно урчал. Но быстро завертелся немецкий орднунг. Появился хауз-мастер, это по-нашему и управдом, и слесарь, и дворник, и повёл нас на расселение. Каждой семье была выделена скромно меблированная, но со всем необходимым комната. Наши комнаты оказались рядом на втором этаже, где на две-три семьи были кухня, туалет и душевая. «Всё культурненько, всё пристойненько – исключительная благодать!».

Спустя буквально два часа занесли записку (цетель), в которой нам предложили утром следующего дня прийти в контору для регистрации (анмельдунг) и получения социального пособия. Кроме того, нам надо было им сообщить, в каком городе земли Северный Рейн-Вестфалия мы хотели бы жить. Тут были определённые трудности. Берковские хотели поселиться в Дортмунде, где жила семья сослуживца Марата, который обещал им помощь и поддержку на первых порах, мы же категорически были настроены на Кёльн, поскольку уже дважды до этого, правда в гостевом качестве, побывали в нём и были убеждены в правильности своего выбора. Кёльн, в отличие от сугубо промышленного

Дортмунда, был интернациональным городом с высоким уровнем европейской культуры. В остальном же обеими сторонами приводились все имеющиеся в наличии соображения «за» и «против», но согласия достигнуть не удавалось. Решающим оказался вопрос, который нам задала Ира: «Неужели вы пойдёте на то, что мы окажемся в разных городах?» И мы вынуждены были сказать: «Да».

Этот трудный разговор позволил принять решение в пользу Кёльна, о чём, мне кажется, они впоследствии ни разу не пожалели. А сейчас, когда годы неумолимо бегут вперёд, просто невозможно себе действительно представить, чтобы мы оказались в разных городах, пусть даже находящихся на расстоянии всего в ста километрах друг от друга. Теперь мы неоднократно с благодарностью вспоминаем принятое решение. На следующий день в указанное время мы были под дверью нужной комнаты. Там после предъявления своих международных паспортов и бумаги с официальным разрешением на ПМЖ в Германии мы заполнили ворох различных бумаг и анкет. Всё было бы достаточно просто, если бы не наш нулевой языковой уровень. В какие-то моменты выручал Дима, а когда дело доходило до чтения бумажек, тут спасала отличница Ира, учившая немецкий язык в школе. Короче, как могли, вписывались в эту совершенно незнакомую нам языковую среду. Когда же нас после разговора с чиновницей направили в кассу, там уже никакой язык не понадобился. Мы просто онемели. По меркам нашей прошлой жизни мы получили на руки кучу денег, и не просто денег, а кучу валюты. Правда, мы совсем не представляли, что здесь почём и, что можно себе позволить, чтобы выданных денег хватило до конца месяца. Это состояние, как ни странно, продлилось довольно долго.

До сих пор без стыда не могу вспоминать эпизод, связанный с Аллой Яровой, которая первое время очень трогательно и заботливо нас опекала. В этот день мне нужна была её помощь в качестве переводчицы для очередного разговора в социальном ведомстве (социаламт). Мы довольно долго просидели там в очереди и очень проголодались. Мы вышли на улицу, где нас приветливо встретил киоск с хот-догами.

Но меня настолько задавила жаба, что я молчаливо позволил Алле заплатить за нас обоих, хотя они сидели на таком же социальном пособии. В дальнейшем я старался как-то незаметно компенсировать этот свой проступок, но осадок остался. Наша противная финансовая зажатость продолжалась около года.

Но вернёмся в Унна Массен. Через неделю после нашего появления там, 11 января, мне исполнилось 55 лет. Учитывая наше не стационарное состояние и коммунальную кухню, мы с Таней решили обойтись холодной закуской и к ней лишь приварить картошки. В 10-15 минутах от нашего лагеря находился супермаркет, в котором был такой выбор продуктов, что голова шла кругом. Но страх потратить лишнюю марку заставлял нас покупать всего понемножку. И всё же мы себя чувствовали если не Ротшильдами, то людьми, которым доступно многое. В результате стол ломился от изобилия всякой вкуснятины, о существовании которой мы уже и забыли. Таня сделала, пожалуй, самый дорогой для меня подарок – она бросила курить. Справедливости ради скажу, что движущей причиной была стоимость сигарет в Германии. Если мне не изменяет память, пачка «Мальборо» стоила 5 марок, что приблизительно соответствовало половине дневного содержания социальщика. Тёплая солнечная погода, запахи цветущих кустов, напоминающие ароматы южного курорта, полнейшее безделье и шикарный праздничный стол привели всех, и в первую очередь именинника, в эйфорическое состояние. Это невольно напомнило мне сцену с профессором Плейшнером в Берне из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Трагический голос диктора произнёс знаменитую фразу, которая, может быть, и не дословно, но по мысли точно звучала так: «Пьянящий воздух свободы сыграл с Плейшнером злую шутку». Вот и мы находились в совершенно расслабленном состоянии. Никто не думал о предстоящем, всё казалось безоблачным и совершенно не хотелось омрачать прекрасные мгновения мыслями о не вполне ясном будущем.

В один из дней в Унне неожиданно появились Алла и Гриша. Встреча произошла прямо на улице недалеко от нашего

общежития. Мы просто остолбенели, не веря глазам своим. Они приехали, чтобы поздравить нас с прибытием в Германию и тем самым подтвердить своё желание всячески облегчать нам самое трудное первое время. Это было настолько искренне и благожелательно, что тронуло буквально до слёз. Благодаря их визиту мы почувствовали, что не будем одни в этом чужом и незнакомом мире. О том, что поездка к нам стоило им немалых денег, даже не приходило в голову. Не говоря уже, что их девочки, Маша и Валя, которым тогда было 9 и 5 лет, остались на целый день на попечении их соседей по общежитию. Алла и Гриша пробыли у нас не более трёх часов, после чего мы проводили их к поезду.

Наконец, нам сообщили, что райский карантин закончился, и назначили день отправки в Кёльн. При этом строго предупредили, что взять с собой мы сможем только самое необходимое, а остальные вещи будут отправлены отдельным транспортом на грузовую станцию «Боннтор», где после расселения в общежитиях каждый сможет без труда их получить. Как потом выяснилось, это предупреждение было сделано в расчёте на послушных дурачков. И надо сказать, что их расчёт полностью оправдался. Мы взяли с собой по одной сумке, в которую впихнули документы, бутерброды, туалетные принадлежности и смену нижнего белья. До остальных вещей мы смогли добраться ещё не очень скоро.

Через два часа автобус со всеми распределёнными в Кёльн, а таких набралось 14 человек, остановился у многоэтажного красно-бурого здания, отпрыгнул всю нашу растерянную группу на тротуар и уехал, как говорится, не сказав ни единого слова. Оказалось, что это мрачное здание и есть наша цель. Здесь находилось городское жилищное управление (вонунгсамт), в котором нам следовало отыскать комнату, где решались наши судьбы по распределению на временное проживание. Спустя какое-то время мы её обнаружили благодаря тому, что среди нас была учительница английского языка, которой без особого труда удавалось объясняться с абригенами. Она прибыла вместе с мужем, отставным полковником с явными нарушениями психики. Он периодически подходил к каждому из нас и, заглядывая с какой-то детской

надеждой в глаза, задавал один и тот же вопрос: «Это мы тут будем жить?» Почему-то становилось жалко не только его, но и самих себя. В очереди, образовавшейся перед заветной дверью, горячо обсуждались возможные варианты расселения, которые камим-то загадочным образом стали известны ещё в Унне. Были, разумеется, варианты получше и похуже. Каждый считал себя самым несчастным, а следовательно, достойным наилучшей участи. Делались попытки, явно с негодными средствами, уговорить сидящую за столом совершенно равнодушную и холодную как ледышку чиновницу на наиболее удобное жилище. Наихудшим считалось попадание на теплоход, стоящий на причале у одного из кельнских причалов. Главным недостатком жизни иммигрантов на теплоходе было то, что у них высчитывали $\frac{3}{4}$ социального пособия, оставляя только карманные деньги (ташенгельд). Конечно же нас, счастливчиков, определили на этот самый теплоход с многозначительным названием «Фортуна».

Как к нему добираться, мы не имели ни малейшего представления. Но всё та же учительница выяснила, что мы имеем право взять такси, оплатив его по квитанции, с последующей денежной компенсацией от социального ведомства. Уже через двадцать минут наш кортеж, состоящий из двух машин, прибыл по указанному адресу к гавани на Голландской набережной (Нидерландер уфер). На теплоходе нас встретила бравая капитанша, которая, бегло взглянув в наши документы, долго и подробно нам что-то говорила, а мы в ответ, не понимая ни слова, вежливо кивали всеми пятью имеющимися у нас головами. Разобравшись, с кем имеет дело, она выразительно показала на висевший на доске объявлений распорядок дня и повела нас через салон к каютам. Вручив ключи и указав на нужные двери, она гордо удалилась. Каюта представляла собой крохотную двухместную кабину, правда с душем и туалетом. Всё было достаточно комфортно, но находиться в ней можно было только лёжа. Поэтому все высыпали навверх в кают-компанию, где собирався настоящий интернационал. Цыгане, югославы, африканцы, не то китайцы, не то вьетнамцы и обильная порция евреев, которые официально именовались

контингентными беженцами. Каждая этническая группировка держалась обособленно, но говорили все одновременно, вынужденно перекрикивая друг друга. Особенно выделялся птичий клёкот тех самых не то китайцев, не то вьетнамцев. Полчаса нахождения в этом пёстром мультинациональном обществе гарантированно обеспечивали сильнейшую головную боль. Единственным спасением, во всяком случае для меня, была возможность иногда смотреть по телевизору (одному на всех) футбольные матчи, часто прерываемые переключением каналов по требованию орущих детей разных народов. К этому нестерпимому шумовому фону добавились уже совсем отвратительные эпизоды – стали пропадать вещи из вроде бы надёжно запертых кают. Правда, ключи висели на доске у трапа.

Но главной проблемой оказалось чётко организованное на теплоходе трёхразовое питание. На завтрак и ужин подавали кофе-чай и несколько бутербродов, составленных из прозрачных ломтиков хлеба, сыра, колбасы или ветчины. Справедливости ради надо сказать, что большинству наших удавалось отовариться таким количеством этих самых бутербродов, что их хватало весь день поддерживать гаснущие силы. Обед был вполне приличным, если не считать воскресных дней, когда подавали в одну тарелку лишь суп и чаше всего сардельку (айнтопф). Уже через неделю казавшиеся на первых порах такими вкусными бутерброды просто не лезли в горло, а однообразие обедов вызывало тоску и уныние. Впрочем, со всем этим мы вынуждены были мириться. А какой был выход?! Как говорится, «пилите, Шура, за всё заплачено». Но хуже всего была пресловутая немецкая дисциплина. На каждую трапезу отводилось 30 минут. Те, кто опаздывал к обеду на 5 минут, находили уже пустые столы и, естественно, лишались обеда. При этом, как я уже говорил, в нашем распоряжении оставались на всё про всё лишь карманные деньги – порядка 120 марок. А поскольку начальней период нашей иммигрантской жизни требовал в первую половину дня интенсивной беготни по всяким официальным учреждениям (амтам), языковым курсам и жилищным управлениям (гезельшафтам), то мы довольно

часто оставались без обеда. Вот такая житуха была у нас на первых порах.

В это самое трудное время нам очень помогали Алла и Гриша. Они не только при необходимости компенсировали нашу языковую беспомощность, но иногда в выходные дни забирали нас с теплохода на целый день к себе в общежитие, а порой даже с ночёвкой. Они делились с нами всем, что к тому времени узнали об иммиграции сами, предостерегали нас от возможных ошибок, короче говоря, почти год водили нас за руку. Так что отношение Аллы к Тане, а заодно уж и ко мне (куда от меня деваться) дорогого стоило.

На нашем теплоходе нашли временное пристанище ещё несколько семей, приехавших по еврейской квоте. Самым популярным человеком был Овсей Латерман, патриарх кёльнской иммиграционной мишпухи, инженер-электрик из Киева и поэт-любитель по совместительству. Благодаря хорошему знанию идиш, некоторым познаниям в немецком и отзывчивости он стал почти безотказным помощником каждому из нас.

Мы с ним все годы, вплоть до его кончины (2010), были в самых добрых дружеских отношениях. Но тогда, на теплоходе, мы случайно прослышали, что Овсей – единственный обладатель списка фирм, в которых можно было стать на очередь на получение съёмного жилья. Имеющейся информацией делился он, мягко выражаясь, очень избирательно. С большим трудом, вклю-

чив всё своё обаяние, мне удалось выдать из него несколько адресов жилищных фирм, чтобы начать их планомерную

осаду. Надо сказать, что попытки стать на очередь в этих фирмах чаще всего наталкивались на сопротивление служащих. Наши документы, говорящие о том, что мы иностранцы да ещё получатели социальной помощи, не вызывали у них оптимизма. Мы для них были людьми второго сорта. А в некоторых фирмах нам просто говорили открытым текстом, что их квартиры для немцев. Вскоре выяснилось, что этот бесценный список мог получить в городском жилищном управлении каждый, кто способен был просто попросить его, желательно по-немецки. Ещё существовал довольно распространённый среди «нищих» «беженцев» способ обретения съёмного жилища через маклеров. Обычно к их помощи обращались люди, нервы которых не выдерживали пугающих разговоров о невозможности найти в Кёльне достойную квартиру. Тогда в Кёльне успешно промышляли этим три человека: Гражина, Люба и Вадик. Уж как им удавалось договариваться с со служащими жилищных контор, на каких паях с ними они раздавали (разумеется, за немалые деньги) свободные квартиры жаждущим и страждущим вновь прибывшим, одному Богу известно, но факт оставался фактом. Тарифы на их услуги не были тайной и выглядели так: однокомнатная – 1500 ДМ, двухкомнатная – 2000 ДМ и трёхкомнатная – 3000 ДМ. Нам хорошо известны люди, которые пошли именно этим путём, получив квартиры в густонаселённых интернациональных районах, таких, как Порц, Мешених и Хорвайлер, где квартиры, если об этом знать, были и так в относительно свободном доступе. Вот отсутствием такой информации и пользовались маклеры.

Однако я, как учил вождь мирового пролетариата, пошёл другим путём. Тогда в Кёльне в самых многолюдных местах стояли яркие металлические ящики, из которых можно было бесплатно (костенлос) брать газеты, так называемую жёлтую прессу, публикующую квартирные объявления. Эти объявления были двух типов: на одних был нарисован телефончик, что предполагало разговор со сдающим квартиру по телефону (это было не для нас), а на других – конверт. «О це вже до нас!», – подумал я. Подготовил письмо, которое помог перевести на немецкий Лёва

Даниленко. Лёва Даниленко – старший кузен Тани. У нас с ним сложились нормальные родственные отношения, если не учитывать определённую дистанцию между нами, которую, как мне кажется, установила его милая жена Лиля сразу же после нашего появления в Германии. Я думаю, они просто опасались, что мы будем нагружать их своими проблемами и досаждать просьбами о помощи. Лёва в те годы был техническим директором западно-германского радио и телевидения (WDR). Но, как показала жизнь, мы в дальнейшем вели себя вполне прилично и собой их не обременяли, а скорее наоборот.

Тогда с письма, переведенного на немецкий Лёвой, я сделал пару десятков копий и стал рассылать по указанным адресам. Моя идея вызывала всеобщие насмешки. Иногда, услышав, чем я занимаюсь, самые «опытные» смотрели на меня с сожалением и даже сочувствием. Но я решил идти в этом до конца. В поисках квартиры все средства были хороши. Лёва Даниленко рассказал нам, что он недавно познакомился с приехавшей из Свердловска семьёй музыкантов по фамилии Зетель. Он дал нам их телефон и порекомендовал переговорить с ними по поводу квартиры. Телефонный разговор с Исааком Зусмановичем Зетелем квартирный вопрос никак не приблизил к решению, но он нас пригласил на концерт, который они должны были играть на следующий день в помещении Старой пожарной службы (Альтефоервахе). С тех пор с этой семьёй у нас сложились очень тёплые дружеские отношения. Все они – пианисты. Исаак Зетель – выдающийся пианист-педагог, в прошлом заведующий кафедрой фортепиано Свердловской консерватории, ученик Нейгауза, а Ирина Мельцер, его жена, – в прошлом доцент этой же консерватории. В 1993 году они приехали в Кёльн с двумя взрослыми детьми, Мишей и Аней, одарёнными пианистами, «в надежде славы и добра». Концерт в Альтефоервахе все четверо сыграли виртуозно и вдохновенно. Их игра произвела на нас с Таней очень сильное впечатление.

Среди обязательных посещений были регулярные ежемесячные визиты в социальное ведомство, а в дальнейшем мы

должны были уже раз в три месяца отмечаться на бирже труда (арбайтсамт). Посещения носили абсолютно формальный характер, потому как никто нам никакой работы предложить не мог, да и не собирался. В то время в Германии 10% трудового населения были безработными. Кому при этом нужны были пожилые иностранцы, да ещё и безъязыкие?.. Вот каждый и играл свою нехитрую роль в этой стране, ещё недавно называемой социальным раем. Чиновники биржи труда, в том числе и благодаря нашим посещениям, были обеспечены постоянной работой, исправно оставляя отметки в наших бегунках. Но без этой отметки нам не числялась социальная помощь. Таким печальным образом замыкался круг нашего бессмысленного бега на месте.

Мы очень быстро поняли, что слишком поздно решились на эмиграцию. Фактически уже начиная с 45-летнего возраста, за редкими исключениями, иностранец в Германии обречён на праздное существование, получая социальную помощь. В свободное от посещений официальных учреждений время мы потихоньку стали знакомиться с городом и его обитателями. Надо сказать, что первые впечатления были настолько ошеломляющими, что, несмотря на вполне понятную стрессовость ситуации, мы постоянно ловили себя на радостно-глуповатой улыбке, застывшей на наших лицах, и восторженно-оценивающих взглядах на всё окружающее нас. Мы поражались неправдоподобной чистоте городских улиц и площадей. Позднее, честно говоря, мы видели в Европе города и почище, но в первое время могли сравнивать только с тем, что совсем недавно покинули. Вызывали удивление совершенно чистые сверкающие автомобили. Было такое ощущение, будто они только то и делают, что переезжают от одной моечной станции к другой. Гигантские грузовые машины-фуры скользили почти бесшумно по городским улицам, удивляя своей ухоженностью и слепящим блеском хромированных вращающихся деталей и молдингов. При этом поражало полнейшее отсутствие в городской атмосфере запаха выхлопных газов, что объяснялось, очевидно, лишь качеством автомобилей и добросовестной работой станций техобслуживания. Наиболее выразительным показателем

чистоты воздуха было огромное множество расплодившихся диких то ли кроликов, то ли зайцев. Эти серенькие с белыми попками симпатяги весело стригли сочную траву городских парков, которых в Кёльне оказалось великое множество.

Часто встречались здания, украшенные гирляндами цветных воздушных шаров. Это вызывало недоумение, но смотреть было приятно. Только много позже мы узнали, что эти нарядные воздушные шары лишь означали открытие нового заведения. Надо сказать, что Кёльн оказался очень зелёным городом благодаря мудрому правлению его бесменного (1917 – 1933) обер-бургомистра Конрада Аденауэра. В 1922 году он присоединил к собственно Кёльну около десятка небольших пригородных зелёных посёлков, запретив категорически сокращать в них парковые площади. В результате все районы Кельна имеют превосходные зоны отдыха. Кроме того, в Кёльне есть два прекрасных ботанических сада. Один из них – «Флора» – находится в центре города. Мы часто бываем там в разные периоды кёльнского весенне-летнего времени. Приходит весна, и оживает сад. Первыми пробуждаются (не без помощи садоводов-художников) клумбовые пространства с тюльпанами, нарциссами, гиацинтами и анютиными глазками. Радует глаз фантастическое цветочное разнообразие. Март-апрель – это время цветения камелий. Их буйство цвета и формы не могут удержать прозрачные стены специально отведенного павильона – пышные яркие кусты встречают уже у входа. В аллее рядом цветёт и пахнет сирень, в зеркальных прудах плещутся огромные зеркальные карпы, мирно уживаясь с олигархическими золотыми рыбками. Всё дышит покоем и радует душу. На смену скромным весенним цветам приходят жаркие роскошные розы. Розарии пестрят не только удивительными экземплярами, но и табличками с их головоломными названиями. Сезон заканчивается парадом прекрасных холодных хризантем. В аристократическом районе города Роденкирхене находится Центральный ботанический сад, куда мы обязательно раз в году ездим, чтобы любоваться взрывом цветущей сирени, пожаром распустившихся рододендронов и надменной красотой отвратительно

каркающих ослепительных павлинов.

Но вернёмся к впечатлившим нас особенностям городского транспорта. Зоны остановок и подземные переходы оснащены тактильными площадками и полосами для слабовидящих. Средние двери городских автобусов оборудованы специальными откидными платформами для въезда инвалидов на колясках. При этом весь автобус с помощью мощной гидросистемы приседает, чтобы удобнее было в него зайти. Двери вагонов метрополитена (унтергрундбан, или у-бан) снабжены, как ни странно, для удобства пассажиров ступенями, выкатывающимися вровень с посадочной платформой. Большинство остановок городского транспорта оснащены электронными табло, приветливо указывающими с вызывающей точностью время прибытия транспорта на данную остановку, причём указанное время всегда совпадало с фактическим расписанием, не говоря уже о том, что ожидаемое «средство передвижения» приходило почти всегда точно. Если же случалась какая-то непредвиденная задержка, мы с Таней недоумённо переглядывались, вопрошая друг друга. Дескать, ну где же этот пресловутый ордунг. С тех пор слово «пресловутый» у нас нарицательное, и мы всегда так называем ожидаемый автобус или трамвай. Нас всё это настолько удивляло, что мы долго не могли взять в толк, почему это ужасное капиталистическое общество заботится о самых простых пассажирах. Было, правда, одно наблюдение, которое отдавало явное преимущество советским пассажирам перед немецкими. Здесь редко можно было увидеть в городском транспорте читающих людей. В нашей же прошлой жизни читали иногда даже стоящие, а уж те счастливики, что занимали сидячие места, просто превращали салон в хату-читальню. Не случайно было время, когда Советский Союз считался самой читающей страной в мире.

Очень непривычно было смотреть и на лица прохожих. Отсутствовала такая до боли знакомая советская маска, выражающая одновременно полное безразличие и пугающую агрессию. Лица идущих навстречу нам людей поражали достойным спокойствием, а чаще всего ещё были освещены

лёгкими улыбками. Такие же улыбки нас ожидали во всех магазинах. На первых порах казалось, что это именно нам так рады, что если бы мы сейчас не зашли в этот магазин, они бы просто без нас пропали. Со временем мы поняли, что нас приветствовали дежурной формальной улыбкой, которая всё же была во сто крат лучше, чем привычное хамство наших козырных продавщиц из прошлой жизни. Спасибо (данке) и пожалуйста (битте) были, пожалуй, самыми часто повторяющимися словами. Как-то мне рассказали, что немецкую ментальность легче всего представить в виде конвейера рабочих на стройке, передающих друг другу из рук в руки кирпичи со словами: «Данке шён» – «Битте шён» – «Данке шён» – «Битте шён».

Должен сказать, что светлые лица и улыбки вовсе не означали, что местные жители отличались неземной красотой. Отнюдь. Если мужчины были ещё куда ни шло, то женщины, мягко говоря, оставляли желать много лучшего. Но зато маленькие дети у нас первое время просто вызывали восторг. Чистенькие, аккуратно и со вкусом одетые и практически всегда в хорошем настроении. Ни пустопорожних капризов, ни истерических воплей с паданием на землю и сучением ножками. Мы обращали внимание на то, что сопровождающие взрослые разговаривали с ними тихим голосом с обязательной улыбкой, явно стараясь не оказывать на них необоснованного давления. Наше любование немецкими детьми, к сожалению, омрачалось горькими воспоминаниями о «счастливом» детстве наших советских детей.

Более или менее подробного разговора заслуживают обычные европейские общественные туалеты. Чтобы это оценить в полной мере, надо просто вспомнить, как выглядели общественные туалеты ТАМ. На одном из туалетов города Москвы, не Мухоморанска, а Москвы, висела приклеенная к двери записка, на которой твёрдой рукой было написано: «Общий засер!» Это вполне можно было распространить и на всю территорию бывшего СССР. Здесь же общественные туалеты всем своим внешним и внутренним видом показывали, что они тебе очень рады. В них светло, чисто, всегда есть туалетная бумага, на всех дверях работающие

защёлки, крючки для одежды и умывальники, порой даже с горячей водой. А самое поразительное, что ни стены, ни двери не несут специфических отпечатков пальцев и даже не украшены креативным творчеством народных поэтов и художников, отягощённых, по-видимому, либо избытком свободного времени, либо страдающих сильными запорами.

Мы с удивлением обращали внимание на то, что на улицах почти нет пьяных. Правда, в наиболее людных местах, типа вокзалов или подземных переходов, можно встретить попрошаек, главным образом, как ни странно, молодых людей с пивом в руках, часто с собаками, которые с не оправданным оптимизмом просят копеечку (кляйн гельд). Если у вас нет при себе мелочи или вы вовсе не считаете нужным подавать, можете пройти как мимо пустого места, услышав вслед лишь бодрое спасибо и пожелание хорошего дня (данке шён унд шёнен таг нох). Никаких обидных слов, никакой агрессии. Кстати, что касается агрессии, мы убедились, что можно без страха как угодно поздно возвращаться домой, не опасаясь наткнуться на какие-либо неприятности. Ночной город внушал доверие и спокойствие. Разумеется, не было никакой гарантии не нарваться на какого-нибудь психа или беспредельщика, но этого, слава Богу, с нами ни разу не случилось.

Довольно часто в зелёных городских зонах можно было встретить группы пожилых людей пенсионного возраста, одетых стильно и удобно для длительных пеших прогулок, с лёгкими тросточками в руках и обязательными рюкзаками за спиной, наполненными походной снедью. Они бодро вышагивали по заранее намеченным маршрутам, весело переговариваясь. Как позднее нам стало известно, это были представители многочисленных клубов для пожилых людей, опека над которыми осуществлялась районными социальными службами. Таковы были наши первые чисто зрительные впечатления от города и его обитателей.

Нашими первыми добрыми приятелями в Кёльне стали Уральские, знакомство с которыми нам подарил, дав их телефон, Юра Марьямов. Это были очень лёгкие в общении люди.

Мы с Уральскими в Бад-Мюнстерайфеле

Марк – такой советский Гаргантюа, гурман и селадон – по специальности был инженером-химиком, а по призванию и способностям явно тяготел к литературе, что в конце концов и вылилось в написанные им две или три добротные книги. При этом он являл собой разносторонне образованного человека, а поэтому общение с ним было большей частью приятным. Его жена Аня – очень неглупая и яркая женщина с заметно выраженным либидо. Она работала служащей в центральной кёльнской газете, что говорило о её вполне приличном знании немецкого языка. Кроме того, Аня обладала и незаурядным художническим талантом. Её творческая индивидуальность находила отклик у любителей современного искусства. Мне очень нравились работы Ани, в которых она просто ворожила цветом. Но был у них, на мой взгляд, один существенный недостаток. Они, как представители в недалёком прошлом московского артбомонда, вульгарно матерились, причём грязно и не по делу, часто бравидура этим просто ради эпатажа. Должен сказать, что я, проработав большую часть жизни на заводе, всю эту терминологию отлично знал и даже применял в соответствующих случаях, но при Тане бравурно звучащая матерщина меня

выводила из равновесия. Причём это могло происходить и при матери, и при детях, а уж при посторонних – вообще без границ. Надо сказать, что поначалу они при нас как-то сдерживались, но постепенно чем глубже развивались наши дружеские отношения, тем слабее становились тормоза. Я неоднократно просил их (главным образом, конечно, Марка) обойтись без ненормативной лексики, но мои усилия не приносили результата. Встречи становились всё реже и реже, что в конечном итоге, к большому нашему сожалению, привело к окончательному разрыву отношений. Мы, разумеется, разошлись без скандала и не без приятности изредка общаемся и сейчас.

Мы находились на теплоходе до получения места в общежитии два с половиной месяца. Здесь пережили грандиозное наводнение (хохвассер), которое, как оказалось, для Кёльна явление не редкое. Набережная левого берега Рейна и центр старого города в районе романской церкви святого Мартина оказались почти на метр под водой. Мы же на нашей «Фортуне» ощутили это весьма своеобразно. Ватерлиния теплохода вышла на уровень набережной. В результате, если раньше, чтобы пройти на палубу, мы спускались по трапу под углом чуть ли не в 45 градусов, то во время наводнения приходилось практически под тем же углом подниматься. Это было очень необычно. К чести кёльничан нужно сказать, что, как только сошла высокая вода, буквально через несколько дней были полностью ликвидированы последствия этого стихийного бедствия.

В середине февраля Ире, Марату и Диме было предоставлено общежитие в пригороде Кёльна – Ворингене. Это был не самый лучший вариант, но всё-таки не «Фортуна». Почему только им, объяснялось очень просто. На уже упомянутую грузовую станцию «Боннтор» прибыл из Киева наш контейнер, каждый день нахождения которого стоило немалых денег. При этом понятно, что его содержимое нельзя было перевезти на теплоход. А по весьма гуманным правилам приёма контингентных беженцев, то бишь нас, социальное ведомство оплачивало все наши минимальные потребности, включая хранение и транспортировку наших пожитков. Но

гуманизм тоже не безграничен. Поэтому, чтобы не платить слишком много за прибывший контейнер, они поспешили выдать место в общежитии Берковским, поскольку контейнер был оформлен на Диму. Дима обошёл несколько транспортных фирм, получив от них смету за предполагаемую перевозку, чтобы социаламт мог выбрать наиболее дешёвую (такой порядок). В конечном счёте все наши вещи, включая и перевезенные из Унны, попали к Берковским в подвал их общежития.

С 1 марта нас всех призвали под знамёна высших языковых курсов для академиков. Так в Германии называются люди с высшим образованием. А мы, как назло, были именно таковыми. Правда, мне и Марату перенесли начало занятий на курсах по медицинским соображениям. Марик успел прооперироваться, а я, принимая во внимание особо благоприятные условия иммиграционного дебюта, организовал себе очередное обострение язвенной болезни. Надо сказать, последующие годы, несмотря на продолжающиеся иммиграционные обстоятельства, очевидно, были достаточно благополучными, что гарантировало меня от очередных язв. В результате Таня, Ира и Дима попали в одну группу с очень милым преподавателем, которого звали господин (гер) Фозен. Мы же с Маратом – в другую, где из нас вила верёвки госпожа (фрау) Бригитта Фаль, которая всем своим видом выказывала нам своё презрение и, мягко говоря, немотивированную нелюбовь. Образы знакомых нам по советским фильмам надзирательниц в женских концентрационных лагерях явно проигрывали в сравнении с ней. В течение шести месяцев пять раз в неделю по шесть часов в день мы погружались в немецкий язык, не понимая ровным счётом ничего из того, что изливалось на нас из этого, прямо скажем, недоброжелательного рта. Причём если первые два-три часа удавалось хоть что-то с грехом пополам понять, то вторая половина учебного дня проходила в полуобморочном состоянии. Только нервное подрагивание выдавало в нас утасяющую жизнь. Единственно светлым местом в наших занятиях были крайне редкие лекции профессора Кнутке, который немного знал русский язык, что

очень помогало не только нам, но и ему. По окончании курсов каждый из курсантов получил свидетельство (цойгнис) с оценкой наших персональных достижений вне зависимости от реальных результатов. Да, я забыл сказать, что обучение на курсах было совершенно бесплатным, и к тому же нам ещё оплачивали транспортные расходы. Припоминаю, что в нашей группе лишь четыре человека из двадцати после окончания курсов могли с трудом понимать, что им говорят, а уж самим что-то произнести так это была просто мука мученическая. Остальные, включая и нас с Маратом, успешно окончили курсы, сохранив в этом смысле почти абсолютную девственность. Так что знаменитый метод полного погружения в иностранный язык на нас потерпел фиаско. Я думаю, что наш возраст, прямо скажем не первой свежести, тоже сыграл свою немаловажную роль. С этим меня и выпустили в чужой и настороженный по отношению ко мне мир. Приходилось приспособливаться по мере сил и возможностей.

Между тем малознакомая языковая среда всё больше и больше проникала в наши перегруженные мозги. Самым популярным словом, которое слышалось со всех сторон, было «шайсе», что в переводе означало «дерьмо». Оно вплеталось в ткань самых безобидных разговоров не только взрослых, но и детей, вплоть до появления языковых новообразований. Например, если нужно было сказать: «Мне всё равно», что по-немецки звучит просто: «Мир ист эгаль», произносилось: «Мир ист шайсэгаль». Как гвозди в нас, безъязыких, вколачивались самые актуальные слова: «шпарен» – «экономить»; «костенлос» – «бесплатно»; «вас костен дас?» – «сколько это стоит?»; «цуфиль» – «слишком много» и др. Быстро осваивались и языковые клише, существующие во всех языках. При встрече немцы в обязательном порядке обмениваются короткими фразами: «Ви гейтс?» – «Данке, гут!», что означает: «Как дела?» – «Спасибо, хорошо!», а при расставании в зависимости от ситуации: «Шёнен таг нох!» – «Хорошего дня!» или «Шёнес вохенэнде!» – «Хороших выходных!» В ответ обычно говорится: «Данке, гляйх фаль!» – «Спасибо, вам тоже!», но возможны и другие варианты. Очень популярным является приветствие-вопрос: «Алес кляр?», что на русский

переводится не совсем к месту: «Ясно?» Супруги друг к другу чаще всего обращаются: «Шатц!» – «Сокровище!», скрывая порой за этим страстным словом полное безразличие или даже антипатию. Понравившемуся симпатичному ребёнку бросают с умильной улыбкой коротко: «Зюс!» – «Сладкий!» Часто доводилось слышать забавное словечко «дох!», что по сути означало отрицание отрицания. Допустим, один из собеседников спрашивает: «Комст ду ниht?» – «Ты не придёшь?», другой отвечает: «Дох!» – «Нет, приду». Чтобы уже не возвращаться к языковой теме, скажу, что в Кёльне среди основной части населения господствует особый кельнский диалект, называемый «кёльш». В нём шипящие звуки превалируют над всеми остальными. Особенно забавно слышать, как при знакомстве один представляется другому на кёльше. На высоком немецком (хох дойч) прозвучало бы: «Их хайсе Ганс», означающее всего лишь: «Меня зовут Ганс». В то время как на «кёльш» произносится: «Ишь шайсе Ганс», что в переводе на русский фактически выглядит странным признанием: «Я дерьмовый Ганс».

Февраль прошёл очень тревожно. У Марата внезапно воспалилась предстательная железа со всеми вытекающими, точнее плохо вытекающими, последствиями. Его забрали из общежития по скорой помощи в больницу и срочно прооперировали. Нужно ли говорить, какое в семье это было напряжённое время. К счастью, операция прошла благополучно, и больной пошёл на поправку. Но через несколько дней у Марата начались чудовищные головные боли. Оказалось, что у него в голове лопнул сосуд, и образовалась большая гематома. Так отреагировала его сосудистая система на спинно-мозговую анестезию. Теперь для удаления этого угрожающего жизни Марата сгустка крови срочно потребовалась трепанация черепа. В ту же ночь ему было сделано всё необходимое. Причём эта сложная и тяжёлая операция была проведена при помощи эндоскопов через три небольших отверстия в голове. Через две недели, слава Богу, всё нормализовалось. Но что это были за две недели!.. 29 марта мы получили направление в общежитие, расположенное в районе Юнкерсдорф на улице Шлейдорнвег.

Заглянув в словарь, мы выяснили, что по-русски это означает – «терновый путь». «Многозначительно», – подумали мы. И действительно, сначала – теплоход «Фортуна», теперь – улица «Терновый путь». Что же дальше? А дальше нас ждала улица «Брюккер Мауспфад», что означает «мышьяная тропа». Но об этом позже. Сейчас же нужно было обживать своё новое жилище.

Спасибо Рене Уриху, который перевёз необходимые нам вещи из Ворингена в Юнкерсдорф. Рене – младший Танин кузен, а Лора соответственно его жена. Это очень милые и доброжелательные люди, с которыми у нас, несмотря на, казалось бы, существенные ментальные различия, завязались хорошие родственные отношения. Они приезжают к нам в гости, а мы бываем у них. Рене всегда готов прийти на помощь и неоднократно это доказывал. Мы с благодарностью вспоминаем их радушие и щедрое гостеприимство во время нашего гостевого (по их приглашению) визита в Германию в конце 80-х годов.

Общежитие находилось в западной части города, за центральным стадионом. По сравнению с другими возможностями, предложенный вариант был наилучшим. В недавнем прошлом в этом двухэтажном здании находилась гостиница с коридорной системой расположения номеров. Нам выделили небольшую комнату на втором этаже с собственным туалетом и душем, которую Таня за один день превратила в очень уютное обиталище. Кухня была общая на несколько комнат. Нашими соседями оказались многодетные турецкие семьи, в которых почему-то чистота и порядок поддерживались только внутри своего жилья. Коридор и кухня находились вне зоны их внимания и заботы. Перед дверьми комнат валялось огромное количество грязной обуви, конфетки их плит постоянно стояли залитые застывшим жиром, а мусорные вёдра выносились только под нашим нажимом. В результате кухню освоили не только обитатели нашего этажа, но и огромные лакированные тараканы, как потом выяснилось, турецкого происхождения. Со временем Танюхе каким-то образом удалось потеснить эту кухонную живность, отрегулировав периодичность уборки.

Жизнь протекала относительно размеренно. Утром мы бежали на курсы, а после занятий с выжатыми мозгами добросовестно садились за выполнение домашних заданий. Тогда мы ещё верили в эффективность этих курсов и не теряли надежду найти работу. Мы отправили свои дипломы в соответствующие учреждения для их признания (анеркенунг). В апреле 1995 года мы этого дождались, но получили свои дипломы с дискриминационной отметкой «U», означающей – диплом выдан в Украине. При приёме на работу в Германии такая отметка сразу переводила тебя при всех прочих равных условиях в третьеразрядного претендента.

Нашими главными развлечениями той поры были хлопоты по розыску постоянного жилья, а в свободное время мы гуляли по городу, знакомясь с его достопримечательностями. Вечерами наиболее активные обитатели общежитий выходили на охоту. Речь идёт о «шпермюле», что в переводе означает крупногабаритный мусор. В Германии во времена экономического ренессанса в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия было принято менять мебель и другие пожитки на более модные, а старьё (ещё вполне хорошего качества) выносить на улицу. В народе это называли «выбросами». Клич «Пойдём на выбросы!» действовал магически. В определённые дни на близлежащих улицах образовывались мебельно-вещевые торосы, где зоркий и опытный взгляд выхватывал, а руки ловко вытаскивали «жизненно» необходимое. Здесь можно было найти любые действующие бытовые приборы, одиночную мебель и даже целые гарнитуры, посуду, носильные вещи и велосипеды. Надо сказать, что очень скоро жилые комнаты отдельных везунчиков и подвалы общежития наполнялись приобретенным так, что нельзя было в них повернуться. У одного моего знакомого в подвале стояло десять вполне кондиционных велосипедов, что у меня вызывало грешные мысли: а не разыскивается ли один из них его зазевавшимся на минуту бывшим хозяином. Мы почему-то к этому процессу отнесли весьма спокойно, но тоже кое-что там приобрели. А по выходным дням ещё одна меркантильная развлекуха – посещение блошиных рынков, называемых в Германии трёдельмарктами.

Трёдельмаркт – это своеобразный и очень разнообразный мир. Чего там только нет! Всё, что твоей душе угодно. Впрочем, чаще всего там как раз и нет того, что ищешь. Зато сколько всякой ерунды ты, сам того не замечая, покупаешь, прельстившись на мелочные цены. А кроме того, это настоящий аттракцион. Скажем, тебе приглянулась какая-то вещица. Надо, не надо – приглянулась. Ты подходишь и спрашиваешь: «Сколько это стоит?» В ответ, допустим: «10 евро». А ты, так невинно: «А за четыре пойдёт?» После внушительного раздумья слышишь: «Нет, последняя цена – пять». И ты, ошарашенный, быстро соглашаясь, с гордым видом несёшь домой совершенно никому не нужную чепуху, которой на самом деле красная цена в базарный день максимум – 2 евро. Но бывает, что, «навозну кучу разрывая», находишь что-то нужное и даже редкое. На первых порах нашей иммигрантской жизни блошинный рынок часто позволял решать мелкие бытовые проблемы. При этом прогулка по трёделю давала возможность, как говорится, себя показать и других посмотреть, а заодно и обменяться самыми актуальными новостями. Например, выяснить, в каких жилищных гезельшафтах сейчас записывают на очередь нашего брата. Так, нам стало известно, что в Хорвайлере (северный район Кёльна) в таком-то месте это не вызывает проблем.

Узнав, в какие дни там происходит приём страждущих, мы вновь попросили Аллу поехать с нами в качестве переводчика (дольметчера). Мы зашли в бюро, где нас встретил высокого роста изящный молодой человек вполне интеллигентного вида. Алла, как могла, описала наши неоспоримые достоинства с одной стороны, а с другой – попыталась выжать у него слезу, обрисовав наше бедственное положение. Сделала она это, очевидно, так артистично, что произвела на молодого служащего неизгладимое впечатление. В результате нам он отказал, а Алле предложил трёхкомнатную квартиру, в которой они благополучно прожили до 2010 года. Очередной раз его величество Случай сыграл в спектакле жизни решающую роль.

А вот ещё один эпизод с победоносным участием Случая и снова Аллы Яровой. Как-то мы обедали у себя в общежитии.

В это время у нас в гостях была Алла. Раздался стук в дверь, и в комнату вошли милая маленькая пожилая женщина и с ней очень крупный, просто амбал, мужчина. Дама, держа в руках почтовый конверт, заговорила по-немецки. Она представилась как фрау Штратманн, а сильно полысевший амбал оказался её сыном. Хорошо, с нами была Алла. Выяснилось, что они владельцы одной из квартир, на которые по объявлениям в газете я откликнулся своим письмом. Фрау Штратманн рассказала, что они получили около 70 предложений и теперь объезжают всех, чтобы выбрать наиболее подходящих жильцов для сдаваемой квартиры. Мы их пригласили к столу, на котором в этот момент в тарелках маняще исходил парком настоящий украинский борщ, распространяя в пространство свой неповторимый аромат. От борща, правда, они отказались, но было видно, что нормально сервированный на скатерти стол оставил явно благоприятное впечатление. Они попросили посмотреть все имеющиеся у нас документы, вплоть до школьных аттестатов, обратили внимание на книжные полки, тесно заполненные книгами, правда, на незнакомом для них языке, а под конец мадам заглянула даже под кровати в тайной уверенности увидеть там опустошённые бутылки. Но её ждало разочарование. Они вежливо откланялись, сказав на прощание, что сообщат о принятом решении.

После их ухода Алла передала нам забавный разговор, который у них произошёл без перевода нам. Узнав по нашим документам, что мы приехали по еврейской квоте и, соответственно, что я еврей, она очень удивилась, сказав, что она впервые видит такого, пардон, симпатичного еврея. Еврей в её представлении (живуч оказался Геббельс) – это неопрятный сутулый маленький человечек с бегающими глазами и висящими чёрными слипшимися пейсами. А тут на тебе! В итоге она казалась растерянной, несмотря на вроде бы вполне благополучное впечатление.

Поначалу я ежедневно справлялся у комендантши общежития, нет ли для нас письма, но всегда получал отрицательный ответ. Фрау Штратманн не отзывалась. И всё же я не терял надежду, хотя всё чаще мне припоминались

насмешки недоброжелателей по поводу моих писем на газетные объявления. Прошёл месяц, как вдруг под вечер в дверях нашей комнаты появилась та же парочка. Фрау Штратманн вошла со словами: «Мы решили, что вы подходите нашей квартире. Поехали с нами, мы вам её покажем». Понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть наш столбняк, и мы отправились на смотрины. Наша цель, район города Брюк, находилась на противоположном конце Кёльна. Поездка, надо сказать, была довольно тягостной, потому что всю дорогу, а дорога была не близкой, в машине стояла гробовая тишина. Мы молчали из-за своего незнания языка, а они, скорее всего, проявляли деликатность и тоже помалкивали. Спустя полчаса мы прибыли. Это был небольшой шестиквартирный дом с двумя полноценными этажами и мансардой. Выходящие на улицу балконы горели пунцовой геранью. Предлагаемая нам квартира находилась на первом, по-нашему, этаже, а по немецким стандартам этот этаж называется эрдгешосс, что в переводе означает – земляной, хотя на самом деле он располагался на полметра выше уровня земли. Квартира была совершенно пустой, а потому казалась очень большой. Её общая площадь – 60 кв. метров полностью соответствовала установленным стандартам для получения социального жилья. Две отдельные комнаты (спальня, выходящая окнами в зелёный двор, и гостиная с окнами на улицу), вполне приличная кухня, ванная, совмещённая с туалетом, небольшая кладовка, хороший балкон и персональное помещение в подвальном этаже, называемое здесь келлером. Там же в подвале находились большое помещение на всех для сушки белья и котельная, обеспечивающая горячую воду и центральное отопление. Казалось бы, всё хорошо, но Таня категорически не могла примириться с первым этажом, что тихим, но настойчивым шёпотом пыталась во время всего осмотра втолковать мне. При этом у неё периодически на глазах появлялись слёзы, которые в конце концов не остались без внимания фрау Штратманн. «Что, вам не понравилась квартира?», – с обидой в голосе спросила она. «Дох» (помните – отрицание отрицания), – нагло сказал я за двоих, – «очень понравилась!», и попросил у неё

один день на размышление.

На что я тогда рассчитывал, один Бог ведал. Вечер прошёл нервно. Но мне всё же удалось уговорить Таню вновь съездить туда завтра утром уже своим ходом, то есть городским транспортом, осмотреться окрест при дневном освещении и уж затем принимать окончательное решение. Так и поступили. После завтрака мы сели в трамвай №1 и через 40 минут были на месте, отметив по пути, что до центра города всего 20 минут. Был замечательный солнечный летний день. Выйдя из трамвая, мы неожиданно почувствовали, что наши лёгкие наполняются упоительным лесным воздухом. Недалеко от дома располагались два продовольственных магазина, почта и аптека. А обойдя ближайшие окрестности, мы обнаружили с одной стороны от дома душистые деревенские сочно-зелёные поля, а с другой – в десяти минутах ходьбы ухоженный заповедный лес. Лёд тронулся, и в настроении Танюхи произошли позитивные изменения. Ещё немного словесной риторики, и крепость пала. Утром следующего дня мы позвонили фрау Штратманн и дали своё согласие. Нам показалось, что это известие она встретила с радостью. Однако на этом наши приключения с квартирой не закончились. Подготовив все необходимые документы, мы отправились в городское жилищное управление для оформления и получения ордера на вселение. Но там нас ждал неожиданный и категорический отказ. Нам сказали просто и без затей, что такая квартира предназначается только для немцев. Задыхнувшись от обиды и возмущения, мы убрались восвояси. При помощи всё той же Аллы рассказали фрау Штратманн об отказе и о сути формулировки. Как ни странно, она была возмущена, сказав, что дойдёт чуть ли не до обер-бургомистра, но добьётся, чтобы квартиру разрешили снимать нам. И надо сказать, спасибо ей, она этого добилась.

7 июня мы подписали договор о найме (митфертраг) и 15 июня въехали теперь уже в нашу квартиру, где живём и по сей день. Когда фрау Штратманн выяснила, что у нас совершенно нет мебели, она любезно предложила взять из подвала стоящие там кровать, матрасы, стол и пару стульев. Ира

нам дала электрическую плитку, а элементарной кухонной утварью нас обеспечило социальное ведомство ещё при освоении общежития. Пусть это кому-то покажется смешным, но этими кастрюлями и тарелками мы пользуемся до сих пор. Так началась наша новая жизнь в Кёльне.

Теперь в срочном порядке нужно было обустроиваться на новом месте. Перво-наперво мы обратились в социаламт за материальной помощью на это самое обустройство. В те годы вновь прибывшим выделялась довольно приличная сумма. Причём цифра бралась не с потолка, а из расчета метража квартиры, размеров окон и дверей и наличия или отсутствия в доме общественных стиральных и сушильных автоматов. Исходя из принесенных данных нам было выделено 4460 марок и выдан ориентировочный перечень того, что необходимо приобрести. У меня сохранился этот перечень, и мне кажется нужным и важным его здесь привести. Вот он:

Гардины, шторы и занавески	– 380,-
Кухонная мебель	– 240,-
Кухонное оборудование (холодильник, электроплита)	– 400,-
Стиральная машина	– 750,-
Электрооборудование (лампы для всех помещений)	– 170,-
Мебель для спальни (кровать, матрасы, шкаф)	– 1370,-
Постельное бельё	– 190,-
Мебель для гостиной (сервант, стол, кресло, стулья)	– 880,-
Утюг	– 30,-
Радио	– 50,-

Впоследствии копии всех квитанций на приобретенное нужно было предъявить социаламту. Кроме того, первые, если мне не изменяет память, три года выделялись деньги на одежду, отдельно на летнюю и отдельно на зимнюю. У меня сохранились документы (перечень и выделенные суммы) почему-то только за 1996 год. Летний перечень.

Мне (210,-):

Обувь – 60,-; брюки – 70,-; рубашка – 20,-; кофта – 40,-; бельё -20.

Тане (320,-):

Блуза – 30,-; обувь – 60,-; плащ – 150,-; платье -60,-; бельё – 20.

Зимний перечень.

Мне (85,-):

Пуловер – 30,-; рубашка – 20,-; пижама – 25,-; бельё – 10,-.

Тане (295,-):

Юбка – 60,-; брюки – 60,-; пуловер – 30,-; блуза – 30,-; обувь – 60,-; пижама – 25,-; халат – 30,-.

А теперь скажите, какие чувства к Германии должен испытывать иностранец, приехавший в эту страну и ощутивший к себе такое отношение государства. Что касается нас с Таней, то мы не устаём мысленно благодарить Германию, судьбу и комплекс внешних обстоятельств, позволивших нам здесь оказаться. Я знаю, что найдутся такие, и думаю, их наберётся немало, которые мне станут рассказывать о Второй мировой войне, о Холокосте и обвинять нас во всех смертных грехах, вплоть до обвинения в предательстве миллионов жертв этой страшной войны. Нет, нет и ещё сто раз нет! Нет тут никакого предательства. Мы приехали в современное европейское демократическое государство, которое сегодня не должно нести чувство вины за содеянное фашистским режимом во главе с Гитлером и его бандой. И если руководство страны по доброй воле принимает законы, каким-то образом хоть частично компенсирующие страшное историческое прошлое, то честь ему и хвала. Разве можно забыть, как 40 лет тому назад канцлер Германии Вилли Брандт у монумента жертвам фашизма в Варшавском гетто коленопреклонённо от имени всего немецкого народа просил прощения за преступления фашистского режима перед человечеством. Так правильно ли сегодня обвинять в злодеяниях фашистов современных немцев? Германия прошла длинный и тяжкий 65-летний путь после окончания войны и всей своей послевоенной историей, мне кажется, доказала, что она имеет право двигаться вперёд без убийственного ощущения этой вины. «Не судите, да не судимы будете». Мне кажется, современное немецкое государство, признав и неся историческую ответственность за Третий рейх, создало все необходимые предпосылки – от этических и правовых до социальных и экономических – для еврейской эмиграции из СССР. Вместе с тем оно никого не приглашало, не

завывало, не агитировало и не уговаривало. Так что это решение справедливо было бы рассматривать как исторически-гуманитарную акцию. Германия, на мой взгляд, делает всё для легальных иммигрантов, чтобы они себя могли чувствовать спокойно, достойно и защищённо. Это касается и жилья, и медицины, и финансового обеспечения. Разумеется, всё познаётся в сравнении. Вот я и сравниваю с условиями жизни близких нам людей, которые по тем или иным причинам остались в Украине и России. И если уже говорить о чьём-то предательстве, то именно руководства этих стран являются настоящими предателями своего народа и даже преступниками. Тема очень трудная и неоднозначная. Но я выговорился. И тут же вспомнил строчки А. С. Пушкина:

Насилу-то, рифмач я безрассудный,
Отделался от сей октавы трудной!

А теперь вновь вернёмся к благоустройству нашей квартиры. Мы подали заявление в Телеком, в то время единственному монополисту в области телефонии, на установку домашнего телефона. Уже через несколько дней мы стали абонентами телефонной сети Телекома. Полгода жизни в Кёльне до этого мы пользовались уличными телефон-автоматами. С одной стороны, это было достаточно разорительно, а с другой – стояние в очереди отнимало много времени. Каждый звонящий, вбрасывая в ненасытную щель автомата очередную монету, считал себя в полном праве уже не обращать ни малейшего внимания на очередь. Как ни странно это звучит, а ведь прошло менее 15 лет, но сегодня почти у каждого в руках либо простой мобильник, либо смартфон, либо айфон, а у самых крутых – какой-то, уже и не выговорить, андроид. Мог ли простой еврейский мальчик (в далёком прошлом) предположить, что в его кармане будет вибрировать и издавать звуки на любой вкус сотовый телефон? Однако уже в конце девяностых я, правда, с некоторой осторожностью, но пользовался уже мобильным телефоном.

Первое, что мы приобрели на выделенные средства, была итальянская стенка-кухня, в которую вошли навесные и напольные шкафы, моечный стол, электроплита и холодильник. Через неделю нам её привезли и смонтировали.

В добавок к этому мы купили в том же недорогом мебельном магазине польский кухонный гарнитур, состоящий из стола, углового дивана и двух стульев. Кухня сразу превратилась в сердце нашего жилища. Теперь наши мысли были направлены на обустройство гостиной и спальни. А пока мы спали на железных кроватях. При этом надо учитывать, что мы продолжали заниматься на курсах, но всё же хотели по возможности быстрее решить эти проблемы. Нам посоветовали обратиться за помощью в городское отделение международной католической благотворительной организации «Каритас».

При помощи всё той же Аллы там нам дали адрес дома, хозяин которого предлагал отдать бесплатно какую-то мебель. Мы приехали по указанному адресу. Это был двухэтажный дом, принадлежащий недавно ушедшим из жизни родителям встретившего нас молодого человека, который, как выяснилось, работал токарем на кёльнском филиале концерна «Форд». Теперь он продал дом, и ему нужно было побыстрее его освободить от мебели и прочих пожитков. Мы в гнетущем молчании, учитывая наш немецкий, прошли с ним по комнатам обеих этажей и, оказавшись внизу в гостиной, растерянно посмотрели друг на друга. Хозяин с удивлением спросил: «Неужели вам ничего не понравилось?» Разумеется, нам понравилось почти всё, но мы просто чувствовали себя крайне неловко, не понимая, почему он безвозмездно отдаёт такие замечательные вещи. Весь наш прошлый жизненный опыт просто встал на дыбы. «И гостиная вам тоже не подходит? Да или нет?», – вновь спросил он. Тут мы наконец очнулись и дружным дуэтом завопили: «Да, конечно да!» Он взял наш адрес и сказал, что завтра всё привезёт. Точно в условленное время подъехала машина, которую вёл сам хозяин этих щедрых даров. Он с моей помощью, тогда это ещё было возможно, занёс всё в дом и принялся за монтаж. В привезенную гостиную входили: сервант из настоящего массивного дерева с красивой резьбой, обеденный стол и журнальный столик, инкрустированные ценными сортами шпона, трёхместный и двухместный диваны и кресло. Кроме того, он привёз ещё множество всякой

всячины, включая посуду, скатерти, гардины и кухонные полотенца. Мы были тронуты таким его вниманием и поразительным бескорыстием. Быстро попрощавшись, он уехал, а мы остались, продолжая растерянно разглядывать поразительные дары совершенно незнакомого нам человека.

Со спальней вопрос решился через газету, где я прочёл объявление о продаже за 300 марок светло-бежевого спального гарнитура, состоящего из трёхметровой раздвижной стенки, двух кроватей и прикроватных тумбочек. Мы с Димой подъехали по названному в объявлении адресу и увидели разобранную спальню, не новую, но в очень хорошем состоянии. При этом я неожиданно вошёл в торговый раж и на пробудившемся кураже предложил снизить цену до 200 марок (новая аналогичная спальня стоила около 3000,-). Владелец без колебаний согласился, что позволило предположить, что он отдал бы и вовсе без оплаты, лишь бы мы её забрали. Мы с Димой привезли её и не без труда собрали. Эта спальня служит нам безотказно и по сей день. Единственное, что мы к ней добавили, – это трюмо, которое я обклеил самоклеющимися обоями точно в тон остальной мебели. Завершили базовое обустройство квартиры мы покупкой стиральной машины, телевизора и стенки-гардероба. Тут уместно, мне кажется, заметить, что в Германии существует налог на пользование всеми видами радиоприёмников и телевизоров, но получатели социальной помощи от этого налога освобождены. Худо-бедно, а всё-таки 30-40 марок экономии.

В конце июля наша квартира имела вполне жилой вид, и мы уже с удовольствием возвращались домой. Да, да, именно домой. Как ни странно, это чувство у нас появилось почти сразу. Да и город достаточно быстро завоевал наши сердца. Город, но, к сожалению, не государство. Меня, к стыду моему, все годы значительно больше интересовало, что происходило в Украине или в России, чем в Германии. Хотя наше благополучие целиком и полностью обеспечивалось этим государством, и есть достаточно твёрдая уверенность в том, что если у нас есть будущее, то оно будет достойным. При этом я не могу сказать, как многие другие, что здесь моя

вторая родина. Но здесь теперь мой дом, а родина у человека может быть только одна. Родину, как и мать, не выбирают... Вот на какую пафосную ноту пришлось выйти.

Теперь хотелось бы немного поговорить о тех, кто по сути должен был принимать приехавших по еврейской квоте из бывшего СССР – об еврейских общинах Германии, и в частности о Синагогальной еврейской общине Кёльна. Но прежде несколько строчек об истории этого вопроса. Председатель Центрального совета евреев в Германии Хайнц Галинский несколько лет вёл настойчивые переговоры с руководством Германии о возможности приёма на ПМЖ (постоянное место жительства) евреев из СССР, испытывающих на себе усиливающийся в стране антисемитизм. В конечном итоге Галинскому удалось заключить своего рода «гуманитарный пакт» с тогдашним бундесканцлером Гельмутом Колем, причем стратегической целью Галинского была не только помощь евреям из СССР, но и попытка возродить с их помощью еврейство и еврейскую жизнь в самой Германии.

Слушания в бундестаге по вопросу еврейской эмиграции состоялись в октябре 1990 года по инициативе партии «зеленых», которая всеми силами поддерживала предложения Хайнца Галинского. А уже в декабре 1990 года на конференции министров внутренних дел было официально решено принимать еврейских беженцев из СССР (а также их нееврейских супругов) со льготным статусом, приравненным к статусу так называемых контингентных беженцев (контингентфлюхтлинг). Статус контингентного беженца в Германии гарантировал неограниченный сроком вид на жительство, право на жилище и разрешение на трудовую деятельность (как по найму, так и самостоятельно), а в случае невозможности найти работу – право на социальную помощь (социалхильфе), подразумевающую и бесплатную медицинскую страховку. Контингентные беженцы получали и противодепортационный иммунитет – до тех пор, пока они существенным образом не нарушат немецкое законодательство. Окончательное установление статуса и механизма приема еврейских беженцев из СССР было принято на

конференции премьер-министров всех земель Германии, состоявшейся в Бонне 9 января 1991 года. Таким образом стало совершенно ясно, что главной целью решения о приёме контингентных беженцев было возрождение с их помощью еврейства и еврейской жизни в самой Германии. И вот мы в Кёльне, и вроде бы даже готовы принять участие в возрождении этой самой еврейской жизни. Но, как я уже рассказывал, для начала мы столкнулись с тем, что нас никто из Общины не встретил. Позже выяснилось, что городская администрация обнаружила серьёзные нарушения, вплоть до взяточничества, при приёме контингентных беженцев в Синагогальной общине Кёльна и предприняла соответствующие меры. В ответ руководство Общины, обидевшись на город, перестало встречать приезжающих. Крайними на сей раз были мы. Потом эта процедура восстановилась, и даже некоторое время я сам принимал участие во встрече новых потенциальных членов Общины. Но это было потом, а пока мы чуть ли не на следующий день после приезда в Кёльн пошли в Общину, чтобы стать на учёт, с наивной надеждой на получение какой-либо помощи в бытоустройстве или хотя бы просто доброжелательного совета. Однако там, в социальном отделе, нас встретили не слишком дружелюбно.

Априори руководством Общины было сформировано негативное мнение о прибывающих евреях из СССР, явно опасаясь их (нашего) интеллектуального потенциала. Мы, разумеется, не ждали ни пылких объятий, ни жарких поцелуев. Но равнодушие и порой даже брезгливая гримаса – вот на что нарывались почти все, кто сталкивался с сотрудницами социального отдела. В этой фразе «почти» – ключевое слово. Потому что умные люди заходили туда, в отличие от нас, правильно, открывая дверь ногами, поскольку руки были заняты. Позже меня ещё ожидала довольно унижительная и в то же время забавная процедура – разговор с весьма милым пожилым раввином, фамилию которого я не запомнил. Зато я хорошо запомнил его удивлённое лицо, когда он от меня узнал, что я необрезанный. Покраснев от нахлынувших чувств, он потребовал от меня дать подписку в том, что в ближайшем будущем я осуществлю усекновение

смущающей его моей крайней плоти. Он заверил меня, что скоро из Англии приедет знаменитый моэль, большой специалист по этой части, и ему можно полностью довериться. Я ушёл, пообещав хорошенько подумать. Думаю до сих пор.

С тех пор прошло очень много лет, но всякий раз, когда мне почему-либо нужно появиться в Общине, меня, как сейчас говорят, просто ломает, и я ищу любую причину, чтобы не делать этого. Например, каждый год перед светлым праздником Песах всем членам Общины выдают бесплатно 0,5 кг мацы. Казалось бы, всё хорошо! Но для этого ты должен заранее оформить заявление на специальном бланке и представить копию документа о получении социальной помощи. Даже в прошлой жизни советские чинуши обходились без подобной мелочной бюрократии. Противно. Поэтому семнадцать лет тому назад я взял в Общине мацу сразу два раза – первый и последний. С тех пор мы регулярно покупаем мацу из Израиля в супермаркете. Чтобы уже закончить общинную тему, скажу, что я, как и все её члены, несмотря на то, что мы живём на государственную социальную помощь, перечисляю Общине ежегодный религиозный налог (культусгельд) в размере 30 евро. Деньги, конечно, небольшие. Но, во-первых, социальная помощь, которую мы получаем, рассчитана по нижнему пределу потребительской корзины, а, во-вторых, это же деньги из государственного бюджета... Прошло уже 18 лет как я являюсь членом Синагогальной общины Кёльна, там, как в известном анекдоте, меняли мебель и даже меняли девочек, но обстановка провинциального райкома партии оставалась почти без изменений. Многие приехавшие из бывшего СССР ощутили на себе высокомерную недоброжелательность социальной службы Общины Кёльна. Творцом такой негативной атмосферы являлся её бессменный (на протяжении двадцати лет) исполнительный директор Бенцион Вибер – человек умный, дьявольски хитрый и столь же обаятельный, но плохо относящийся к большинству приехавших из стран СНГ. А поскольку благополучие служащих социального отдела целиком и полностью зависело от него, то их негативное отношение к нам имело вполне понятные корни.

В августе – сентябре мы с Танюхой успешно (с оценкой «хорошо» – смешно?) закончили языковые курсы. Как я уже писал, нам эти довольно интенсивные курсы мало что дали. Может быть, не в коня корм (конь – это я), может быть, рано ушедшие на пенсию мозги, может быть, отсутствие врождённых способностей к изучению языков, а скорее всего – банальная лень, прикрываемая всеми вышесказанными соображениями. Я думаю, что если бы мы после курсов сразу окунулись в немецкую среду, то даже те разрозненные сумбурные знания, полученные на них, нам бы оченьгодились. Но мы быстро поняли, что работа нам не светит, а следовательно, ни о какой немецкой среде не стоило и мечтать. Так мы выглядели в первый год приезда в Германию.

Правда, нужно честно признаться, что мы были настолько закомплексованы, так стеснялись своего незнания языка, что даже тогда, когда и могли что-то пролепетать по-немецки, всё равно открыть рот не представлялось возможным. Просто никак не удавалось преодолеть глупого ощущения надвигающегося позора. Мы завидовали тем, кто с лёгкостью без какого-либо стыда приставал к прохожим на улице или продавцам в магазине с любимыми, чаще всего

надуманными вопросами, совершенно не обращая внимание на их не всегда позитивную реакцию в ответ. И всё же это приносило свои результаты. А мы, страдая синдромом завышенной самооценки, не могли себе позволить («это в нашем-то возрасте») выглядеть первоклассниками. Поэтому при каждом очередном посещении биржи труда мы продолжали выклянчивать у них дополнительные языковые курсы, что в конце концов всё-таки удалось. Нам предложили трёхмесячные курсы для рабочих-деревообработчиков, которые мы посещали с большим удовольствием, чем предыдущие, предназначенные для людей с высшим образованием.

Таня – столяр

Нам по окончании пришлось сдавать экзамен на профпригодность – делать игровые доски, на которых одна сторона была шахматной, а другая, испещрённая различными геометрическими фигурами, для какой-то неведомой нам игры. Делалось всё повзрослому. Мы сперва вырезали из ДСП доску-заготовку, затем в соответствии с рисунком вырезали детали из шпона деревьев разных сортов, выклеивали его, и наконец всё это сушилось под прессом. Скажу, отбросив ложную скромность, что получилось вполне прилично. Теперь одна из наших экзаменационных досок является украшением домашней экспозиции. За время учёбы у меня сложились хорошие доверительные отношения с заведующей курсами, и она взялась, как позднее выяснилось, за совершенно безнадёжное мероприятие. Ей захотелось помочь мне в трудоустройстве, и она стала рассылать мои данные, или резюме, называемые здесь вербунгами, по множеству запросов биржи труда, к которым имела прямой доступ. По моей трудовой книжке и моим косноязычным комментариям она знала, что меня можно предлагать в качестве слесаря, чертёжника,

техника и инженера, тщательно скрывая при этом моё постыдное управленческое прошлое. Она проделала, на мой взгляд, большую работу, а в результате отовсюду пришли отказы по двум причинам: возраст и плохое знание немецкого языка. Протежирующая мне служащая, похоже, была просто ошарашена полученным результатом, вернее, его отсутствием, и долго искренне извинялась предо мной. Так были развеяны наши очередные иллюзии. Теперь нужно было срочно находить себе какое-то занятие, чтобы от безделья «с ума бы не сойти».

Но на очереди была поездка в Израиль к Люде и Пузе, он же Лёва Эдельштейн, получивший ещё в детстве кличку Пузя благодаря аппетитной комплекции. Это, пожалуй, самые дорогие для нас люди, исключая, разумеется, наших близких родственников. Безоблачная дружба с Пузей длится с 1946 года, когда нас родители привели в первый класс киевской средней школы №11, где мы вместе прозанимались по пятый класс включительно. Потом я перешёл в другую школу, Пузя с родителями уезжал на два года из Киева, но ничто не могло нарушить прочности наших дружеских отношений. Даже Пузина мама – Ева Яковлевна, которая то ли в шутку, то ли всерьёз всегда обвиняла меня в том, что всему плохому (курение, выпивка, девочки) Пузю научил я, не пыталась мешать нашей дружбе. А с Людой Слуцкой, Пузиной женой, я познакомился уже в старших классах школы № 48. Люда с сестрой Ирой и мамой Марией Алексеевной жила на улице Толстого в известном в Киеве по дореволюционным временам доме купца Мороза. Их большая комната в коммунальной квартире долгое время была нашей явочной квартирой, местом сборища нашей молодёжной компании. Там я и познакомил Пузю с Людой, которые вот уже больше пятидесяти лет вместе. Наш визит к ним был запланирован ещё из Киева, но предотъездные события обрушились с такой головокружительной скоростью, что мы вынуждены были от него отказаться. Теперь уже нас ничего не сдерживало. Вторая половина октября оказалась наиболее предпочтительным временем года для нашего посещения Израиля. Во-первых, там в это время не очень

жарко, а во-вторых, представлялась возможность провести Танин день рождения, который она в принципе не любит отмечать, вне дома. Только приехав туда, мы поняли, какой нелёгкой жизнью живут наши друзья.

Небольшая и не очень удобная квартира в захараченном бетонном доме, правда, в центре города, при очень скромном достатке. Пузя тяжко работал то слесарем, то сварщиком в маленьких частных механических мастерских, а Люда обеспечивала тылы, совмещая кухню и рациональное ведение семейных финансов. Лене, их дочке, никак не удавалось прибиться к трудовому берегу. Вот бедняга Пузя и стал ишачить, очень быстро превратившись из уважаемого толстяка в настоящего доходягу. Тяжёлый физический труд и израильский климат сделали своё дело – он похудел почти на 20 кг. На мой взгляд, их эмиграция в Израиль была ошибкой. За несколько лет до их отъезда туда выехали Пузина сестра Женя со своим семейством и мамой. Они решили во что бы то ни стало вытащить в Израиль и Пузю, бомбардируя их манящими письмами, не давая при этом истинной картины условий жизни и трудоустройства для людей, переваливших через полусотню лет. В результате Пузя, отличный специалист – инженер по автоматике, напуганный искажённой информацией о сложностях трудоустройства и отсутствием денег, схватился за первое попавшееся предложение и уже через месяц после приезда слесарил в какой-то шарашке. А в Израиле, да, наверно, не только там, возврат от чёрной работы к белой практически невозможен. И вот уже 20 лет он отбывает эту каторгу. Мне невыносимо больно осознавать его режим дня. Подъём в пять утра, возвращение домой в шесть вечера, ужин, час у телевизора в кругу семьи и в восемь уже отбой. Иначе ему не удастся восстановить силы к следующему рабочему дню. К нашему приезду Пузя взял небольшой отпуск, и мы, к нашей общей радости, проводили вместе много времени. Кроме того, через туристическое агентство нам была предложена обширная программа путешествий по Израилю. Мы объездили страну вдоль и поперёк, благо по сравнению с масштабами бывшего СССР да и европейских стран сделать это было не трудно.

От пресных вод северного озера Кинерет через перенасыщенную солью водную гладь Мёртвого моря до тёплых волн Эйлатского залива. Мы побывали в таких городах, как Акко, Хайфа, Назарет, Нетанья, Ашдод, Ашкелон, Тель-Авив, Иерусалим, Вифлеем, Беэр-Шева и Эйлат, от одних названий которых кругом идёт голова. Об Израиле написаны десятки замечательных книг, в которых этот героический народ и чудо-страна предстают во всём своём великолепии. Поэтому из чисто гуманных соображений по отношению к моим читателям я не стану описывать увиденное, а попросту отправлю самых любознательных из них познакомиться с Израилем по книге Игоря Губермана и Александра Окуня «Путеводитель по стране сионских мудрецов».

В ней поразительный сплав еврейского юмора, ярких описаний всех значимых мест, энциклопедических знаний и абсолютно наплевательского отношения к истории как к науке, а потому она читается с особым интересом и улыбкой. Жаль только, что эта милая многостраничная трепотня закончилась возмутительной, на мой взгляд, 34-ой главой, в которой авторы с изяществом стада слонов в посудной лавке превращают малоподготовленного читателя в активного антисемита. Разве можно, касаясь такой болезненной темы, действовать по принципу – «ради красного словца не пожалею и отца!» Как можно вообще о народе в целом говорить столько гадостей, и тем более о народе, к которому волею случая сам принадлежишь! Зачем таким талантливым и успешным людям понадобилось так цинично заигрывать с Чёрной сотней и ёрничать на темы о самоидентификации, национальном характере и национальной гордости евреев, забыв при этом о собственной просто человеческой гордости? Вообще, на мой взгляд, национальная гордость – это чушь. Гордиться можно умом, талантом, образованием, твёрдым характером, наконец воспитанием, но не генетическим калейдоскопом ДНК, случайно собранным в каждом отдельно взятом организме. Я думаю, что национальные черты не закладываются набором ДНК, а создаются историческим и географическим фоном, в котором развивается та или иная человеческая группа или общность. Мне совершенно

безразлично было бы знать, кто я по национальности, если бы так настойчиво и жестоко не напоминали об этом. Кажется, Ежи Лец когда-то писал: «Я – еврей, но не по той крови, которая течёт в жилах, а по той, что течёт из жил». Я не хочу жить, всё время помня, что я еврей. Я хочу чувствовать себя просто человеком. Когда я слышу, что все евреи хитрые, жадные и трусливые (малый набор антисемита), то вынужденно, к стыду своему, становлюсь в оборонительную позицию и защищаюсь. Тогда и только тогда я педалирую на своём еврействе, восхищаясь чудом создания за столь исторически короткий срок государства Израиль, выдающимися достижениями евреев в области мировой культуры и науки, их вкладом в военное время и подвигами лучшей в мире разведки «Моссад». Но нет больше сил длить эту тему, а потому закончу её высказыванием выдающегося деятеля сионистского движения Макса Нордау: «Евреи добиваются превосходства лишь потому, что им отказано в равенстве».

В Израиле во время экскурсий у нас не раз замирали сердца от невольно приходящих в голову исторических параллелей и аллюзий. Фантазия разыгрывалась до головокружений, когда, ступая по отполированным тысячелетиями камням Виа Долороза, вдруг приходило понимание, что этих камней касались ступни идущего на Голгофу Иисуса Христа. Необъяснимые спазмы сжимали моё горло, когда я стоял перед Стеной Плача и дрожащими руками засовывал в её поры свою записку с несбыточной мольбой. Всякий раз, возвращаясь из очередной поездки, мы захлёб делились своими впечатлениями от увиденного и услышанного. Помню, какой эффект произвели на Таню барханы пустыни Негев. И действительно бархатные оттенки её песчаных дюн, от светло-бежевого до тёмно-янтарного, завораживали своей сказочной неправдоподобностью. Две недели в Израиле пролетели очень быстро.

В Кёльне нас снова ожидало вполне благополучное безделье. Но я сам себе не давал покоя. Моя беспокойная натура не находила выхода накопившейся энергии. Мозги не могли смириться с отсутствием привычной активной деятельности. Очевидно, им не хватало задач, требующих оперативного

решения. Начиналась стрессовая полоса. Открылась язва двенадцатиперстной кишки. Язвенная болезнь меня доставала ещё с начала шестидесятых годов. По сути ежегодно я оказывался во время обострения язвенной болезни в гастроэнтерологическом отделении Киевской городской клинической больницы №18 на Бульваре Шевченко. Меня спасал замечательный врач Анатолий Владимирович Корнейчук. После его лечения мои язвочки обычно рубцевались за две-три недели. Но однажды я попал туда с сильным кровотечением, и он решил отправить меня в хирургию. Я же отчаянно сопротивлялся. Тогда он взял с меня расписку в том, что я отказываюсь от операции под свою ответственность. Получив эту расписку, он удовлетворённо сказал: «Молодец! Будем оперироваться только по жизненным показаниям, а не по инструкции Минздрава». И добавил: «К пятидесяти годам ты забудешь о своей язвенной болезни». Так, очевидно, и получилось бы, если бы не тяготы начального иммиграционного периода. Домашний врач направил меня на гастроэндоскопию. В прошлой жизни я многократно подвергался этому малоприятному обследованию, а с годами в результате образования бесчисленных рубцов и частичного стеноза эта процедура стала просто мучительной. Когда же, уже здесь в Кёльне, я пришёл к гастроэнтерологу, то был приятно удивлён. Мне задали несколько простых вопросов, затем положили набок на белоснежную кушетку, сделали укол, и я улетел в бессознанку. Вернувшись, я понял, что всё уже позади. Никаких негативных ощущений. Тепло, светло и радостно. Для полного счастья мне предложили чашечку кофе и отправили домой. С тех пор больше мне не нужно было обращаться к гастроэнтерологу. Сбылось предсказание моего киевского врача Корнейчука.

А теперь вновь вернёмся к моему стрессовому ощущению навалившейся праздности. Нужно было что-то придумать. И первое, что пришло в голову, было приобретение в срочном порядке автомобиля. Я надеялся, что машина станет для меня имитатором привычного решения управленческих задач. Ведь человек, сидящий за рулём, во время езды вынужден оперативно ежесекундно принимать

важные решения. Уже в ноябре я купил на авторынке в Порце «поношенный» (гебраухтваген) «опель кадет», который поначалу оправдывал мои ожидания. Теперь у меня появилась игрушка, которая не только доставляла нам удовольствие («автомобиль – не роскошь, а средство передвижения»), но также успешно справлялась с функцией имитатора. Перед покупкой машины я готовился к сдаче на международные права в одной из кёльнских автошкол (фаршуле), находящейся недалеко от площади Ноймаркт. Нам посоветовали обратиться именно туда, поскольку там был русскоговорящий инструктор. Мы выехали с ним на первый урок по вождению, после которого он сказал, что с вождением у меня проблем нет, и назначил время экзаменов по теории и вождению. Правила дорожного движения сдавали машинным способом по специальным картам. К счастью, существовали карты и на русском языке. Теорию я сдал без проблем, а по поводу экзамена по вождению меня предупредили, что придётся сдавать дважды, потому что для людей пожилого возраста здесь так принято. Всё было бы ничего, если бы не дополнительные почти 300 ДМ, которые пришлось отстегнуть из нашего незначительного очень даже прикосновенного запаса. Честно, крепко душила жаба. Но и игра стоила (!) свеч (автомобильных). В результате со второго раза я справился не столько с вождением, сколько с прудубеждением принимающих экзамен.

Езда по улицам немецких городов имела три особенности, которые нужно было обязательно учитывать. Во-первых, наличие велосипедистов, считающихся в Германии священными коровами, что обязывало водителя перед поворотом направо быть предельно внимательным и дважды посмотреть, не крадётся ли сзади коварный велосипедист. Во-вторых, в городах Германии нормально разрешённая максимальная скорость – 50 км/час вместо наших привычных 60 км/час. И, наконец, все объявления (шильды) на дорогах, как ни странно, были написаны на немецком языке. Пришлось переучиваться и привыкать. Приобретение машины ощутимо сказалось на нашем бюджете. Это и транспортный налог, и обязательная автостраховка, и эксплуатационные расходы.

Но, перефразируя известную поговорку, скажу: любишь кататься, люби и денежки платить. Кроме того, я стал членом (митглед) автомобильного клуба АДАС. Годовой взнос в размере 70 ДМ давал огромные преимущества. Чтобы не случилось с автомобилем в любой стране Европы, а теперь уже и шире, оказывается бесплатная помощь: мелкий ремонт или транспортировка при более сложных случаях. При необходимости для всех дальних поездок в любом бюро АДАС при предъявлении своей членской карточки тебе проложат маршрут, обеспечат всеми необходимыми картами, рассчитают оптимальное время поездки и даже расход бензина. Сегодня при наличии развитой сети Интернета это звучит даже забавно, но 15 лет назад льготы, предоставляемые АДАС, трудно было переоценить.

Мы с Танюшей с удовольствием ездили по городу и его окрестностям, просто гуляли и знакомились с различными людьми, зачастую при этом подвергаясь «заманчивым» искушениям. Это был период, когда мы ощущали себя беззащитной дичью, за которой велась беззастенчивая охота. Например, приходили письма с восторженными поздравлениями в связи с выигрышем то вполне приличного автомобиля, то огромного телевизора. По этим письмам сразу становилось понятно, что мы именно те, которым и должна была повернуться своим сверкающим фасадом неуловимая фортуна. Правда, для получения нашего выигрыша нужно было, во-первых, вступить в длительную отнюдь не бесплатную переписку, а во-вторых, в конце пути предлагалось перечислить некую, на их взгляд незначительную, сумму, каким-то таинственным образом связанную с существующей налоговой системой. Потом вместо ожидаемого приза люди обычно продолжали получать письма с жалким лепетом и туманными объяснениями. Нам удалось этого избежать благодаря печальному опыту наших предшественников.

Какое-то время нас охмуряли «ксёндзь» фирмы Амвей. Они предлагали наборы кухонной посуды с презентацией на дому. В сокращённом виде их выходная ария выглядела примерно так: «Наша посуда не только великолепно выглядит, но и прослужит Вам как угодно долго. Она сохраняет

аромат, пищевую ценность, цвет и свежесть продуктов! Эта посуда – залог Вашего здоровья! Кухонная посуда из стали сохраняет на треть больше витаминов, минералов и других питательных веществ, чем любая другая». Немного фантазии, и ты начинал понимать, что еду можно готовить вообще без продуктов. И всё было бы хорошо, но имелась незначительная деталь – её непомерно (в два-три раза) завышенная цена. Помнится, комплект из четырёх кастрюль и двух сковородок стоил около 3500 ДМ. Расчёт простой. Свежеприбывшие лохи (лох – в прямом переводе с немецкого – дыра с оттенком анальности, а в простонародьи наиболее безобидное значение – растяпа) не имели возможности изучить кухонную посуду, предлагаемую в обычных магазинах. На эту удочку поймались Алла и Гриша. Посуду они не ругали, но денег потом было жалко до слёз. Небольшие деньги, с которыми приезжали люди в Германию, туманили воображение мелких дельцов и крупных жуликов.

Однажды, когда я сидел с открытым ртом в стоматологическом кресле, моя врач без отрыва от бурения очередного зуба неожиданно сказала, что со мной хотел бы встретиться её муж. Как только пломба угнездилась в отведенном ей месте, доктор любезно проводила меня в соседнюю комнату, где совершенно неожиданно располагалось бюро её предприимчивого мужа. Разговор прошёл в тёплой и дружественной обстановке. Речь зашла о техническом переоснащении (исключительно за счёт моих денег) и расширении производства копченой рыбы, иначе говоря – коптильни. После непродолжительного разговора и ряда моих самых простых вопросов стало совершенно ясно, что он, несмотря на то, что, по его словам, являлся владельцем коптильни, имел весьма смутное представление не только о технологии этого процесса, но даже не мог внятно сформулировать, какую модернизацию необходимо там сделать. Я увидел, что мои вопросы не очень ему понравились, тогда я предложил съездить с ним на место, чтобы получить ясное представление о том, во что должны быть вложены мои гипотетические деньги. Парень как-то быстро увял и пообещал сообщить о своём решении позднее. В результате

рыбопромышленником я так и не стал.

Как-то ко мне обратился с коммерческим предложением мой новый кёльнский приятель Лёня Каплан, милый, интеллигентный и очень неглупый человек. Зная, что у меня ещё свежи некоторые влиятельные связи в Киеве, он поведал мне, что в Америке живёт его друг, крупный бизнесмен, занимающийся организацией и проведением государственных лотерей в странах СНГ (тогда это был очень модный бизнес), который очень заинтересован в ещё не освоенном украинском рынке. Для осуществления его проекта в Украине он нуждался в солидной поддержке. Тут-то моя помощь и сгодилась бы, разумеется, не бескорыстно. Я взялся попробовать. Лёня аккуратно передал это своему другу, и тот вылетел в Кёльн для делового свидания со мной. Пока шли эти переговоры, я связался по телефону с Владимиром Тимофеевичем Лановым, в недавнем прошлом министром экономики Украины. Я был знаком с ним по работе в НПО «Электроника», где я был генеральным директором, а он, как ни странно, нашим консультантом по финансово-экономическим вопросам. Отношения у нас были уважительные, поэтому моей рекомендации ему было достаточно, и он высказал готовность рассмотреть проект, предложив нам встретиться в ближайшее время. Бизнесмен (я так его называю, потому как просто запамятовал его имя и фамилию) из Америки прилетел буквально через пару дней, снял шикарный номер в «Маритиме» и назначил мне встречу. Он мне показал все бумаги, связанные с осуществлением этого проекта, бизнес-план и устно оговорил условия моего участия в нём. Всё выглядело достаточно солидно, но что-то меня смущало. То ли слишком шикарный номер пятизвёздочного отеля, то ли слишком театрально выглядевший телефонный разговор с секретаршей, во время которого он чересчур строгим голосом отдавал ей распоряжение о немедленном перечислении куда-то пяти миллионов долларов. Однако, когда зашёл разговор о дате вылета в Киев (я же должен был согласовать её с Лановым), выяснилось, что он хочет ехать без меня, а это в корне меняло всю ситуацию. Я объяснил, что без меня Владимир Тимофеевич с ним разговаривать не будет. В ответ

последовала наглая улыбка, и мы распрощались. Так мимо меня проплыл и этот бизнес. Впрочем, как я и предполагал, Лановой ему отказал, и Украина осталась без этой лотереи. Каждый такой эпизод в руках (в голове) писателя мог бы превратиться в забавную новеллу, но ещё раз напоминаю: «чукча – не писатель».

Мне просто хочется, чтобы картина была по возможности более полной, чтобы читающему эти записки становилось понятно, какие искушения пришлось преодолеть в начальной стадии нашей новой жизни. Я пытаюсь выдать на гора максимум примет иммиграционного пространства и времени и при этом не слишком утомить моего терпеливого читателя. И всё же не могу удержаться, чтобы не рассказать ещё одну историю.

После приобретения машины её по существующим в Германии правилам можно поставить на учёт только при наличии необходимой обязательной страховки. Разумеется, немедленно нашлись доброжелатели (быстро сработало са-рафанное радио) и порекомендовали отличного (от других) страхового агента, к тому же говорящего по-русски. Так я познакомился с господином Шеленбергом. К дому подъехал дорогой автомобиль, из которого вышел симпатичный молодой человек в безупречно сидящем на нём костюме и белоснежной рубашке. Он говорил, доверительно глядя в глаза, тихим голосом с уверенными интонациями. Психологически всё было подготовлено очень грамотно. Уже через полчаса мои уши были основательно обвиты приготовленной им лапшой, и я подписал (не под пыткой) не только обязательную автостраховку, но ещё две дополнительных: адвокатскую и на случай привлечения к ответственности. Из-за отсутствия необходимой информации я оказался в роли того самого лоха, на которого и было всё это рассчитано. Во-первых, Шеленберг представлял одну из самых дорогих страховых компаний «Гамбург-Манхаймер», а во-вторых, на эти самые две дополнительные страховки получатели социальной помощи вообще не имели права. Нам это стало известно значительно позже, когда нас за это оштрафовали. Но на этом прессинг Шеленберга не ограничился. Он

сделал попытку уговорить нас вложить свободные деньги, если таковые имеются, в недвижимость (имобилиен). Он показал великолепно оформленные финансовые расчеты и красочные архитектурные проекты домов, которые строит его фирма, и заверил, что деньги, вложенные в их строительство, дадут как минимум 15% ежегодного дохода. В дальнейшем попавшие в его сети потеряли свои деньги и долго гонялись за ним в попытке вернуть хоть какую-то их часть. Но, по моим сведениям, его раньше догнала полиция.

Каким-то загадочным образом, скорее всего чисто интуитивно, нам удалось уйти от всех соблазнов и беспроягранных искушений разбогатеть по-крупному. Поэтому мы стали искать какие-то небольшие заработки. Я начал подрабатывать извозом, а Танюша иногда, как и многие приехавшие сюда женщины, занималась помощью по хозяйству. Все дополнительно заработанные мною деньги шли на поездки и всяческие развлечения, а то, что удавалось с таким трудом заработать Тане, уходило главным образом в Киев, для поддержки семьи Таниного среднего брата – Володи. Мои же подработки закончились в 2001 году, когда меня лишили машины, но об этом – позднее. Кем только я не работал за эти годы! Пару лет я выполнял функции курьера в одном из туристических бюро Кёльна, занимаясь оформлением визовых отметок в различных посольствах, находящихся в Бонне. В 1995 году на очередных языковых курсах мы познакомились с милой женщиной из Калининграда – Наташей, которая приехала в Германию, выйдя замуж за очень симпатичного коренного жителя Кёльна Михаэля – владельца охранного предприятия (вахдинст).

Он до нас не сталкивался с людьми, живущими на социальное пособие, а узнав величину нашего месячного бюджета, крайне удивился и предложил подрабатывать у него без оформления ночным охранником по вызову. В моей жизни это была, пожалуй, самая высокооплачиваемая работа. Правда, деньги даром не платят. Обычно мне звонили накануне и говорили, на какой объект я должен заступить. На смену нужно было являться к восьми вечера и сдавать её в восемь утра. В зависимости от задачи мне иногда

Мы с Михаэлем и Наташей

приходилось в любую погоду вышагивать всю ночь вокруг охраняемого объекта, лишь изредка за скакивая в сторожку, чтобы выпить кофе и погреться. А были и вполне комфортные объекты, где я большую часть ночи проводил в тепле за чтением книг. Самое

запоминающееся дежурство было по охране огромного только отстроенного четырёхэтажного супермаркета. Мне сдали вахту два вооружённых охранника с овчаркой, и я пошёл осматривать объект. Если бы у меня ещё оставались волосы, то они непременно встали бы дыбом! Магазин занимал целый квартал, и чтобы его обойти, требовалось не меньше двадцати минут. Во время обхода оказалось, что здание имело четыре входа-выхода, но при этом все они были без дверей. Но самое ужасное выяснилось, когда я вошёл внутрь. Магазин был полностью забит товарами – от разнообразных продуктов до самых дорогих изделий бытовой техники. Пока я обходил магазин с одной стороны, в открытые двери с другой стороны совершенно спокойно могли вломиться вору и вывезти любые товары. Как я дожил до утра, одному Богу известно! Сейчас по прошествии многих лет я вспоминаю это уже без страха и даже с улыбкой.

В 1996 году моя знакомая, Рита Липшиц, позвонила мне и сказала, что русская редакция радиостанции «Немецкая волна» объявила конкурс на почасовую дикторскую работу. Она предложила пойти туда вместе и прослушаться. Совершенно не веря в успешность этой затеи, я тем не менее пошёл. В результате Рите отказали, а меня взяли. Профпригодность определяла звукорежиссёр – Ольга Пономаренко, которой понравился тембр моего голоса, хотя и несколько смущало пробивающееся иногда украинское произношение.

Мы, как могли, с этим боролись, и мне удалось продержаться около двух лет, пока её девственные уши окончательно не отказались терпеть мои украинизмы. Эта работа щедро оплачивалась, если бы не незначительная деталь. Так как я был получателем социальной помощи, мне приходилось об этих заработках сообщать в социаламт, который с огромной радостью у меня их полностью отнимал. К тому же много лет спустя, когда я подобрался к пенсионному возрасту, теперь уже пенсионное ведомство как следует попило моей крови. Пришлось оформлять огромное множество всевозможных документов (на это ушло два месяца), чтобы в конце концов мне была насчитана пенсия в размере 18 евро и 23 центов, которую по очевидной малости никто не собирался мне выплачивать. Зато все были при деле: служащие заняты, компьютеры шуршат, и на свет появляется ворох бумажек, как свидетельство их «бурной» деятельности.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Как-то Тане предложили побыть неделю в доме для престарелых с очень пожилой женщиной – Мишкой Славутской, на самом деле её звали Вильгельмина, муж которой, Наум, в это время лежал в больнице. Так началась наша дружба с этими очаровательными стариками, прошедшими долгие годы в страшных сталинских застенках ГУЛАГа и при этом сохранившими удивительный оптимизм и неподдельный интерес ко всему происходящему вокруг.

Мишка и Наум Славутские

Их всегда окружали очень интересные люди. В прошлом в их крохотной московской квартирке бывали Генрих Бёлль, Эльза Триоле, Булат Окуджава, Лев Копелев и многие другие.

Мишка ушла из жизни в возрасте 100 лет (2005), тяжело боля последние годы, а через год не стало и Наума (2006), утратившего после её смерти смысл в своём дальнейшем

существовании. Ему было 95 лет. В их доме мы встречались с руководителем государственной телекомпании Германии Фрицем Пляйтгеном, с выдающимся писателем Львом Зиновьевичем Копелевым и его второй женой – очаровательной Маришей и другими примечательными личностями. У них мы познакомились с Галочкой Карасёвой и Эдиком Козловым, которые были со Славутскими в близком родстве. С ними у нас сохранились и по сей день тёплые приятельские отношения.

Там же мы познакомились и с Липшицами, Ритой и Жаком. Риточка, так чаще всего её называют, милейшая женщина небольшого роста с достаточно твёрдым характером, вырастила и воспитала двух замечательных сыновей, Александра (сама) и Даниэля (вместе с Жаком). Жак, обаятельный человек, намного старше Риты, долгое время работал администратором знаменитой Кёльнской филармонии. Благодаря ему мы долгое время были обеспечены бесплатными билетами на самые лучшие концерты. Иногда мы получали такие же билеты и от Лёвы Даниленко, за что им обоим огромное спасибо. Вот какое большое отступление породило лишь упоминание имени Риты Липшиц.

Теперь можно продолжить описание моей многогранной неофициальной деятельности. Я уже, мне кажется, писал, что Кёльн сразу и по праву завоевал место в моём сердце. Мне было интересно всё, что относилось к непростой, а порой даже трагической двухтысячелетней истории города.

Кёльн, 1945 год

Достаточно только вспомнить, что в мае 1942 года в результате ковровых бомбардировок британской авиации Кёльн был уничтожен более чем на 90%. Лишь два зуба – башни чудом уцелевшего великого Кёльнского собора,

как бы оскалившись на весь мир, горестно возвышались над бесконечными руинами города.

Но говорят, что уже в шестидесятые годы в Кёльне нельзя было обнаружить последствий этой страшной войны. Я потратил много месяцев на знакомство с городом и его достопримечательностями. Изучал в пределах моих языковых возможностей материалы о нём, проникая в тайны его возникновения и дальнейших этапов градостроительства. В конце концов это увлечение привело меня к идее попробовать себя в качестве экскурсовода. Большие группы мне никогда не нравились, поскольку в них большинство людей явно с нетерпением ожидали завершения экскурсии, чтобы рвануть по магазинам. Я рассыпал перед ними бисер, пытаясь заразить их своей влюблённостью в город, но вскоре понял тщетность своих усилий и стал проводить экскурсии с небольшими группами туристов. «Слух обо мне прошёл по всей...» Мне часто звонили совершенно незнакомые люди с просьбой погулять, не закрывая рта, с ними или их гостями по Кёльну. Я украшал страницы кёльнской истории различными найденными мною любопытными легендами, забавными более или менее достоверными побасенками, а порой и неожиданными даже для самого себя экспромтами. Такая экскурсия обычно продолжалась от трёх до четырёх часов и оплачивалась наличными, что было немаловажно. Правда, мой тариф был существенно ниже расценок официальных гидов. Так случилось, что свою последнюю экскурсию по Кёльну я провёл в 2010 году для Кристины Орбакайте и её мужа – Михаила Земцова. К сожалению, пока больше заявок не поступало.

Очень хотелось бы, мой дорогой читатель, побродить с вами по полюбившемуся мне городу, заглянуть в скрытые от официальных экскурсий уголки, показать множество памятных мест, которыми изобилуют дворики старого и не очень Кёльна. Но увы, это, как сейчас говорят, не формат для подобных записок, поэтому дождёмся okazji и погуляем в охотку, не заглядывая даже в самые лучшие путеводители.

Теперь пришло время поговорить на медицинские темы.

Для начала немного общих официальных соображений. В Германии здоровье людей в конечном счёте находится в руках страховых компаний – кровососов, точнее, сосут они не кровь, а денежки. Каждый человек на протяжении всей своей трудовой жизни делает взносы в страховые кассы, которые в случае болезни так и быть будут оплачивать в определённых пределах твоё лечение. Нужно заметить, что в Германии отсутствует закон об обязательном медицинском страховании. При этом существуют три вида страховок: private (для богатых); так называемые законные (они покрывают 80% населения) и социальные (наши). Социальный – самый низший уровень медицинского страхования. Такую страховку имеют почти все, кто является получателем социальной помощи. Эта страховка позволяет посещать врачей, проводить лечение в амбулаторных и стационарных условиях, лечить зубы и многое другое. Лекарства для имеющих социальную страховку в принципе бесплатны, но ограничены довольно сжатым перечнем, который с каждым годом, к сожалению, становится, как шагреневая кожа, всё меньше и меньше. И всё же мы, приехавшие на ПМЖ, с первого дня становимся обладателями социальной страховки, что гарантирует медицинское обслуживание на вполне достойном уровне. Мне не хотелось бы сравнивать с медицинской помощью, которую получают наши оставшиеся в Киеве родные и близкие. Это лишь доставляет душевную боль. Я просто расскажу о моих личных контактах с немецкой медициной.

С первых дней нашего появления в Кёльне мы стали интересоваться, кто к каким врачам уже прикрепился, а главное, кто из этих врачей говорит по-русски. Все очень хвалили доктора Фишера, приехавшего из Ленинграда, единственным недостатком которого было наличие к нему больших очередей. На практике оказалось, что у него народ по любому пустяковому поводу просиживал по полдня и более. Кроме того, называли ещё фрау доктор Виг, еврейско-венгерского происхождения, которая в силу своей сложившейся интернациональности немножко говорила по-русски. По рассказам бывалых, приём у неё длился 2-3 минуты. Наш

народ, привыкший мучить врача бесконечными «майсами», называл её врач-диспетчер. Поскольку Танюха совершенно не выносит очередей, а я – излишнюю болтовню, то мы, конечно же, выбрали фрау Виг. Нас встретила очаровательная миниатюрная женщина, которая, как показала впоследствии практика, оказалась очень хорошим диагностом. Действительно, приём у неё проходил весьма своеобразно. Она внимательно выслушивала жалобы пациента, схватывая на лету суть, и сразу же начинала что-то колдовать на компьютере. Затем, нежно улыбаясь, как могла рассказывала, что она у больного обнаружила, и, наконец, произносила сакраментальную фразу: «Я вам сейчас что-то...» После этого пациент получал либо рецепты на необходимые лекарства, либо направления (юбервайзунг) на специальные обследования, либо если она приходила к выводу, что проблемы больного выходят за пределы её компетенции, то отправляла на консультацию к узкому специалисту. При этом надо сказать, что обычные процедуры (перевязки, блокады, физиотерапия, уколы) и обследования (электрокардиограмма, УЗИ, общие анализы) проводились сёстрами в её кабинетах (праксис). И вот уже д-р Виг занимается мною 18 лет. При этом, несмотря на то, что за всё время она ни разу не прикоснулась к моему телу стетоскопом, ею не было совершено (тьфу-тьфу-тьфу) ни одной врачебной ошибки. Прямым доказательством этого может служить хотя бы то, что я сейчас пишу эти заметки.

Чего только не происходило за эти годы! Моими впечатлениями от гастроэнтерологического обследования я уже поделился. Случались и обострения стенокардии. Однажды, во время такого особенно затяжного обострения в 1999 году, д-р Виг направила меня на консультацию к кардиологу. Я описываю эти мои похождения вовсе не потому, что хочу пожаловаться сердобольному читателю на моё хлипкое здоровье (худобедно, а до 74 лет дотянул). Я просто пытаюсь использовать собственный опыт, чтобы полнее представить картину медицинского обслуживания в Германии. Итак, я на приёме у кардиолога. Она выслушала мои жалобы и пропустила меня через различные обследования (УЗИ,

кардиограмма просто и кардиограмма под нагрузкой). Дальше по результатам проведенных обследований состоялся примерно такой разговор. Доктор, бодро: «Ну что ж! Будем оперироваться?!» Я, дрогнувшим голосом: «Что, всё так плохо?» Доктор, напряжённо: «Если сделать шунтирование, будет лучше». Я, в полном отчаянии: «А на сколько же процентов забиты сосуды?» Доктор, уже раздражённо: «Я что-то не пойму. Вы хотите оперироваться или нет?» Я, интуитивно разобравшись в ситуации, радостно: «Конечно нет! Только по жизненным показаниям!» Доктор, уже на высоких тонах: «Тогда зачем вы пришли? Можете идти домой!» Как поётся в песне: «Пшёл вон из мово кабинета!» С тех пор прошло уже почти тринадцать лет, а я так и живу в целостности и относительной сохранности. А ларчик на самом деле просто открывался. Обычное медикаментозное лечение стенокардии стоит копейки, а операция на открытом сердце порядка 50 000 евро. Прямой расчёт!

С аналогичной ситуацией пять лет назад я столкнулся у отоларинголога. Я имел неосторожность пожаловаться ему, что уже дней десять у меня болит горло. Он, засунув металлический шпатель по самые никуда, плотноядно заглянул в моё нутро и попросил дважды сильно акнуть. «Ворона каркнула во всё воронье горло». Доктор, выронив от испуга шпатель, удовлетворённо произнёс: «Будем удалять гланды, и немедленно!» Я взмолился, дескать, у меня же хронический тонзиллит с детства, но мне никто никогда не хотел оперировать гланды, к тому же я старый человек, мне же будет больно! «Да», - бодро сказал доктор, – придётся недельки три потерпеть», и тут же выписал направление в конкретную больницу, что обычно не делается. Замирая от страха перед предстоящей экзекуцией, я всё же решил ещё посоветоваться с фрау Виг. Выслушав меня, она очень удивилась, даже мельком заглянула в горло, и, взяв у меня из рук направление в больницу, как обычно отвернулась к компьютеру. Уже через минуту она со смехом вернула мне направление и сказала: «Вы попали к оперирующему отоларингологу, и он направил вас напрямиком к себе на операционный стол». У меня не было слов, оставались только выражения. Вот они,

гримасы капитализма.

Но, в отличие от улыбок социализма, здесь у человека есть выбор, и даже та медицина, которая достаётся нам – социальщикам, является, как говорят математики, необходимой и достаточной, чтобы вполне достойно прожить отведенные тебе годы.

На протяжении этих лет мне дважды удаляли полипы (с плохим прогнозом) прямой кишки, трижды убирали раковые новообразования на коже, одно из которых было злокачественным, и уже несколько лет, как могут, облегчают страдания, вызванные плохо поддающейся лечению болезнью – ревматоидным полимиацитом. Я уже длительное время получаю очень дорогие лекарства. Для примера – упаковка одного из них стоит свыше 400 евро, а её хватает лишь на три месяца. И за всё это мы не платим ни копейки. Мне были сделаны две лазерные операции по поводу глаукомы, и удалили катаракты на обоих глазах.

Через два года после нашего переезда в Германию нам были выданы две санаторные четырёхнедельные путёвки в курортном городке Бад-Липшпринг, расположенном недалеко от Падеборна. Первые годы мы бесплатно получали очки, если удовлетворялись не самыми модными оправами. Лечение зубов и протезирование тоже было бесплатным, если не попадали в руки бывших наших ментально жуликоватых стоматологов. Профилактический осмотр раз в полгода всех оставшихся зубов является обязательным, что отмечается в специальных тетрадках. Это гарантирует дальнейшее бесплатное стоматологическое обслуживание. В связи с обязательными в нашем возрасте некоторыми проблемами с позвоночником мы периодически обращаемся за помощью к ортопеду. Она, если находит нужным, выписывает грязелечение, массажи, ортопедические стельки и водные процедуры в бассейне с минеральными водами. Этот бассейн, называемый «Термальбад», питается минеральными водами источника, в котором омывали свои натруженные ноги ещё две тысячи лет тому назад римские легионеры. Сейчас посещение римских терм для лёгких больных по направлению врача возможно лишь раз в полгода, и то

всего 6 сеансов (раньше было 10), а для тяжёлых – те же 6, но раз в квартал. В регистратуре тебе по твоему желанию расписывают дни и часы (термины) посещений бассейна. Это связано с тем, что 20 минут с тобой в воде занимается гимнастикой специальный инструктор. Длительность пребывания в бассейне – полтора часа. Но во время летних школьных каникул администрация бассейна дарила водоплавающим дополнительно ещё один час. Поэтому в этот период бассейн до отказа набивался нашим ушлым людом. Халява – вещь священная. Сделал забавное наблюдение. Большинство наших берут термины на пятницу. Очевидно, срабатывает привычка с очень старых времён ходить в баню в конце недели. Когда мы идём в бассейн с Танюшей, то заходим вместе, но уже там, внутри, она сбегает от меня в сауну, а я к баням и саунам отношусь отрицательно. Особенно в немецком варианте, где обнажённые мужчины и женщины выставляют напоказ свои безобразные старческие (молодые попадают крайне редко) организмы, от которых веет чем угодно, кроме желания жить дальше.

KÖLLE ALAAF!!!

Теперь пришла пора поговорить о кёльнском карнавале, учитывая то, что мы попали в Кёльн как раз в карнавальный период, который, как выяснилось, начинается 11 ноября и завершается к Великому посту уже полным безумием – своеобразным оргазмом всеобщей радости. В это время почти нормальным явлением становятся сбои в работе «пресловутого» городского транспорта, не говоря уже о том, что даже самые важные учреждения тоже могут работать в штрихпунктирном режиме. Главным девизом карнавала является: «Каждый шут дурачится по-своему!», а традиционным приветствием карнавалистов является возглас: «Кёле алааф!» Нужно отдать должное немцам – отдыхать они умеют самозабвенно и с полной самоотдачей. В этот период, который немцы называют пятым временем года, по всему городу проводятся организационные мероприятия, собираются и тратятся огромные деньги на костюмы, на оформление и проведение завершающих шествий-парадов, на тонны конфет, цветов и пива. В качестве примера приведу такие данные: только на костюмы карнавальные сообщества Кёльна и частные лица ежегодно тратят свыше 20 миллионов евро.

Так вот, сразу после нашего переезда в Германию мы попали как раз в карнавальный ажиотаж, и нас предупредили, что в завершающие дни карнавала нужно либо вписаться во всеобщее безумное веселье, либо сидеть дома, не высывая носа. Но в первый год нам было всё интересно, и мы вместе со всеми носились как угорелые по городу, пили пиво, ловили разбрасываемые конфеты и цветы, всячески имитируя радость и веселье, наступая на горло своему иммигрантскому стрессовому настроению. А тут всеобщий карнавал, абсолютно диссонирующий нашей ситуации. Теперь, пожалуй, будет понятно шоковое состояние, в котором мы однажды оказались в первые недели нашего пребывания в Кёльне. Мы с Танюшей ехали автобусом №132 в Мешених (интернациональный район города), где, по нашим сведениям, были свободные квартиры. Это был первый день последней недели карнавала. Повсюду торжествовало безудержное веселье, город шёл вразнос. Когда мы подъехали к площади Хлодвига, наш автобус окружила толпа

ряженных под хорошим градусом, подхватила на руки автобус и, распевая что-то очень бодрое, стала раскачивать из стороны в сторону наш беспомощный автобус. Разделить с ними веселье не позволяло наше настроение, а вот страх лишним животным завладел нашим существом. Но транспорт спустя две-три минуты, к нашей радости, благополучно вернули на место, и мы смогли двинуться дальше по маршруту. Все запланированные карнавалы мероприятия проходят при любой погоде.

11 ноября в Кёльн со всех концов страны стекаются разряженные толпы народа. Ведьмы в разноцветных париках и одеяниях, разудалые паяцы, боевые офицеры в костюмах XIX века, вельможи в княжеских одеждах, все едут не в одиночку, а шумной компанией, распевая песни и ящиками распивая пиво. Все стараются попасть на центральную площадь города аккурат в 11 часов 11 минут. Ведь именно здесь 11-го числа 11-го месяца в 11 часов 11 минут начинается знаменитый кёльнский карнавал. Магия цифр уходит корнями в средневековое прошлое, туда, где человеческим умам не давали покоя алхимическое знание и разные еретические поверья. Считалось, будто 11, число безудержного веселья, предписывает веселиться без усталости и до упаду под покровительством самого князя тьмы Люцифера. Интересно, что Первая мировая война была завершена тоже в 11 часов 11 минут 11 ноября. Очевидно, есть какая-то магическая сила в этих цифрах. Есть и более простые объяснения, без мистики и исторических совпадений. 11 ноября, в праздник Святого Мартина, заканчиваются все основные сельскохозяйственные работы, и тогда да здравствует праздное веселье! Карнавалы досуг длится вплоть до первой недели Великого поста. Лишь тогда он превращается в то, что мы привыкли называть карнавалом, – в уличное шествие с маскарадными переодеваниями.

Карнавал открывается торжественной церемонией: на Старой площади (Альте-маркт) обер-бургомистр города представляет публике кёльнскую звездную троицу, она и будет править балом. Во главе – Его Дурачество Принц, символ героического прошлого Кельна. Вместе с ним – Его

Тюфячество Крестьянин, как символ того, что именно крестьянское хозяйство является настоящим подспорьем городскому экономическому благоденствию. Третья властительница карнавала – Её Пригожесть Кельнская Дева, почитается как хранительница города и символизирует способность отстоять неприступную невинность при любых обстоятельствах, роль которой всегда исполняет мужчина. Принцу вручаются символические ключи от города. В ближайшие три месяца город будит находиться во власти безумно веселящейся толпы. Ежегодно в этот день на главной площади Кёльна собирается около 100 тысяч человек, чтобы выпить пива, поесть знаменитых сарделек и пошалить. Главная последняя карнавальная неделя начинается в «бабий четверг». В этот день женщинам дозволено все. Они объявляют бой повседневной жизни и провозглашают однодневный матриархат. А чтобы показать мужчинам свою безоговорочную власть, они с первых попавшихся мужчин «безжалостно» срезают галстуки. Тот, у кого женщиной был срезан галстук, оказывается в её безраздельной власти. Главным же днём карнавала является «розовый понедельник». Поглазеть на фантастическое карнавальное шествие (цуг) в Кёльн обычно съезжаются более миллиона желающих.

Привычные глаза советского человека первомайские демонстрации нервно отдыхают в сторонке. Многочасовая яркая и шумная церемония заполняет собой всю средневековую сердцевину города. После феерического понедельника наступает тихий и спокойный «фиалковый вторник». Карнавал уже подходит к концу, но вечером происходит ещё одно важное мероприятие – сожжение большого соломенного чучела, ритуал искупления всех грехов перед Великим постом. Заканчивается

карнавал в «пепельную среду». В этот день рисуют друг другу на лбу пепельные кресты, а в ресторанах и пивных Кельна подают традиционные рыбные блюда. Жизнь постепенно принимает свои обычные формы, а жители Кельна продолжают выстраивать свои будни под девизом: «Живи сам и давай жить другим!».

Перечитал написанное и был крайне удивлён. Повествование разбилось какими-то своими не управляемыми мною тропками. Я уже не говорю о попытке хотя бы сохранить видимость хронологии, но мне показалось, что потеряна даже элементарная логика изложения. Я искренне считал, что мне удастся обрисовать общую картину иммиграционного пространства на немецкой земле, а конкретнее в Кельне, но теперь вижу, что не смогу обойтись без подробностей нашей жизни в этом пространстве. Поэтому решил не очень по этому поводу заморачиваться и продолжать как уж Бог на душу положит, придерживаясь всё же хоть какой-то хронологии. С Новым годом, товарищи!

1995 год

К началу 1995 года иллюзии, связанные с надеждами на наше трудоустройство, окончательно развеялись, и мы стали выстраивать свою жизнь по двум генеральным направлениям. С одной стороны – попытка себя занять чем-либо осмысленным, а с другой, осознав наконец, что находимся в центре Европы, мы с жадностью изголодавшихся за железным занавесом набросились на возможность посмотреть недоступные нам до сих пор города и веси. О нашей теневой деятельности того периода я уже рассказывал, поэтому пришло время поведать о наших достижениях на общественной ниве. Весной 1995 года мне позвонил некто Бронфман Алик (так он представился) и предложил встретиться для организации клуба, который смог бы объединить изнывающих от безделья людей для совместного проведения досуга. Так я познакомился с Аликом и его женой Беллой, с которыми по сей день нас связывают тёплые дружеские отношения. Александр Михайлович Бронфман – учёный эколог, доктор наук, профессор, умница и лёгкий в общении человек. Белла – очень неглупая, обаятельная женщина, в прошлом преподаватель, профессорская жена, что зачастую перевешивает все научные звания мужа. Теперь Бронфманы – это наши ближайшие приятели с безоблачным стажем отношений и духовной близости на протяжении 16 лет.

Уже к лету в подвале туристического бюро «Украинетурстиксервис» (так это звучит по-немецки) начал функционировать созданный нами Клуб научно-технической интеллигенции. Несмотря на довольно дурацкое название, Клуб довольно быстро развил активную многостороннюю деятельность. При Клубе работали курсы немецкого языка, детская художественная студия, открылась библиотека художественной литературы на русском языке, ставшая впоследствии любимым детищем и основным смыслом жизни Танюши. Сегодня эта библиотека является крупнейшим (свыше 14000 томов) в нашей земле собранием художественной литературы на русском языке. В ней представлены практически все основные литературные жанры, включая самые актуальные современные произведения русских и зарубежных литераторов.

В 2011 году мы отметили 15-летний юбилей библиотеки. Не опасаясь перехвалить мою дорогую жену, скажу, что уровень предлагаемой литературы, атмосфера и популярность библиотеки в огромной мере являются Таниной заслугой. Теперь о главном – о замечательной команде сотрудников библиотеки, бескорыстных и преданных делу людей. Коллектив складывался не сразу. Были и просто «прохожие». Приходили, уходили. Это можно отнести к производственным издержкам. Но уже давно сложилось основное ядро.

Мне хочется назвать их поименно. Это скромная и безотказная Лариса Арнаутова и восторженный Александр Бронфман, тихая, но ироничная Марина Зайцева и наш ангел-хранитель Диана Зиберт, заряженная на шутку Ирина Золотаревская и фундатор библиотеки Татьяна Золотаревская. Это о ней в известной песне: «Здесь ничего бы не стояло, когда бы не было тебя». Почти все знающая большеглазая Раиса Каганер и человек-молния Инна Короткина, любительница приключений Ирина Набокова и наш компьютерный кудесник Леонид Овецкий, молчаливая труженица Муся Райкман и основательно-самостоятельная Наталья Раксина и, наконец, безотказная Марьяса (Мара) Холмецкая и главный культуртрегер Кёльна Альвина Чапля. Вот теперь, пожалуй, «никто не забыт и ничто не забыто». Себя от избытка скромности не называю.

Это благодаря им успешно действует и развивается наша библиотека. Это благодаря их взаимозаменяемости под

мушкетерским девизом «один за всех и все за одного» обеспечивается бесперебойная работа нашей библиотеки.

Под эгидой клуба проводились увлекательные экскурсии по разным городам и странам, организовывались концерты, вечера отдыха и творческие вечера. Так, 1 апреля 1996 года появилась теперь уже известная далеко за пределами Кёльна «Кёльнская юморина». В те годы в Тройсдорфе под Кёльном жил выдающийся композитор Давид Тухманов. После многолетнего перерыва, связанного с его тяжёлой депрессией, нам удалось организовать его творческий вечер. Тогда же, в 1996 году, у нас с великолепной концертной программой выступил виртуозный фортепианный дуэт из Израиля – Фаина Хармац и Михаил Бурштин. Под крышей клуба родилась и газета «Круг», вдохновителем и главным редактором которой был Алик Бронфман.

Сотрудники газеты: Л. Овецкий, Л. Волков, В. Золотаревский, Л. Арнаутова, А. Вронфман, М. Спектор, Л. Когосов, Е. Бурлина, Г. Пакман

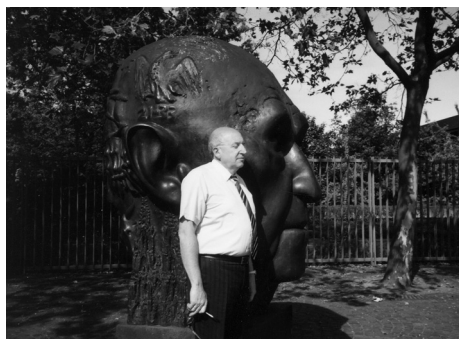
При нас газета за пять лет из 12-полосной стала 32-полосной, её тираж вырос от 200 до 10000. Причём это происходило при отсутствии какой-либо финансовой поддержки извне. Мы достойно выглядели на всемирных конгрессах русской прессы в Москве (1999), в Нью-Йорке (2000) и в Киеве (2001). Я могу это утверждать, поскольку был как

заместитель главного редактора участником всех трёх конгрессов, где газета «Круг» была названа в числе лучших зарубежных изданий. К сожалению, в 2001 году газету купили у прежних владельцев (турбюро «STEG TOUR») два молодых прохвоста: Виктор Островский и Селим Белизов, которые рассматривали газету лишь как средство личного обогащения, что очень быстро привело к её гибели. Они стали менять идеологию газеты, превращая её просветительскую направленность в псевдокоммерческое русло, беззащитно публиковали неоплачиваемую рекламу и растрачивали газетные деньги на свои приватные нужды. До сих пор эта тема вызывает у меня просто аллергическую реакцию. После нескольких месяцев безрезультатной борьбы с ними мы вынуждены были почти всей редакцией уйти. Как показала жизнь, без нас газета продержалась меньше года. У меня бережно хранятся все номера – от первого до последнего.

Постепенно с развитием в Кёльне иммигрантской инфраструктуры, рассчитанной на русскоязычного потребителя, мы вынужденно стали сворачивать деятельность Клуба. Появились дополнительные городские языковые курсы, открылись профессиональные туристические бюро и концертные агентства. В результате из всех направлений клубной деятельности остались лишь газета (до 2001 года) и библиотека, которая, превратившись в самостоятельную юридическую единицу, успешно продолжает осуществлять свою просветительскую деятельность. Всем вышеперечисленным мы заполняли зияющие пустоты в нашей жизни. При этом оставалось ещё достаточно времени на посещения музеев, выставок, концертов и участие в различных туристических поездках. Хотелось всего и сразу. Наличие машины позволяло осуществлять экскурсионные наскоки по так называемому малому кругу. Мы неоднократно бывали в Ахене, главной достопримечательностью которого является великолепный средневековый готический собор, построенный по библейским канонам в пропорциях куба. Побывали в напыщенном Дюссельдорфе, кичащимся своей роскошью и тёмным пивом. Всегда с удовольствием приезжали в Бонн, знаменитый своим старейшим университетом, расположенным в роскошном

дворцовом комплексе курфюрста Йозефа-Клеменса. В качестве столицы Западной Германии Бонн много лет нёс на себе тяготы и одновременно снимал жирные пенки.

При первом посещении Бонна мы таким шутивым образом обращались к правительству Германии в надежде на их гостеприимство. Здесь, в Бонне, на так называемой Музейной миле установлен очень интересный памятник – голова Аденауэра, масштаб которой не позволил мне окончательно сопоставить наши профили.

Мы посетили очаровательный курортный городок Бад-Мюнстерайфель, уютно вписавшийся в долинах живописных предгорий Айфеля. Съездили в Трир и Люксембург, отличающийся своей неповторимой ландшафтной красо-

той. В Трире поражают воображение хорошо сохранившиеся античные ворота – Порты Нигра, сложенные римлянами из шеститонных кубов известняковой породы, приобретшие под воздействием атмосферных осадков за два прошедших тысячелетия чёрную окраску. Что же касается большого туристического круга, то только в 1995 году мы, используя предлагаемые туристическими фирмами однодневные поездки, посетили ослепительный Париж, пьянящий какой-то особой атмосферой свободы Амстердам, завораживающий строгостью английского архитектурного стиля Лондон (по Евротоннелю под Ла-Маншем), миниатюрный, изысканно изрезанный каналами Брюгге – столицу Западной Фландрии, город с музеями Мемлинга

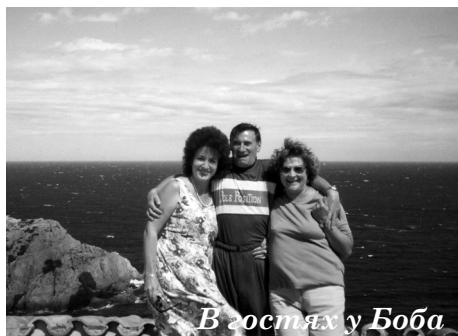

и Дали и Страсбург, расположенный на границе Франции и Германии, что веками служило постояннодействующим яблоком раздора между этими странами.

В один из жарких августовских дней мы съездили в Бельгию на пляжи Остенде, которые славятся своими бархатными песчаными просторами. Впервые в жизни мы там увидели персональные пляжные кабинки.

В этом же году были и две многодневные поездки. Одна в Испанию – к Ахназаровым, а вторая – в Швейцарию. Боб и Таня наметили замечательную экскурсионную программу, тщательное исполнение которой позволило нам познакомиться с потрясающей Барселоной, городом Колумба и Гауди.

О Барселоне мне хотелось бы рассказать более подробно. В этом городе легко уживаются и спокойная средневековая старина, и яркая волнующая современность. Самой высокой точкой города является гора Тибидабо, откуда открывается

захватывающий вид на Барселону. Вершину этой горы венчает, как огромный космический корабль, устремлённый в небо, Искупительный Храм Святого Сердца с крестообразной фигурой Христа, напоминающей памятник Юрию Гагарину в Москве. Великолепный проспект Королевы Марии-Кристины, завершающийся гигантской лестницей, приводит к площади Испании, где поражает воображение туристов Волшебный фонтан, исторгающий на огромную высоту под звуки прекрасной музыки разноцветные

упругие струи. Водный спектакль длится в два этапа по 20 минут. Фонтан танцует, ни разу не повторяя ни одной фигуры. За постоянно меняющейся водяной феерией в свете мощнейших прожекторов величаво громоздится Национальный дворец. Из центра города к набережной, где горделиво возвышается 60-метровая колонна в коринфском стиле – памятник Христофору Колумбу, установленный в 1988 году к Всемирной выставке в Барселоне, спускается бульвар Ла Рамбла – туристический рай. Здесь бурлит жизнь. Десятки сверкающих торговых павильонов и киосков, предлагающих огромный выбор всевозможных сувениров, множество живых скульптур и уличных музыкантов. Глаза разбегаются. Но главной достопримечательностью Барселоны, на мой взгляд, является творчество великого каталонского архитектора Антонио Гауди (1852-1926). Он создавал свои шедевры, как ребёнок строит песочные замки. Его здания, которые формально можно отнести к стилю модерн, изобилующие эклектическими элементами, кажутся живыми дышащими созданиями. Главной работой Гауди является храм Святого Семейства (Саграда-Фамилия), созданию которого автор посвятил большую часть своей жизни. Это сооружение – триумф фантазии гениального зодчего! Поражает воображение построенный по его проекту парк Гуэль, который пересекает широкая лестница, украшенная причудливыми фонтанчиками, на его аллеях стоят сверкающие на солнце мозаичные скамейки в форме дивана, а центральный вход украшают герб Каталонии и огромная ящерица, ставшая символом Барселоны. Одной из последних работ Антонио Гауди стал так называемый дом Мила, который не имеет ни одной ровной поверхности не только снаружи, но и внутри. С террасы крыши дома открывается какой-то невероятный каменный «зверинец», облицованный цветной майоликой. Это печные и вентиляционные трубы в виде загадочных монстров и сад, пересекаемый танцующими лестницами.

Очень впечатлил нас расположенный на высокой горе монастырь Монтсеррат, где и по сей день живёт около 100 монахов-бенедиктинцев. Главной реликвией монастыря является статуя Чёрной Мадонны (XII век) – предмет

постоянного паломничества. До сих пор точно не установлено происхождение чёрного цвета скульптуры, но, возможно, она просто потемнела от копоти множества сожжённых рядом свечей. Мы побывали в средневековой Жероне и небольшом городке Фигейрос с известным всему миру музеем-театром Сальвадора Дали.

Нашей дружбе с Бобом уже больше 50 лет, несмотря на то, что очень много лет нас разделяли тысячи километров. В его жизни я бы выделил четыре периода. Первый – киевский: школа, строительный институт и начало нашей дружбы. Второй – магаданский: от мастера участка до управляющего трестом и жена Юля. Третий – кишиневский: управляющий трестом, министр, жена Юля и Таня Кузнецова. Четвёртый – питерский: никто, совладелец маленького строительного кооператива, совладелец крупной строительной фирмы и жена Таня Ахназарова, бывшая Кузнецова. Два слова о Тане. Эта замечательная женщина окружила его такой заботой и любовью, что ему ничего другого просто не оставалось, как быть очень успешным. Боб, на мой взгляд, как никто из моего окружения, заслужил благополучия. А 50 лет нашей дружбы было вполне достаточным сроком, чтобы убедиться в широте натуры этого человека. Не случайно Ирочка своим не по возрасту взрослым чутьём всегда тянулась к нему и очень радовалась каждому его появлению. Я не перестаю удивляться и восхищаться им. Да, они обеспеченные люди, но ничего им с неба не упало, всё достигнутое – результат каторжанского труда, профессионализма и тщательно продуманного риска. Да, может быть, чисто арифметически у них есть, чем поделиться, но это-то как раз и не характерно для обеспеченных людей. А тут такое поразительное участие в проблемах всех без исключения друзей и близких! Да и не слишком близких. Эта искренняя и не акцентированная щедрость, побудительной причиной которой, мне кажется, является не педалируемый девиз: «Если не я, то кто?» Теперь у Боба и Тани начинается новый, пятый период жизни – ростовский, где, хочется надеяться, после завершения всех строительных работ они, как говорится, уйдут на заслуженный отдых. Несколько слов о нашей экскурсии по

Швейцарии, где мы познакомились с Женевой – крупнейшим мировым финансовым центром, со знаменитым фонтаном, бьющим из глубин Женевского озера на высоту 140 метров. Побывали в Берне, неотвязно ассоциирующимся у меня, как я уже писал, после сериала «Двенадцать мгновений веснь» с горькой судьбой профессора Плейшнера.

Начальные годы нашего пребывания в Кёльне были окрашены довольно частыми гостевыми визитами. Первыми к нам в конце 1994 года попали Володя Поставской с младшим братом своей жены. Они приехали, чтобы купить поддержанный автомобиль, и на нём же вернуться обратно в Киев. Как-то, гуляя с ним по нашим живописным окрестностям, мы добрались до находящегося рядом с нами небольшого лесного пруда. И вдруг Володя остановился, поражённый увиденным. Поверхность озера лениво рассекали полуметровые сазаны, с тяжёлым вздохом высывая из воды огромные головы и недружелюбно разглядывая нас – праздногогуляющих. Володя был заядлым рыбаком, и эту картину его рыбацкое сердце переносило с трудом. Машину удалось купить довольно легко на авторынке, находящемся в Порце (район города), недалеко от нас. В те годы ещё можно было что-то приличное подобрать на шпермюле, что они успешно и проделали, забив машину до отказа всяческим барахлом, включая небольшой холодильник. При нищете, царившей в то время в Киеве, всё, привезенное ими, было с радостью принято благодарными родственниками. К сожалению, Володя очень рано ушёл из жизни (2004). Не хотелось бы рассуждать о причинах и обстоятельствах его смерти. Ему было всего 54 года. Такая недожитая жизнь.

Буквально следом приехала Аня Скоморовская, которая старательно и с большим интересом осваивала односторонние туры по европейским столицам. В частности в Париж мы съездили вместе. Осенью 1995 года у нас гостила Лариса Турецкая. Она приурочила свой визит к Таниному дню рождения. С ней мы исколесили так называемый малый туристический круг. А завершили гостевой сезон Пузя и Люда, приехавшие к нам в ноябре, чтобы не только повидаться и кое-что повидать, но и

насладиться осенней европейской прохладой.

Мы много и с удовольствием гуляли, я распушивал

Люда и Пузя на нашем балконе

перед ними свой павлиний хвост, апробируя на них свои дебютные экскурсии. Я помню, какое впечатление на них произвёл Кёльнский собор. К тому времени я уже мог рассказать исто-

рию его сооружения, обратить внимание на особенности архитектурных элементов собора и показать выдающиеся реликвии, хранящиеся под сводами этого великого памятника готического зодчества.

Но не только поездки и приём гостей занимали наше свободное время. Ещё оставалось вечернее время, которое заполнялось нами чтением книг, посещением концертов и телевизионными передачами. Нам достаточно быстро удалось установить тарелку – спутниковую антенну, что позволило смотреть привычные российские и украинские телевизионные каналы. Когда мы въехали в нашу квартиру, я обратился к владелице нашего дома – фрау Штратманн с просьбой позволить установить на балконе телевизионную антенну. Предварительно мы выяснили, что по закону иностранцы, легально проживающие на территории Германии, имеет право, при наличии технической возможности, на получение информации из стран бывшего проживания. Но фрау Штратманн поначалу отказала нам в довольно категорической форме. Мы погоревали, однако решили не выходить на тропу войны – может себе дороже стать. Буквально через месяц она пришла к нам и поинтересовалась, как будет расположена на балконе тарелка. Я робко показал, и, к моему удивлению, она тут же легко разрешила её установку. Судя по всему, она тоже поинтересовалась подзаконными актами, разрешающими иностранцам доступ к средствам информации. И вот уже восемнадцать лет наш балкон

украшает тарелка, дающая возможность смотреть актуальные каналы покинутого нами информационного пространства.

А посещение филармонии и консерватории – это отдельная песня. Сначала несколько слов о самой Кёльнской филармонии. Филармония открылась в 1986 г. Там бывают самые разнообразные концерты классической, народной, популярной и джазовой музыки, в которых участвуют выдающиеся исполнители, выступают лучшие оркестры мира и ансамбли. Зал построен в форме амфитеатра, гостеприимно раскинувшегося глубокой чашей для полутора тысяч зрителей, а сцена находится почти в центре зала, что позволяет из любой точки без помех видеть и слышать происходящее. Акустические свойства зала давно и по достоинству оценены лучшими мировыми музыкантами и экспертами. Кёльнская филармония подарила нам множество незабываемых вечеров. За многие годы посещения филармонических концертов мы обратили внимание на некие сопутствующие обстоятельства. Так, перед началом концерта у входа всегда играют какие-нибудь хорошие уличные музыканты, собирая свою вполне заслуженную дань. После концерта разомлевшую от эмоций публику встречает уличный кондитер, предлагающий после пицци духовной пищу земную – традиционный немецкий крендель (брецель). Во время концерта я часто ловил себя на том, что умудрялся, наслаждаясь дивной музыкой, вдруг растекаясь мыслью по древу на бытовые темы, но как ни в чём не бывало вновь возвращаться к высокому. Почему-то меня всегда интересовало количество женщин в оркестре, как замороженный, я следил за струнными, которые извивались послушно воле дирижёра, сливаясь в единое целое с порхающими смычками. Как-то совершенно неожиданно для себя обратил внимание, как эротично держит свой инструмент виолончелистка. Тот ещё любитель музыки!

Для таких, как мы, не обременённых излишними средствами, существует прекрасная возможность приобретать дешёвые входные билеты. За полтора часа до начала концерта открываются кассы, которые в обязательном порядке

продают 100 входных билетов. В зависимости от популярности выступающих коллективов и исполнителей приходится занимать очередь иногда даже за три часа до открытия кассы. Но – «любишь кататься, люби и саночки возить». Нужно заметить, что очередь обычно на 60% состоит из нашего брата. В Кёльне много лет успешно выступают Симфонический оркестр радио и так называемый Гюрцених-оркестр. В 1994 – 1995 годах ими руководили выдающиеся дирижёры Р. Баршай и Х. Фонк. Тогда же на сцене Кёльнской филармонии с блеском отметил своё 30-летие американский струнный квартет Гварнери исполнением произведений Бетховена.

Для любителей музыки всегда открыты (в полном смысле этого слова) двери Кёльнской консерватории, в которой регулярно проводятся отчётные концерты студентов и преподавателей. Среди профессоров выделяются наши бывшие соотечественники: Захар Брон (скрипичный класс), Борис Пергаменщиков (класс виолончели) и Виктор Третьяков (скрипичный класс). Кроме регулярных посещений филармонии и консерватории, нас часто радовали гастролёры из России. В Бонне мы побывали на незабываемом творческом вечере Булата Окуджавы, в концертном зале Метман под Дюссельдорфом мы слушали очаровательную Лайму Вайкуле, а в кёльнском отделении Британского консульства перед нами с блеском выступили артисты московского театра «Современник». С Новым годом, товарищи!

1996 год

Незаметно пролетели два года. К этому времени я смел нил немецкий «опель» на французский «рено». Эта машина впоследствии оказалась самой любимой у Тани. Но сейчас не об этом речь. А собственно, о чём? Я задумался, и вдруг понял, что нахожусь в тупике. Мне просто ничего другого не остаётся, как тупо описывать всё, что удастся припомнить из происходящего с нами и вокруг нас за все прошедшие годы. Единственное, что как-то могло бы спасти сложившуюся ситуацию, – попытка сопровождать эти вполне рядовые события нашей жизни собственными комментариями и размышлениями.

Итак, пришёл 1996 год, который начался с посещения американского балета на льду «Holiday on ice» в помещении спортивно-концертной арены. Почему-то билеты на это шоу нам на льготных условиях предлагает Синагогальная община Кёльна. То ли в чистоте катания на льду есть что-то кошерное, то ли яркие картины и шикарная музыка могут послужить приближению новой волны эмиграции к канонам иудаизма. Так или иначе, но всякий раз, когда в Кёльне гастролирует «Holiday on ice», члены еврейской общины имеют возможность приобрести билеты со скидкой в 50%. Этот год мне ещё запомнился многими впечатляющими событиями. Были как всегда незабываемые концерты и творческие вечера, поездки на машине и официальные экскурсии.

А начну, пожалуй, с события, которое, правда одноразово, но решительным образом изменило наше финансовое положение. Нам стало известно, что существует некий компенсационный фонд, находящийся под эгидой Кляймс Конференс – организации, рассматривающей материальные иски евреев к Германии. Уже упомянутый мною, ушедший из жизни в 2011 году всезнающий Овсей Латерман подробно рассказал мне, по какой схеме нужно действовать, чтобы попытаться получить эту самую материальную компенсацию. Сначала следовало отправить в Кляймс Конференс целый ворох бумаг, если таковые сохранились, подтверждающие нахождение в эвакуации во время войны подателя прошения. Далее нужно было терпеливо дожидаться от них отрицательного

решения. Как ни странно, это и был главный шаг к победе. Теперь тот же ворох документов, отказ от Кляймс Конференс и соответствующее новое заявление отправлялось в Дюссельдорфский фонд. Какая между ними разница, я не знаю и по сей день. Однако факт остаётся фактом. Хотя переписка с обоими фондами длилась почти полтора года, всё же в сентябре 1996 года на наш счёт было переведено 7000 ДМ, на которые не распространялись загребущие руки социального ведомства. Принимая во внимание наши скромные потребности, благодаря этим деньгам, мы себе смогли дополнительно многое позволить.

Теперь к туризму. В апреле нашим клубом под руководством Риты Липшиц была организована поездка в Соединённые Штаты Америки. Мы проехали всё восточное побережье, побывали в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, Филадельфии и Атлантик-Сити.

Разумеется, не стану соревноваться с путеводителями и описывать увиденное, скажу лишь, что нас сопровождала

замечательная экскурсовод(ша) – Мила Черняховская, которая лишь усиливала наше ошеломление.

Мы с Милой Черняховской

Добавлю, что в казино Атлантик-Сити Танюха, используя кошелек и мою безотказность, нанесла «нещивного удара» нашему семейному бюджету. Оставшихся денег всё же хватило на дополнительную недельку в Нью-Йорке, чтобы повидаться с нашими друзьями, что добавило нам дополнительные эмоции. В этом году у

нас была ещё одна многодневная поездка, только теперь с отдыхом. Я очень люблю слушать, как обсуждают поездку на море наши люди. Выглядит это примерно так:

– Вы уже были в этом году в отпуске?

– Да, конечно! Мы ездили отдыхать на Средиземное море.

Такое впечатление, что разговаривают между собой работающие круглый год безумно уставшие люди, отдых которым просто жизненно необходим. Вот и мы большой компанией (Берковские, Бронфманы, Шварцы и Золотаревские) поехали после трудов праведных отдыхать в городок Тосса-де-Мар, расположенный в живописной бухте побережья Коста Брава. Это прелестный курортный уголок с уютными пляжами и средневековым замком Вилла Велла, примостившимся на высокой скале. Всё тогда сложилось удачно: и погода, и природа, и настроение.

Чтобы уже одним махом покончить с другими нашими туристическими перемещениями, в двух словах расскажу о поездке в Антверпен, который в какой-то мере оказался (для меня это было полной неожиданностью) столицей европейских евреев. С одной стороны Антверпен – мировой центр обработки и торговли бриллиантами, что, как известно, является частью наших национальных интересов, а с другой – те, кто работает в этом бизнесе, составляют солидную

часть жителей города. В центре Антверпена расположены еврейские кварталы с синагогами, иешивами и кошерными магазинами. В этих районах города создаётся такое впечатление, будто ты находишься в Иерусалиме.

В рамках обмена посещениями мы совершили клубную поездку в старинный университетский город Хайдельберг, который мне запомнился своей ландшафтной красотой и гостеприимством местной еврейской общины. Дважды мы совершили туры на машине в Брюссель и Саарбрюкен, где жила Софа Голуб, она же Пароменская. Там она познакомилась с очень милым человеком из Ленинграда Володей Мастеровым, с которым прожила 15 счастливых лет. К сожалению, полтора года назад после тяжёлой болезни он ушёл из жизни.

1996 год оказался не богатым на визитёров. Лишь в апреле на недельку к нам заглянул Женя Малюга – сын Таниного брата Аркадия. Зато в этом году мы получили три настоящих эмоциональных потрясения. Это тот самый случай, когда самым подходящим эпитетом для его характеристики является слово Великий. В августе мы побывали в Дюссельдорфе на концерте трёх Великих теноров: Пласидо Доминго, Лучано Паваротти и Хосе Каррераса. Несмотря на то, что всё происходило на стадионе, это было впечатлением, которое останется на всю жизнь.

В октябре мы впервые слушали в филармонии Великого кларнетиста Гиору Файдмана, виртуозного исполнителя еврейской музыки (от клезмерской до современной религиозной). А в ноябре мы, опять же в первый раз, вживую наслаждались виртуозной игрой Великого скрипача Максима Венгерова, ученика нашего (произношу с гордостью) профессора Кёльнской консерватории Захара Брона. Кроме этого, мы, как обычно, посещали филармонию и консерваторию, где с большим удовольствием слушали замечательные концертные программы.

В этом году в Кёльнский оркестр главным дирижёром пришёл Семён Бычков. С его приходом и без того прекрасный оркестр как бы задышал полной грудью. Вновь нас радовали своими гастрольями мастера театральной сцены. В Боннском оперном театре поставили оперу П. И. Чайковского

«Пиковая дама» в современной, но очень уважительной обработке А. Шнитке. Поставил спектакль Ю. Любимов, а декорации и костюмы создал Д. Боровский. Учитывая к тому же прекрасный набор вокалистов, получилось грандиозное зрелище и слушание!

В чередe гастролёров блистали такие великолепные таланты, как мастер художественного слова (почти забытый термин) Вениамин Смехов, неповторимая романсовая исполнительница Нани Брегвадзе, одна из самых популярных современных литераторов Дина Рубина и экзальтированная, яркая, выдающаяся актриса и певица Людмила Гурченко. На её концерте произошёл, на мой взгляд, забавный случай. Заканчивая один из своих вокальных номеров, она спустилась в зал и допевала уже в проходе зрительного зала. Неожиданно к ней подошла внушительная тётка и стала под видом пылких объятий её ощупывать. На что ей Гурченко весело сказала: «Та чё ты шупаешь? У меня всё своё! Протезов нет».

В конце декабря в большом зале еврейской общины Кёльна впервые мы организовали новогодний вечер в привычных гомо советикус традициях. Были накрыты столы, проводилась лотерея с призами и состоялся праздничный концерт силами талантливых не востребовавшихся эмигрантов – музыкантов, драматических артистов, вокалистов и артистов балета. Всё было бы хорошо, но «у нас с собой было», о чём бесстыдно свидетельствовали оставленные на столах следы далёкой от кошерности закуски. Даже за одним из столиков затянули застольную песню – «Шумел камыш, деревья гнулись». Народ, разумеется, остался доволен. Есть и горькое воспоминание. В декабре в крупнейшем в Кёльне книжном магазине «Гонски» должен был состояться творческий вечер Иосифа Бродского, на который у нас были заранее куплены билеты. Но вечер не состоялся из-за трагической болезни Иосифа Александровича. Месяц спустя, в ночь на 28 января 1996 года, в Нью-Йорке от обширного инфаркта ушёл из жизни Великий поэт, пожалуй, самый выдающийся поэт XX века. Новый 1997 год мы встречали впятером вместе с Берковскими. С Новым годом, товарищи!

1997 год

Это год начался с приятного известия. Наша больничная касса АОК выделила нам две бесплатные путёвки в лесную клинику Тойтобург. При этом ещё нам выдали по 225 ДМ на дорогу. Не то чтобы в те годы мы были как-то уж сильно разрушены, но шестой десяток обычно всегда имеет что предъявить пытливей медицине, не говоря уже просто о рядовом профилактическом оздоровлении. Первую неделю нас самым тщательным образом обследовали, а оставшиеся три были максимально загружены всевозможными физиотерапевтическими процедурами. Поскольку приехали мы туда на машине, то свободное от медицинской опеки время посвящали знакомству с местными достопримечательностями. В целом это как раз был тот самый случай, когда удавалось совмещать приятное с полезным.

В январе к нам в гости приехал Эдик Качура, с которым мы с большой приятностью провели целую неделю. Он привёз нам в подарок замечательную фигуру старого еврейскрипача, вырезанную из коры дерева. Теперь «Скрипач» висит у нас в гостиной, и я очень люблю на него изредка поглядывать.

Март месяц прошёл под знаком Италии. Это была многодневная поездка с туристическим бюро «Виктория».

Побывали в Венеции, Флоренции, Пизе, Риме и многих других. Мы ходили как заворожённые. Всё, о чём мы с душевным трепетом читали, видели в кино и по телевизору, предстало фантастической реальностью перед нашими восхищёнными взорами. Венеция – водные хитросплетения, одетые в каменные кружева собора Сан-Марко, Дворца Дожей, Часовой башни и мостов Воздохов и Риальто. Флоренция – цепочка средневековых базилик, кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре

с куполом Брунеллески, на который мы с Танюшей вскарабкались единственные из группы, и сверкающий баптистерий. А микельанджеловский Давид, а галерея Уффици! Голова шла кругом! Пиза – город известный всему миру своей Башней, склонившейся в куртуазном поклоне перед тысячами любопытных туристов.

И, наконец, Рим! Великий Рим! Город апостола Павла, Гая Юлия Цезаря, Марка Аврелия Антония, Микельанджело, Энрико Ферми, Федерико Феллини и Софи Лорен. Город с Римским Форумом, Колизеем, Пантеоном, Собором Святого Петра, Виллой

Боргезе и Фонтаном Треви.

Как говорила Людмила Марковна Гурченко: «Та шо там говорить!» Неожиданно в последние два дня упала температура, к чему народ был совершенно не готов. Поэтому, когда на обратном пути в автобусе наша руководитель поездки попросила обменяться своими впечатлениями, я написал короткую хвалебную оду, заканчивающуюся словами:

Лишь только жаль, что в солнечной Италии
Я чуть не отморозил гениталии.

Стишата были зачитаны в микрофон, что вызвало бурную, но весёлую реакцию пострадавших туристов. Правда, от Тани мне за это досталось.

В апреле у нас состоялась трёхдневная клубная поездка в Прагу, которая как-то была придавлена ещё свежими впечатлениями от посещения Италии. Хотя теперь, уже побывав во многих городах Европы и в том числе трижды в Праге, могу сказать, что это один из самых красивых европейских городов.

В июле нас принимал в свои объятия Лазурный Берег Франции, или так называемая Французская Ривьера. Это была туристическая поездка с недельным отдыхом в Ницце. Десять дней солнечной сказки. Оливковые рощи,

сосновые боры, сбегаящие к самой кромке воды, и повсюду цветы, покрывающие все свободные пространства, так хорошо знакомые по картинам Ренуара, Матисса и Пикассо. Это и Сен-Поль со знаменитым музеем, в котором находится одна из лучших европейских коллекций современного искусства, где на городском кладбище нашёл своё последнее пристанище Марк Шагал. Это и Канны, название которого неразрывно связано со всемирно известным фестивалем кино и набережной Круазетт. Это и сверкающая Ницца со своими историческими отелями, отличающимися фасадами в итальянском стиле, Английским променадом, отгораживающим город от обнажённого пляжа, и православным русским кладбищем «Кокад», где покоится целый пласт русской истории и культуры. Прямоугольники надгробий из белого мрамора, словно раскрытые книги, хаотично покрывают цветущие склоны огромного холма Кокад. Французская Ривьера оставила в памяти свой неизгладимый след. Туристический зуд этого года завершился очередным посещением Израиля. На сей раз мы всё делали основательно. Тщательно выбирали экскурсии, наслаждаясь увиденным и услышанным. Вновь наши сердца сжимались от воздействия таинственной энергетики, исходящей от великих памятников древней истории и культуры, сконцентрированных на таком незначительном клочке земли. Но главным, как и в прошлый раз, было наше общение с Пузей и Людой.

В течение года мы, как всегда, довольно часто бывали на концертах и выступлениях заезжих гастролёров. Были и незабываемые впечатления. Так, нас потрясло исполнение Тамарой Синявской еврейского цикла Дмитрия Шостаковича, безукоризненный вокал Елены Образцовой, чей голос заполнял самые отдалённые уголки Боннского оперного театра, великолепное звучание Шамбер оркестра под управлением Геннадия Рождественского и сольный концерт тогда ещё блистательной Монсерат Кабалье. Неординарным событием оказался юбилейный концерт неутомимого Иосифа Кобзона. Этот прекрасный советский певец пел с небольшим перерывом в течение пяти часов. В те годы о нём ходили такие рифмованные строчки:

Как не остановить бегущего бизона,
Так не остановить поющего Кобзона!

Острословов всегда хватало, но должен сказать, что моё отношение к Иосиф Давидовичу как к певцу было просто восторженным, а как к человеку и общественному деятелю – глубоко уважительным.

Буквально несколько слов хотелось бы сказать о творческом вечере Владимира Войновича. Насколько его интересно читать, настолько – не интересно было слушать. Он произвёл впечатление очень неуверенного в себе косноязычного человека, который буквально через силу выжимал из себя каждое слово. А может быть, его заторможенность – просто была после вчерашнего...

К двум театрализованным представлениям я сам имел непосредственное отношение. По моему приглашению в Кёльн из Израиля приехала знаменитая еврейская эстрадная певица, всемирно известная исполнительница песен на идиш и первая исполнительница шлягера «Папирось» Женя Файерман. К тому времени певице исполнилось уже 70 лет, но её энергетике, темпераменту и жизнеутверждающему обаянию могли позавидовать значительно более молодые исполнители. Это было чарующее яркое костюмированное эстрадное шоу.

К тому же она оказалась очень милым в общении человеком. Мы с ней долго гуляли по Кёльну, который ей очень понравился, а затем, по возвращении домой, за обедом нашли много общих для обсуждения тем.

Для любителей серьёзной музыки город предоставил роскошную возможность совершенно бесплатно слушать органные концерты в исполнении лучших мировых органистов на всемирно известных органах Кёльнского собора.

Поставив множественное число, я не ошибся. Действительно в соборе имеются два великолепных органа, которые были изготовлены фирмой «Йоханнес Клайс Оргельбау», расположенной в Бонне. Создание первого органа было приурочено к 700-летию начала строительства Собора (1948 год), а второй орган, висящий на левой стене центрального нефа, был сдан уже к 750-летию. Эта махина весом в 24 тонны тем не менее напоминает ласточкино гнездо, а ажурностью своей конструкции прекрасно гармонирует с пламенеющей готикой Собора. Каждый вторник с мая по сентябрь проходят часовые концерты органной музыки, которые, учитывая божественную акустику храма, оставляют незабываемое впечатление. Когда же звучат одновременно оба органа, создаётся ощущение будто грудь, как резонатор, переполняется под напором торжественного звучания музыки, а душа растворяется во внеземной гармонии.

Заканчивался год, как и в прошлом году, организованным мною праздничным представлением «Зимний вечер в Кёльне», который состоялся вновь в помещении еврейской общины. Я вёл концерт, зрители щедро одаривали вы-

ступающих горячими аплодисментами, и на сей раз всё обошлось без нарушения кошерности, хотя народ, как сейчас говорят, зажигал по полной программе.

К рождественским торжествам обычно город начинает готовиться параллельно карнавальная вакханалии. Витрины и интерьеры магазинов совершенно преображаются. Повсюду красуются пышные изумрудные ели, сверкающие манящими огнями ярких гирлянд, дополнительно отражающимися в блеске огромных разноцветных зеркальных шаров. По стенам домов нередко можно увидеть старательно карабкающихся Санта-Клаусов. Вот-вот, ещё мгновение, и он окажется на вашем балконе. Улицы украшены разного вида праздничной иллюминацией.

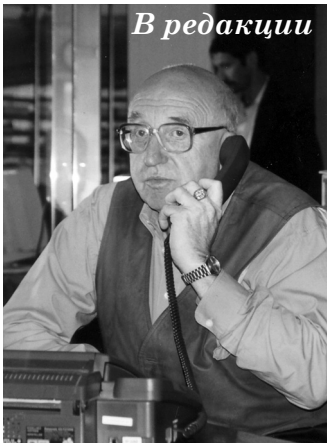
К сожалению, у создателей иллюминации нашей улицы не хватило фантазии. Они украсили подступы к нашему дому большими жёлтыми пятиконечными звёздами. Хорошо ещё, не шестиконечными. Главные площади старого города оккупированы разнузданными рождественскими базарами. Неподготовленный прохожий будет ошарашен восторженно жующей толпой, манящими запахами всяческой вкуснятины, ошеломляющими децибелами маршевой немецкой музыки, блеском новогодней мишуры и огромным выбором рождественских подарков на любой вкус. Жаль только, что вся эта красота после 25 декабря ликвидируется, поскольку главный праздник – Рождество – уже позади. А день святого Сильвестра, 31 декабря, по-нашему Новый Год, – это в Германии лишь повод выйти на улицы, зажечь петарды, криками радости встретить красочные букеты фейерверков и распить море секта, или шампанского. На улицах появляются выброшенные ёлки такой кондиции, что наши совковые сердца просто изнемогают от негодования. За такими шикарными деревьями в прошлой жизни мы часами простаивали в очередях или переплачивали втридорога. Так что к понятному нам Новому Году в домах Германии уже не остаётся ни одной зелёной красавицы. Не случайно новогоднюю ёлку здесь называют рождественским деревом (вайнахтбаум).

Симпатичные внешние признаки имеет ещё один из самых популярных праздников – Пасха. К этим весенним дням преобразуется не только природа, но и убранства двориков и палисадников, витрины больших магазинов, кондитерских и булочных. Главными украшениями являются разнообразные пасхальные зайцы, крашеные на пределе фантазии яйца и золотистые воздушные куличи. Итак, мы уже знаем, что период с ноября по апрель отведен под исполнение вековых народных традиций и отличается от остальных месяцев весёлой боевой раскраской. С Новым годом, товарищи!

1998 год

Прошедший год принёс очень важную и радостную весть. После окончания специальных годовых курсов в Бонне Дима был взят с января 1998 года на работу инженером одной из кафедр Политехнического института в городе Хильдесхайм, где вполне успешно трудиться и по сей день. Он большой молодец! С тех пор Дима – общесемейная гордость, поскольку он единственный из нашего клана платит Германии все положенные налоги, чем частично снимает наши постоянно действующие интеллигентские комплексы.

С момента приезда минуло уже четыре года, а у нас всё ещё горят глаза и нам всё интересно. Мы по-прежнему суетимся, заполняя своё безразмерное свободное время. Хотя следует заметить, что его становится всё меньше и меньше. Танюша по уши вошла в дела библиотечные, а я занимаюсь Клубом и газетой. Правда, в связи с естественным развитием иммигрантской инфраструктуры, рассчитанной на заинтересованность русскоязычного контингента – туристические бюро, концертные агентства, языковые курсы и многое другое, клубную деятельность пришлось потихоньку сворачивать, зато в дела газетные я стал входить

достаточно плотно. Теперь в мои обязанности заместителя главного редактора входила вся организационно-финансовая сторона и частично редактура.

И всё же оставалось ещё достаточно много свободного времени, которое мы с удовольствием заполняли экскурсионными поездками, приёмом дорогих нам гостей, театральными-концертными мероприятиями (противное слово из советского лексикона) и прогулками.

Среди наиболее ярких впечатлений этого года был концерт Мстислава Ростроповича, который запомнился его виртуозным исполнением «Песни Солнцу» Софии Губайдулиной. В концертном зале Philipshalle Дюссельдорфа мы слушали прелестно угловатую, как чёрная фарфоровая статуэтка,

королеву французского шансона Патрисию Каас. Её голос и чарующая манера пения напоминали мне несравненную Эдит Пиаф и блистательную Марлен Дитрих. Она пела охотно, с хорошим настроением, и это, конечно же, находило благодатный отклик зрительного зала.

Театральная весна 1998 года для нас прошла под знаком Романа Виктюка. В марте мы смотрели его феерический спектакль «Служанки» по одноимённой пьесе Жана Жене, а уже в мае Р. Виктюк привёз «Осенние скрипки» с Алисой Фрейндлих, Александром Балухевым и Дмитрием Бозиним. В спектакле звучали стихи и музыка Серебряного века, креативный дух которого беспечно витал над восторженным залом. Банальный сюжет, расцвеченный, как обычно, Виктюком в крайне претенциозную и эффектную форму, рассыпался фейерверком ярких мизансцен и обрушивался всеми своими красками на обалдевший зал.

В первых числах апреля состоялась уже традиционная «Юморина», только на сей раз из-за большого количества желающих попасть на представление пришлось перенести его из зала синагоги (250 мест) в концертный зал района Мюльхайм, где можно было разместить более 1000 зрителей.

С мая по сентябрь по воскресеньям на набережной перед 5-звёздочным отелем «Хаятт» его администрацией проводились великолепные джазовые концерты, на которые собиралось такое количество любителей джаза, что гуляющие по набережной Рейна с трудом протискивались. Ресторан отеля перед импровизированной сценой установил десятки столиков, сидя за которыми счастливицам удавалось не только послушать любимую музыку, но и выпить бокал другой холодного светлого пива. Всё это делалось для нас, но, как говорилось когда-то в советской прессе, разумеется, «с целью достижения максимальной прибыли». Перед нами выступали великолепные джазовые коллективы, однако знатоки всегда с большим нетерпением ждали выступления Саши Кляра – виртуозного джазового клавишника, который, входя в раж, мог играть не только руками, но и ногами. Можно легко себе представить, какова была реакция

слушателей. Справедливости ради хочу сказать, что его достижение переплюнули два пианиста (видел в Интернете), которые своей игрой возбуждались настолько, что помогали играть себе своими мужскими причиндалами.

В 1998 году Германия достаточно широко отмечала 110-летие со дня рождения великого музыканта и педагога Генриха Густавовича Нейгауза. В Кёльне состоялась серия концертов, посвящённых этому событию, в которых приняли участие выдающиеся ученики Нейгауза – Евгений Малинин, Исаак Зетель и Татьяна Федькина.

В этом же году Кёльн отмечал 750-летие начала строительства Кёльнского собора. Поражало, с каким жадным интересом жители города относились к этому событию. В течение двух недель на площади перед Собором с наступлением темноты видными немецкими историками и архитекторами читались лекции о возникновении города, его исторической застройке и о создании жемчужины мировой готической архитектуры – Кёльнского собора. Лекции иллюстрировались интереснейшими слайдами, проектируемыми на огромный экран, установленный на стене дома напротив. Так вот на эти лекции собиралось такое количество людей, что не всегда удавалось найти место, откуда было бы всё видно и слышно. Надо сказать, что я тоже старался не пропускать эти лекции, хотя понимал в них лишь пятое через десятое. Но тогда стало очевидным, что немцы очень не безразличны к своим корням – истории, культуре и традициям. Впоследствии я смог в этом ещё не раз убедиться. Ведь в городе регулярно проводились и проводятся дни открытых дверей музеев и исторических памятников, что также вызывает неподдельный интерес местных жителей. К этим дням выпускаются специальные бесплатные путеводители, в которых подробно расписаны, когда и где будут проходить те или иные экскурсии. И нужно было проявлять определённую прыть, чтобы стать их участником.

Было ещё два театральных впечатления, о которых хотелось бы упомянуть. Во-первых, опера Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» в исполнении очень профессиональной молодой американской труппы, а во-вторых, спектакль «Ещё Ван

Гог», поставленный Валерием Фокиным с участием блистательного Евгения Миронова, Евдокии Германовой и Андрея Смолякова. И хотя этот спектакль, на мой взгляд, нельзя отнести к сценическим шедеврам, но нам было интересно.

В августе к нам на несколько дней заехали Миша и Ира Грановские. Как всегда, я хвастался городом, который к тому времени полюбил всем сердцем.

Ира и Миша Грановские

А Миша в очередной раз сыграл в моей жизни важную роль. Оказалось, что у него, кроме нас, в Кёльне жили ещё киевские сослуживцы, с которыми он, зная мою увлечённость преферансом, меня и познакомил. Дело в том, что у них подобралась компания преферансистов, собиравшихся обычно раз в неделю по очереди у каждого дома. Не сразу, но в конце концов я был допущен к ломберному столику. Среди них, к сожалению, не было достойных партнёров. Но это было для меня важной отдушиной и трамплином для дальнейшего развития темы. Позже нам удалось организовать Клуб преферансистов, в который сейчас входят 15 человек. Вот уже более 12 лет мы собираемся два раза в неделю по вторникам и четвергам, невзирая на гримасы погоды и перемены в самочувствии. Это святое! Преферанс очень украшает нашу мало заполненную активной

За работой

деятельностью жизнь.

Мои партнёры – члены Клуба преферансистов – такие же бездельники, как и я, поскольку такое же старье, как и я. Мы собираемся к 11.00 в Порце, в так называемом Культурном центре еврейской общины, и играем

«ленинградку» до 17-18 часов с небольшим перерывом на кофе. Обычно успеваем сыграть три пули по 50. Чаще всего игра идёт одновременно на трёх столах, поскольку приходят 10-12 человек. Прекрасная мозговая тренировка, да и кайф от адреналиновых выбросов, хотя и играем по одному евроценту. Всё-таки – получатели социальной помощи.

Так что вновь Миша Грановский исполнил в моей жизни роль доброго волшебника. Сегодня мне больно писать эти строчки. В феврале 2012 года я приехал в Любек, где они жили, чтобы попрощаться с ним и бросить три горсти земли в его могилу. Миша ушёл из жизни от неоперабельного рака лёгких. Последние полтора года сплошных страданий он прожил с удивительным мужеством. Нас связывали 48 лет дружеских отношений.

Снова потешили себе душу трёхдневной поездкой в Париж. Попадая туда, всегда вспоминаю слова Генриха Наваррского: «Париж стоит мессь». Тем более от нас никто даже этого не требовал. После Парижа мы съездили в Льеж на выставку Марка Шагала. Это было просто здорово! Теперь, когда мы побывали во многих городах мира, где находятся творения великого художника, можно смело утверждать, что это, пожалуй, единственный случай в мировой живописи, чтобы так естественно сочетался наив и высокое мастерство, графичность и игра цвета, улыбка и слёзы, интернационализм и глубочайшее проникновение в еврейскую традицию.

Этот год ознаменовался просто-таки нашествием высочайшего уровня гастролёров из России. В зале синагоги с большим успехом выступил Хор Турецкого. Сегодня, небось, их за такие гроши никакими силами не удалось бы затащить в зал на 250 мест. Но это были их чуть ли не первые гастроли за рубежом, и ребята старались. Старались и резвились. Под конец они весело и мастерски исполнили «Мурку», что повергло синагогальных ортодоксов в священный трепет. Но наши аплодисменты снивелировали нарастающую тревожную волну. В Восточно-европейском клубе «Игнис» (есть такой в Кёльне) выступил бард Александр Дольский, известный своими тонкими лирическими песнями. На своём творческом вечере очаровательная Алиса Фрейндлих,

как всегда, блеснула всеми гранями своего яркого таланта. Впервые к нам в Германию приехал Михаил Жванецкий. Честно говоря, я с некоторой опаской шёл на его выступление, ожидая чтение старых монологов и шуток. Как же я был приятно удивлён, когда выяснилось, что его программа процентов на 80 состояла из новых искромётных миниатюр, а шутки были свежи и остроумны. Я так ржал, что после этого концерта несколько дней страдал болью в мышцах живота. Крепатура прошла, а радостные воспоминания остались. А перед самым Новым Годом мы наслаждались «Пьесой для голоса и саксофона» в исполнении Михаила Козакова и Алексея Козлова. Это было восхитительное ностальгическое торжество нашей молодости. Стихи моих любимых поэтов в исполнении одного из самых любимых мною актёров, да ещё «Козёл» на саксе. Всю душу разворошили!

Новый Год мы поехали встречать вместе с туристическим бюро «Инзель». Это оказалось просто незабываемо! Всё происходило в рыцарском зале замка Райхсбург на высокой горе с роскошным видом на иллюминированный к Рождеству городок Кохем. Организовано всё было прекрасно. Великолепный ужин (шведский стол), приятная музыка, ненавязчивый тамада, праздничный фейерверк и душевная компания. Омрачал лишь совершенно неоправданный штурм нашими соотечественниками этого самого шведского стола. Срабатывала омерзительная совковая ментальность – а вдруг не хватит. Так мы встретили Новый 1999 год. С Новым годом, товарищи!

1999 год

Год для меня начался пафосно. И не удивительно. На меня совершенно неожиданно свалилось шестидесятилетие. Несмотря на то, что Танюха уже почти 40 лет называет меня Стариком, моё сознание явно отстаёт от достигнутого возраста. Хотя вечером за праздничным столом гости приложили максимум усилий, чтобы я не только в это поверил, но и резко возвысился в собственных глазах. Нельзя, категорически нельзя, всерьёз воспринимать произносимое в честь юбиляра. Больше всего меня потрясло, когда утром 11 января раздался звонок в дверь, и мне вручили огромный букет шикарных алых роз в количестве 60 штук.

Фантастика! Цветы были из Санкт-Петербурга от Ахназаровых. Тогда для меня такой сервис был в диковинку.

Мы продолжали с удовольствием посещать концерты в филармонии и консерватории. В феврале в большом зале консерватории состоялся отчётный вечер класса Захара Брона. Перед нами выступили его 12 учеников – 12 скрипичных апостолов. От мала до велика. Но все они владеют волшебным Броновским звучанием. А старшие, на мой взгляд, уже просто готовы к большой сцене. Самых добрых слов заслуживала бессменный концертмейстер Брона Ирина Виноградова.

В конце февраля в зале «Гюрцених» состоялся сольный концерт Великой Аллы Пугачёвой. Я наслаждался её пением на протяжении всей её исполнительской карьеры. И мне было наплевать на досужие разговоры, которых всегда хватает вокруг настоящих звёзд. Я убеждён, что на русской эстраде нет такого второго исполнителя, который (ая) мог (ла) бы так музыкально, интонационно талантливо донести до слушателя любой материал. Это моя любимая эстрадная певица. На мой взгляд, она создательница совершенно нового вокального жанра – театра песни. Алла Пугачёва,

я думаю, – одна из немногих ярчайших эстрадных вершин такого унылого советского периода.

В феврале к нам в гости приехала Лариса с подружкой. Они захотели на себе испытать все прелести кёльнского карнавального бедлама.

Мы заранее купили им билеты на костюмированный бал в замок Волькенбург, куда с ними отправилась Танюха, и места на трибуне, чтобы быть поближе к безумному шествию в розовый понедельник. В этом я им составил компанию. Стоимость одного билета была 50 ДМ. Но заезжих американок в погоне за таким экзотическим зрелищем такое не могло остановить.

В марте в книжном магазине «Гонски» состоялся вечер Евгения Евтушенко. Он, как всегда, много и страстно читал свои стихи, отвечал на многочисленные вопросы, давал автографы и долго ещё, не считаясь со временем, общался с нами.

С Евгением Евтушенко

Пришла очередная весна, и вновь Роман Виктюк привёз свой спектакль по пьесе Оскара Уайльда «Саломея». В этом спектакле было всё: энергетика, работа на разрыв, талант режиссёра и актёров – и в частности Дмитрия Бозина (Саломея) и Дмитрия

Жойдика (Оскар Уайльд). Как всегда, в спектаклях Виктюка явно преобладал голубой цвет. А в зале на протяжении всего вечера царила поистине волшебная атмосфера.

В конце апреля к нам в гости приехали из Москвы моя племянница Леночка и её муж Саша. Мы были очень рады их появлению, потому как давно относимся к ним с большой

симпатией, что, мне кажется, видно по этой фотографии.

Мы им с радостью показывали достопримечательности Кёльна и наши живописные окрестности. Съездили вместе в очаровательный, игрушечный городок Линц и вообще всячески наслаждались общением и кёльнской весной. Ко всем цветам и

запахам весны добавилось буйство красок и ароматов, встретившее нас в голландском цветочном заповеднике Койкенхофе. Описывать увиденное – дело безнадёжное. Тысячи тюльпанов самых невероятных форм и расцветок, пьянящие запахи гиацинтов и фантазмагория орхидей. Впоследствии мы бывали там много раз. Но «я пью – всё мне мало».

Май, так красочно начавшийся в тюльпанной сказке Койкенхофа, получил неожиданное продолжение предложением от ИТАР-ТАСС нашей газете «Круг» принять участие в Первом Всемирном конгрессе русской прессы в Москве. Взвесив все объективные и субъективные соображения, мы с Аликом решили, что лучше поехать туда мне. Так что в конце июня я полечу в Москву.

А пока мы готовимся к поездке в Шотландию на свадьбу Жени и Памелы. Мы получили не только приглашение от них, но и финансовую поддержку. Ребята сняли для гостей среди красивого молодого леса двухэтажный дом, где разместили нас – немцев, Остроградских – американцев и большую делегацию от Украины во главе с родителями Жени – Аркадием и Ларисой. По утрам на пороге дома нас приветствовали раскормленные пёстрые фазаны. После завтрака за нами приезжал небольшой автобус с водителем-экскурсоводом, который показывал нам природные красоты Шотландии и близлежащие города – Инвернесс и Абердин. Чего только стоило посещение озера Лох-Несс, где нас должно было встретить лохнесское чудище Несси, но, к сожалению или к счастью, наши планы не совпали, и встреча не состоялась.

Озеро Лох-Несс

Что же касается самой свадьбы, которая проходила по шотландским традициям, то это было красиво и нарядно, строго и трогательно. Невеста, как поётся в песне, была в белом платье, а жених был весь в чёрных штанах.

Мужчины со стороны невесты фигурировали в пёстрых клетчатых юбках (что под ними, осталось неразгаданным), а женщины гордо фланировали в шикарных широкополых шляпах.

Гости со стороны жениха

Кроме того, было вкусно и пьяно, в прямом смысле этого слова. Мы дорвались до великолепного шотландского виски, которое подавалось в качестве аперитива без ограничений.

Халява – вещь священная. Было смачно и весело, а потом стыдно, хотя ничего предосудительного мы не делали. Если не считать, что меня безуспешно пытались научить танцевать самый простой народный шотландский танец «кейли».

А 19 июня я уже в Москве регистрировался как делегат Всемирного конгресса русской прессы. На нём были представлены все русскоязычные периодические издания мира. Организация этого форума лежала на ИТАР-ТАСС, а финансирование обеспечивал Михаил Ходорковский. Обе стороны, на мой взгляд, справились со своими задачами безукоризненно. Уже на второй день работы организаторы Конгресса выпустили на цветной глянцевой бумаге шикарную газету «Родная речь», где на второй странице было размещено и интервью со мной.

Три дня в главном зале Московского международного центра торговли проходили пленарные заседания, на

которых обсуждались и принимались важные уставные и организационные документы.

*Из специального выпуска газеты «Родная Речь»
к Первому Всемирному Конгрессу Русской Прессы
в Москве, 1999 год.*

Непорочный «КРУГ»

Нашу газету мы адресуем тем моим соотечественникам, кто приехал в Германию и очень тяжело внедряется в немецкую жизнь, а таких большинство среди иммигрантов. Я и сам в 1994 году перебрался из Киева в Кельн, много лет отработав в промышленности и прервав свою карьеру в должности генерального директора научно-производственного объединения «Электроника». На новом месте я без дела не мог, а дела никакого не было – люди моего возраста в Германии не нужны. Плюс плохой язык.

И тогда с Александром Бронфманом профессором-экологом из Одессы мы сперва затеяли клуб, который помогал

бы приехавшему народу легче, по возможности с меньшими стрессами внедряться в новую жизнь. В Германии казалось бы все замечательно, но есть такая не мной придуманная шутка: все было бы хорошо, но утром проснулся, а в городе... немцы. Наш клуб помогал людям делать первые шаги. Но как мавр, выполнивший свое дело, он завершил свое существование, оставив русскую библиотеку и газету, которая, к нашему общему удовлетворению, постоянно набирает силу. Собственно, «Круг» стал первой газетой, сделавшей своей главной темой проблемы адаптации людей. И название издания, на мой взгляд, символично: «Круг», как нам показалось, это то, что может нас соединить и объединить. В это понятие может включаться все, кроме понятия порочный круг.

Никогда прежде я не занимался журналистикой и представления не имел, из какого «ничего» – не из сора, из которого, по Ахматовой, «растут стихи», а именно из «ничего», на одном энтузиазме при отсутствии средств, делается газета.

Валерий ЗОЛОТАРЕВСКИЙ, газета «КРУГ»

А параллельно на трибуну взбирались самые публичные личности – от руководителей государства до видных деятелей науки, культуры и искусства. Каждый, очевидно, считал своим долгом вставить свои пять копеек, чтобы напомнить о себе, любимом. В программе Конгресса было и моё выступление.

Забавно смотрелись стоящие в очереди к трибуне такие люди, как Сергей Степашин, тогда Председатель Правительства, Александр Волошин, руководитель администрации президента, Юрий Лужков, мэр Москвы, Борис Березовский, серый кремлёвский кардинал, и многие другие. Кстати, к слову, насколько при коротком общении Борис Березовский произвёл на меня неприятное впечатление, настолько при таком же коротком общении Михаил Ходорковский просто меня очаровал.

После трёх «тяжких» трудовых будней всех участников Конгресса усадили в чартерный самолёт и отправили на два

дня в Сочи. Разместили в гостиничном комплексе «Русь», кормили, поили, купали и всячески развлекали. А народ, надо сказать, был к разврату готов («Калина красная»). Всё происходило в устоявшихся традициях советского пышно-празднования. Было много интересных встреч. Я был

представлен генеральному директору ИТАР-ТАСС Виталию Никитичу Игнатенко.

За дни работы Конгресса у меня сложились тёплые отношения с его первым заместителем Михаилом Соломоновичем Гусманом, умным и обаятельным человеком. Спустя два года он мне очень помог, но об этом позже. В

связи с завершением работы Конгресса состоялись замечательный концерт и роскошный торжественный ужин. В один из дней, купаясь в гостиничном бассейне, я познакомился с прелестной 12-летней девочкой, над которой нависала строгим Цербером её симпатичная мама. Вечером в концерте эта девочка потрясающе пела для нас. Это была Пелагея. С тех пор я с неослабевающим вниманием слежу за её блестящими успехами. В ней и по сей день мне нравится всё.

В сборном концерте принимал участие и Константин Райкин. А вернувшись в Кёльн, мы буквально сразу попали на его спектакль «Сатирикон-шоу». Это был искромётный бурлеск с нескрываемой доминантой – К. Райкиным. Я полагаю, что это наследственное. Вновь в Германию приехал Гиора Файдман, и мы, очарованные по прошлому году его игрой, помчались в Бонн на его концерт и снова получили огромное наслаждение. Большое удовольствие нам доставили гастролы Российского национального оркестра под управлением Михаила Плетнёва. Филармония была переполнена, и публика принимала их на ура.

В июле к нам приехала Наталка Черкасская. Наташа – дочка наших киевских друзей Оскара и Зори. Они – люди большой души, нежного сердца и редкой преданности. Дружеские отношения с такими людьми – большая жизненная удача. Нам удалось оформить Наташин приезд через Германский фонд «Помощь семьям Чернобыля». Это, во-первых, упрощало визовое оформление, а во-вторых, оказалось существенно дешевле. Из Кёльна мы заказали ей несколько однодневных поездок по европейским столицам. Нам показалось, что она уезжала от нас вполне довольной.

А в конце августа, после трудного (это и понятно из вышеизложенного) полугодия, мы отправились на две недели на Гранд-Канариен. Наш отель находился в небольшом городке Маспаломас в пятнадцати минутах ходьбы от центрального городского пляжа Плайя-дель-Инглес. Сказочные волны Атлантики, бархатный песок бесконечной пляжной полосы, ласковое солнце и море цветов вокруг. Ну чистый Эдем!

В сентябре я на десять дней съездил в Киев. Ехал автобусом – 42 часа, что на сей раз оказалось довольно тяжким испытанием, но жалко денег. Город тоже огорчил. Это уже не мой Киев. Застроился вроде бы неплохими современными домами, которые, как мне кажется, полностью лишили его такого родного самобытного облика. Да и население города существенно изменилось. Киевская интеллигенция спустилась в переходы, где занимается мелочной торговлей, чтобы выжить. А празднуют бал провинциалы-окупанты. Пыкатые, наглые, с лоснящимися самодовольными физиономиями. Радовали лишь встречи с друзьями, родственниками, сослуживцами и со студентами. Посетил Байковое кладбище, где похоронены мои родители и Ирочка. Могилка ухожена. Но там я всегда испытываю странное чувство. Меня постоянно тянет туда, но, когда я прихожу к ним, не оставляет холодная мысль – там никого нет. Я их, моих дорогих, постоянно ощущаю в себе, поэтому, очевидно, мне легче вспоминать и думать о них за пределами кладбищенской ограды.

Форум Льва Копелева организовал творческий вечер Виктора Пелевина, который на нас произвёл весьма негативное

впечатление. Неприятный осадок оставило его какое-то высокомерное общение с залом. Сначала он тихим тусклым голосом с последующим вялым переводом на немецкий язык читал фрагменты романа «Чапаев и пустота», пользующийся большой популярностью в Германии, а затем, ответив сквозь зубы на два-три вопроса, поднялся и ушёл. Без затей. Как говорится, ни тебе «здасьте», ни мне «до свидания».

А завершался этот год концом второго тысячелетия и, соответственно, ожиданием очередного миллениума. Мы отмечали приход третьего тысячелетия в Париже, куда приехали снова с туристическим бюро «Инзель». Гостиница

находилась поблизости от Эйфелевой башни. Поэтому около 24-00 мы, прихватив шампанское, стояли в ожидании торжественного мгновения на площади перед чудом Эйфеля. Сказать, что башня была сказочно освещена, – это ничего не сказать. Сменяющиеся схемы её иллюминирования и великолепный фейерверк привели ликующую миллионную толпу в состояние крайней эйфории. Незнакомые люди угощали

друг друга шампанским, целовались и поздравляли друг друга. До сих пор не пойму, с чем. Но такое воодушевление было у всех и у нас в том числе. С Новым годом, товарищи!

2000 год

С таким приподнятым настроением мы открывали для себя XXI век. У меня сложилось ощущение, будто я являюсь лично ответственным за благополучный переход прошлого века в век новый. Мне казалось, что именно мы должны сбросить груз своих ошибок прошлого и радостно (помните: «весело взяли брёвнышко!») понести оставшийся позитив в наступившее светлое будущее.

Добавил хорошего настроения и концерт Татьяны и Сергея Никитиных, состоявшийся сразу после Нового года в большом зале еврейской общины. Их выступления всегда отличались особым очарованием, ненавязчивым интеллектом и тонкой гармонией.

Такое начало года подвигло нас на странные действия. Мы решили продолжить борьбу с собственной тупостью и записались на очередные курсы немецкого языка для иностранцев в Народном университете. Для получателей социальной помощи оплата льготная – 57 ДМ за квартал. Забегая вперёд, скажу, что я мужественно продержался на этих курсах, понимая всю бесперспективность этого, почти два года, а Танюша, как более основательный товарищ, занимается до сих пор, руководствуясь известной догмой вождя: «Учиться, учиться и учиться!»

В феврале в городском театре Раттингена игрался антрепризный спектакль Михаила Козакова по мистической комедии Ноэла Кауарда «Невероятный сеанс». По выражению самого Козакова – это пьеса-развлечение, что легко удалось довести до апогея великолепному квартету основных исполнительниц: Татьяне Догилевой, Татьяне Кравченко, Майе Менглет и Марине Голуб. Было забавно но, пожалуй, не более.

Пришёл март, самый тяжёлый для нас месяц после 1980 года. В ночь на 12 марта 1980 года мы потеряли наше солнышко, нашу страдалицу, нашу Ирочку. Тогда ей только исполнилось 16 лет. В три с половиной годика у неё была обнаружена саркома почки (опухоль Вилмса). Первая операция, затем ещё и ещё. Химиотерапия, рентгенотерапия... Как наша девочка могла это выдерживать!?! Как не разорвались наши сердца! Бедная, бедная моя Танюша! Её горе ни

с чем не сравнимо. Сколько слёз было пролито! Где был Бог? В чём смысл всех его замыслов? А может быть, ему не до нас? Тогда зачем он? Или он эту битву проиграл дьяволу... Прошло столько лет, но мы помним всё. И хочется что-то забыть, да не получается. Так и несём этот невыносимый груз, многократно отягощённый множеством сомнений. Спасала, пожалуй, только работа. В этом году Ирочке исполнилось бы 36 лет. Это совершенно невозможно представить! Но вот уже 20 лет мы живём без Ирочки с нашей незаживающей раной, выхолащенные и опустошённые, живём с замороженными сердцами у погасшего костра, но живём и даже пытаемся по возможности радоваться жизни. Стараемся жить с мистической мыслью, что Ирочка оттуда следит за нами, и очень не хотелось, чтобы ей было больно и стыдно за нас. Как всегда, Танюша в этот день сделала поминальный обед, и, как всегда, с нами были Ира и Марат – самые близкие нам люди. Всё. На эту тему больше ни слова. Возвращаюсь к своему повествованию.

Могло сложиться ложное впечатление, будто наша жизнь состояла только из праздных развлечений. Нет, и ещё раз нет! Мы продолжали трудиться на наших общественных прищах и даже позволяли себе немножко подрабатывать. Но вечера по-прежнему были в нашем распоряжении, и желания тогда ещё даже не начинали угасать. Поэтому старались не пропускать ничего, что могло представлять интерес. Так, в зале «Гюрцених» мы побывали на сольном концерте прекрасного романсового исполнителя Александра Малинина. Не пропустили и блестящее выступление в Народном доме «Энгельсхоф» цыганского трио «Лойко» в их тогдашнем составе: Сергей Эрденко, Олег Пономарёв и Вадим Кулицкий. Эти виртуозные музыканты-вокалисты так завели зал, что большую часть концерта счастливые зрители провели стоя. Возвращались домой, переполненные замечательной цыганщиной. А дома нас ожидало печальное известие – после тяжкой болезни умер Боря Вайнгольц – один из создателей наших кёльнских «Юморин». Талантливый и, в хорошем смысле слова, одержимый человек.

Теперь я подбираюсь к главному для меня событию

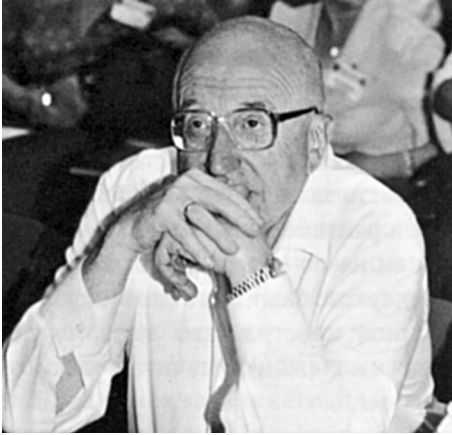
этого года. Речь пойдёт о Втором Всемирном конгрессе русской прессы, который состоялся в конце апреля в США. Снова, как и в прошлом году, ваш покорный слуга представлял на нём газету «Круг». Этот форум мировых СМИ по деловитости, на мой взгляд, существенно и не в лучшую сторону отличался от предыдущего. Важные идеи, озвученные на Первом конгрессе, постепенно теряли свою «важность», а деловитость просто-напросто подменялась неприкрытой развлекаухой. Всё происходило в роскошном нью-йоркском отеле «Шератон». В день прилёта прошли регистрация, размещение и получение организационно-информационных материалов. В пакет полученных бумаг входил иллюстрированный журнал «Эхо планеты», сработанный по материалам московского Конгресса. Мне было очень приятно дважды увидеть свою фамилию под материалами, размещёнными на разных его страницах.

Из Вестника Всемирной Ассоциации Русской Прессы № 1 «Родная Речь», 2000 год.

Между Первым и Вторым конгрессами русскоязычной прессы прошло совсем немного времени. Для нас – редакции ежемесячной русскоязычной газеты в Германии «Круг» – эти девять месяцев пролетели как одно мгновение. Только сейчас, в преддверии второго, теперь уже нью-йоркского форума, когда волей-неволей приходится подводить итоги, становится очевидным, что, несмотря на малость срока, газета все же серьезно изменилась. Нам в редакционной суете это почти незаметно, но, как говорят многие наши читатели, каждый следующий номер лучше предыдущего.

Что же изменилось... Наверное – возраст газеты. «Круг» отметил свой трехлетний юбилей и, не снижая интеллектуальной планки, пошел на четвертый круг. Судя по поздравлениям, которые пришли в редакцию от ИТАР-ТАСС, русской редакции «Немецкой волны», редакции журнала «Эхо планеты», Института изучения иудаизма (Израиль), многих зарубежных газет, крупных еврейских общин Германии и т. п. эти три года прошли успешно. У газеты появился новый имидж, она понемногу приобретает международную

известность. Сегодня ее читают не только более чем в 110 городах Германии, но и в России, Украине, Франции, США, Канаде, Израиле. Появился даже подписчик в далекой Австралии. А за период между Первым и Вторым конгрессами число подписчиков газеты увеличилось более чем в два раза. Значительно расширился круг авторов: с газетой сотрудничают журналисты США, Франции, Израиля, России (Москва, С.-Петербург),

материалы «Круга» перепечатывают газеты Канады, Израиля, Украины, Венгрии.

Проходит время, меняется газета. Сегодня в ней появились новые рубрики: «Иудаизм для интеллигентных скептиков», «На перекрестках мнений», «Европа и европейцы», «Израильская мозаика», «Интеграция», «Творчество» и др. Изменения, постоянно происходящие на нашей бывшей Родине, заставили увеличить число публикаций, посвященных России и другим республикам СНГ. Новые негативные социально-политические процессы, происходящие в Германии, особенно рост неонацизма, антисемитизма и ксенофобии, требуют к себе более пристального журналистского внимания.

Одна из новых тем газеты – тема интеграции еврейских эмигрантов из бывшего СССР в немецкое общество. По новому закону о правах иностранцев в Германии, значительная часть еврейских эмигрантов, живущих в Германии более 6 лет, имеет право на получение немецкого гражданства. Понятно, какие при этом возникают непростые проблемы, в том числе и морально-этические. Но наиболее острой является тема интеграции евреев из бывшего СССР, насильственно оторванных в своей прошлой жизни от традиций, культуры, истории и духовных корней своего народа, воспитанных с младых ногтей в духе атеизма,

в существующие культовые еврейские общины Германии.

В пестром kaleйдоскопе последних страниц газеты читатель имеет возможность познакомиться с важнейшими спортивными событиями, наиболее интересными новостями культуры, науки и техники, может соприкоснуться с живительным поэтическим родником, улыбнуться шуткам наших неунывающих авторов.

Мажорным аккордом и закончу:

*Уже теперь Второй Конгресс
Всемирный вызвал интерес!
Что ж, ради нашей русской прессы
Нью-Йорк, конечно, стоит мессы!*

Валерий Золотаревский, «Круг», Германия

Первый рабочий день начался с пленарного заседания, а закончился приёмом от имени ИТАР-ТАСС в ресторане «Приморский». Пленарное же заседание запомнилось лишь наскоком М. С. Горбачёва. Во время выступления Эдуарда Сагалаева в зал ворвался Горбачёв и буквально стащил с трибуны опешившего Сагалаева. Первый и последний Президент СССР говорил на протяжении 40 минут, говорил гладко, пышно, как всегда витиевато, но что в результате он хотел сказать, по-моему, так никто и не понял. На следующий день нас повезли на экскурсию в Вашингтон с посещением Белого дома и Арлингтонского кладбища. Это было очень интересно. В городе поразило преобладание афроамериканцев.

Третий день Конгресса прошёл под знаком 90-летия нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Только тогда стало понятно, что Конгресс был по сути приурочен к этой дате. Целый день главный редактор газеты Валерий Вайнберг принимал звучащие с трибуны здравицы и порой весьма экстравагантные подарки. Так, представители СМИ Казахстана подарили небольшого живого верблюда, а кто-то из кавказских медиамагнатов преподнёс ошарашенному юбиляру полный джентльменский набор джигита с вороным конём в придачу. После представления коня с трудом увели со сцены. Вечером состоялись концерт и пышный приём

в ресторане отеля «Шератон», где судьба подарила мне мимолётное знакомство с очаровательной женщиной, автором популярнейшего романа «Вверх по лестнице, идущей вниз», внучкой великого еврейского писателя Шолом-Алейхема – Бел Кауфман.

С Бел Кауфман

Так сложилась ситуация, что мы имели возможность во время торжественного ужина довольно долго общаться друг с другом. Прошло много лет, но я до сих пор не могу забыть тот щедрый свет, который излучала эта маленькая прелестная 90-летняя женщина.

Там же произошёл забавный эпизод, о котором хотелось бы рассказать. Мы стояли посреди зала с Михаилом Гусманом и о чём-то беседовали. Вдруг перед нами выросли двое молодых людей, один с профессиональной фотокамерой, а второй – с блокнотом и ручкой. Они извинились, что прервали нашу беседу, и представились. Это были главный редактор и фотокорреспондент газеты «Воронежские вести». Пока фотокор щёлкал затвором камеры и блицевал, редактор заинтересовался у меня, буду ли я принимать участие в сборном концерте и что я собираюсь исполнять. Я с недоумением посмотрел на Гусмана, который уже с трудом сдерживался от давящего его смеха. Он знал программу концерта, а потому догадался, что произошло. Я же разобрался в ситуации лишь после того, как меня воронежец назвал Мстиславом Леопольдовичем. Оказалось, Ростропович действительно должен принимать участие в этом юбилейном концерте. Наше внешнее сходство им показалось бесспорным. Я же подумал, что чем старше люди становятся, тем больше они теряют свою индивидуальность. Разобравшись в путанице, уже смеялись все четверо.

Последний из запланированных на Конгрессе дней прошёл как-то натужно в ожидании заключительного ужина-приёма в ресторане «Тройка» от имени оргкомитета с

Третьего Всемирного конгресса русской прессы, который должен состояться в Киеве в 2001 году. Утром следующего дня я вылетел домой в Кёльн.

В Германию на гастроли вновь приехала Русская антреприза Михаила Козакова. На сей раз они привезли спектакль по пьесе всё того же английского драматурга Ноэла Кауарда «Лунный свет, медовый месяц». Это была неприятная легкая комедия с великолепными актерами: Татьяной Догилевой, Сергеем Маковецким и Сергеем Гармашом. И всё же, несмотря на такой актёрский ансамбль, от этих антреприз оставался неприятный осадок. Актёры вроде бы исполняли перед нами повинность, ничуть при этом душевно не затрачиваясь. И появлялось ощущение, что тебе за немалые деньги втюхивают халтуру. Но, как говорится, и на безрыбье...

В июне мы делали гигиенический ремонт квартиры. По немецким правилам квартиросъёмщик обязан делать ремонт каждые семь лет. Нам посоветовали обратиться за помощью в социальное ведомство. После не слишком сложных расчётов нам выдали около 500DM на материалы и благодарили на ратные подвиги. Но ратные подвиги я переложил на плечи моего приятеля Бори, который сделал ремонт всей квартиры «без шороха и пыли». Так что к приезду Аркадия и Ларисы у нас квартира сияла, как пасхальное яйцо. Оформили мы их приезд снова через фонд «Помощь семьям Чернобыля», куда внесли в виде спонсорской помощи (шпенды) 750DM. Во главе этого фонда стояла фрау Рената Асмут, которая несколько лет назад ушла из жизни. Это была очень доброжелательная и достойная женщина.

Аркадий и Лариса с удовольствием познакомились с Кёльном и ездили в однодневные экскурсионные поездки. А тихие домашние вечерние посиделки завершали их трудовые туристические будни. В результате все были довольны.

В июле в Кёльне на Сенной площади (Хоймаркт) была развёрнута передвижная выставка «Мир тела». На всеобщее обозрение устроители экспозиции выставили человеческие трупы целиком и отдельные их части, прошедшие особую обработку – пластинацию, обеспечивающую длительную

сохранность. Создателем этой выставки и разработчиком процесса пластинации является немецкий анатом Гюнтер фон Хагенс. На мой взгляд, это было сущее глумление над самым совершенным, что создал Всевышний. Но, чтобы попасть на выставку, люди выстаивали огромные очереди. И даже время работы выставки было пролонгировано на целый месяц. Мне кажется, такое могло произойти только в Германии.

В этом году Танюше неотвратно исполнялось 60 лет. В связи с этим мы получили приглашение от Ларисы, чтобы отпраздновать Танин юбилей в Америке. Она подготовила насыщенную и интересную программу, взяв при этом все расходы на себя. Но совершенно неожиданно без объяснения причины американское посольство нам отказало во въездной визе. Это был тяжёлый удар. А главное – необъяснимый. Ведь мы уже там побывали и вместе, и порознь. Но чем-то мы им на сей раз не пришлись. Кроме того, жалко было 200ДМ, уплаченных за оформление визовых документов, которые по их правилам не подлежали возврату. Затаив против обидчиков некоторое хамство, мы переступили через эту оплеуху и покатали в дальнейшую жизнь.

Первое, что нам попало на пути, был вновь городской театр Раттингена, где мы посмотрели спектакль по пьесе Нила Саймона «Калифорнийская сюита». Всего два действующих лица, но каких! Бывших супругов Уорренов играли Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили! Эти выдающиеся актёры не позволили себе опуститься до рядовой халтуры и проживали свои роли с полной самоотдачей. Это был блеск! Зал отблагодарил 15-минутной овацией.

Были и два малоприятных события, которые добавили чёрной краски в пёструю палитру этого года. Первое было связано с медициной. У меня неожиданно стала плохо работать в плечевом суставе правая рука и даже как-то потихоньку усыхать. Ортопед отправил меня на рентген, который показал, что в суставе истёрлась хрящевая прокладка. Он показал это мне на снимке и объяснил, что я ощущаю острую боль из-за сухого трения кости об кость, и тут же жизнерадостно предложил обрезать миллиметров 15

провинившейся кости. Почему-то этот кусочек косточки оказался очень дорог Танюше, которая категорически воспротивилась операции и заставила меня вернуться к доктору, чтобы попроситься на какое-нибудь альтернативное лечение. С большой неохотой он назначил мне серию уколов в сустав и мануальную физиотерапию. Через два месяца после завершения этого курса я уже мог бы работать постовым регулировщиком на оживлённом перекрёстке. Повторный рентген показал чудесную регенерацию хрящевой ткани плечевого сустава.

Второе событие, о котором я собираюсь поведать, закончилось не столь благополучно. Однажды около семи вечера мы с Танюхой возвращались домой. Подойдя к дому, мы с удивлением увидели приоткрытую дверь нашего балкона. Почуввав неладное, бросились в дом. Когда мы открыли дверь квартиры, то увидели, как кто-то выскочил через окно спальни. Я бросился в спальню, но воров и след простыл. На кровати лежали наши паспорта, которые они впопыхах бросили, а из прикроватных тумбочек беспомощно торчали перерытые ящички, в одном из которых лежали подготовленные на отпуск деньги. Кроме того, эти твари унесли все Танины драгоценности. Несмотря на существенность наших материальных потерь, больше ранило сознание, что так безнаказанно, а вскоре это подтвердилось, кто-то рылся своими грязными руками в нашей квартире. Этот осадок растворился лишь много лет спустя. Но и по сей день, подходя к дому, я с некоторой тревогой поглядываю на балконную дверь. Раздражало и то, что произошло это среди бела дня, но никто из соседей ничего не видел. Хотя во всём остальном мы постоянно себя ощущаем, в полном смысле слова, под колпаком у Мюллера, поскольку нашим соседом является капитан полиции господин Мюллер.

Несколько подсластила пилюлю череда концертов, на которых под конец года нам удалось побывать. Сначала это был в зале «Гюрцених» сольный концерт «Виртуозов Москвы» под управлением Владимира Спивакова, воспоминание о котором сохранилось просто как череда восклицательных знаков. А месяц спустя в том же зале мы смотрели и

слушали отрывки из лучших мюзиклов Ллойда Уэббера в исполнении артистов из театров Бродвея. Это было восхитительно, мило и весело! Перед самым Новым годом в зале английского консульства выступил загадочный и завораживающий Борис Гребенщиков. Тут, как говорится, ни добавить и ни убавить.

Неожиданно мы получили от Смирновых старших и младших предложение встретить совместно Новый год в Вене. Инициаторами были Ольга Смирнова и её муж Миша Пеклин, которые не только генерировали идею, но и заказали всем места в отеле в центре города. Олечку, дочку Володи и Светы, мы знали буквально с пелёнок, а с Мишей познакомились в Вене. Это чудесные ребята, дружба с которыми, честно говоря, даже наполняет меня чувством гордости. Приятно сознавать, что мы ещё можем соответствовать современным интеллектуально продвинутым молодым людям. А о наших отношениях со Светой и Володей красноречиво может сказать цифра 51. Столько лет нашей настоящей дружбе, которая испытала, как бывает в жизни, и тихие периоды, и радостные события, и горькие дни. И во всех ситуациях их отношение к нам было безупречным. «И надеюсь, что это взаимно». Но вернёмся в Вену. Этот и без того один из самых красивых городов Европы в новогодние дни был особенно хорош. Добавляла прелести и приятная зимняя погода. Мы гуляли по городу, наслаждаясь его достопримечательностями и радостью общения. А условный бой курантов встретили на центральной площади, и, надо сказать, «у нас с собой было».

Мы пили холодное сухое шампанское и, pardon, закусывали красной икрой, макая в банку отломленные кусочки свежего французского багета. Настроение было не просто праздничным, но очень праздничным! С Новым годом, товарищи!

2001 год

Этот год был насыщен, к сожалению, малоприятными событиями. Началось с того, что нашу газету приобрели два, мягко говоря, наглых и самодовольных молодых человека. Но об этом я уже рассказывал. Лишь добавлю с горечью, что мы, два опытных старых дурака, во многом этому поспособствовали. Очень быстро стало понятно, что новые владельцы газеты просто погубят. После шести месяцев попыток, как любят сейчас говорить, найти консенсус мы вынуждены были им сказать в ультимативной форме, что подготовим к печати ещё один номер, а за это время они должны навести порядок в своих мозгах и умерить свои приватные аппетиты по отношению к газетным деньгам. Уже через несколько месяцев газетный бюджет получил изрядные пробоины. Но наши усилия оказались тщетны. 1 августа без предупреждения эти «милые» ребята заменили в редакции замки. Таков оказался их ответ. Но в этом помещении, кроме редакции, находилась и наша библиотека, фонд которой к тому времени насчитывал около 4000 томов. Нам дали три дня на то, чтобы освободить помещение редакции от книг. Эти два молодчика рассчитывали, что мы не справимся с проблемой, и они станут ещё и владельцами библиотеки, о чём не постеснялись нам сказать. Конечно, это был удар ниже пояса. Во-первых, нужно было найти место для хотя бы временного размещения книг, книжных шкафов и полок, во-вторых, приобрести картонные коробки для упаковки книг и, наконец, организовать людей и транспорт для упаковки книг и перевозки на новое место. Главной проблемой, разумеется, было – место. Но мир не без добрых людей. Нас приютил на своём складе С. Эпштейн – владелец магазина автозапчастей в пригороде Кёльна – Хюрте.

Спустя два месяца удалось договориться, и нас пустили с небольшой порцией книг в комнату детского клуба, расположенного в интернациональном районе Кёльна –Хорвайлере. Нам выделили время – раз в неделю на 3 часа. В этой комнате (16 м²) стояло несколько столов и пустой шкаф, куда удалось впихнуть в два ряда около 600 книг. Дальше всё происходило так. Мы с Танюхой приезжали за полчаса до открытия библиотеки, вынимали все книги из шкафа и

раскладывали их на столах. Приходили читатели, ныряли в разложенное изобилие и отбирали себе, что удавалось. После ухода последнего читателя мы вновь нафаршировывали подозрительно поскрипывающий шкаф его просветительским содержимым. Но наступил момент, когда ему это насилие надоело, и он развалился. Моя словесная реакция превзошла в тот момент даже богатые возможности русского языка. Через семь гробов в мутные глаза мертвеца, мать! Ни одного матерного слова, а – внушает! Всё-таки библиотекарь. На следующий день я приехал с набором необходимых инструментов и успешно провёл реанимацию охлявшего шкафа. А жизнь продолжалась.

В январе мы не без приятности посмотрели концертные танцевальные номера в исполнении солистов Русского государственного классического балета под управлением Константина Иванова. А две недели спустя побывали на антрепризном спектакле по пьесе итальянского драматурга Альдо Николаи «Железный класс», поставленном Николаем Чиндьяйкиным в замечательном исполнении яркого актёрского трио: Ольги Волковой, Сергея Юрского и Николая Волкова. Типичная трагикомедия – сентиментальный гимн старости, с которой персонажам совершенно не хочется ни считаться, ни, тем более, мириться.

В конце апреля в Дрездене был объявлен командный чемпионат Европы по шахматам среди сеньоров. Заявки принимались без ограничений. Мне пришла идея создать из кёльнских шахматистов, с некоторыми из которых я был лично знаком, команду от газеты «Круг». Заявку приняли легко, и мы не без душевного трепета увидели, насколько силён состав участников. Всего прошли регистрацию 16 команд из 11 европейских стран. Например, за Первую команду Москвы выступали такие известные гроссмейстеры, как Евгений Васюков и Ратмир Холмов. И тем не менее наша команда, состоящая из непрофессиональных шахматистов – Александра Любошица, Евгения Ротштейна, Эдуарда Бахматова и Бориса Ханукова, заняла почётное четвёртое место. Восстановленный Дрезден произвёл на меня очень сильное впечатление. Город, изящно рассечённый голубой

лентой Эльбы, поражает своими выдающимися достопримечательностями, несмотря на то, что в 1945 году Дрезден был практически стёрт с лица Земли. Это и Цвингер со всемирно известной художественной галереей, и 100-метровая церковь Фрауэнкирхе, и великолепный оперный театр – Опера Земпера.

Но больше всего меня поразила ювелирная экспозиция музея Зелёные Своды (Грюнес Гевёльбе) и её главный экспонат «Двор великого Магола в Дели».

Ничего подобного ни до, ни после мы не видели ни в одной сокровищнице мира.

Вернувшись домой, мы застали письмо из социаламта, в котором от нас затребовали копии банковских выписок за прошлый год и первый квартал этого года. Так началась атака на нас нового социального чиновника. Когда я принёс ему требуемые бумаги, я был, мягко выражаясь, поражён его внешним видом. Бритый молодой человек, весь в чёрном, с выстриженной эсесовской молнией на затылке и в высоких чёрных тяжёлых ботинках со шнуровкой. Так в Германии выглядят поднимающие головы неонацисты. Для нас начался пресинг по всему полю. Проанализировав наши банковские выписки, он предъявил абсолютно абсурдные претензии на сумму 3500 ДМ. Сюда вошли деньги, полученные в виде компенсации после ДТП, деньги, присланные Ларисой по случаю Танюшиного юбилея, и другие. Он потребовал объяснений, на какие деньги я ездил на конгрессы, что за деньги проходят по выпискам, которыми мы расплачивались при покупке книг для библиотеки. Считая, что не делаем ничего противозаконного, мы всё это беспечно проводили через свой банковский счёт. Наступил просто ужасный период в нашей жизни. Нервотрёпка и унижения. Первое, с чего начал наш чиновник, – предложил в недельный срок продать машину, несмотря на то, что у меня было на неё

разрешение от его коллеги – предыдущей нашей социальной служащей. На это он сказал, что её разрешение теперь ничего не значит. К сожалению, система социальной помощи во многом дана на откуп чиновнику. Дальше он вообще прекратил выплату нам социальной помощи до возмещения нами вышеназванной суммы. Но пока мы готовили все объяснения: от адвоката по поводу денег за ДТП, от ИТАР-ТАСС, спасибо М. Гусману, справку о том, что делегаты конгрессов финансировались оргкомитетом, и прочие отписки. Наша квартирная хозяйка, не получив своевременно квартплату, направила письмо с требованием об освобождении квартиры в двухнедельный срок и угрозой при невыполнении этого требования выставить нас на улицу с помощью полиции. Правда, она вскоре пришла к нам и, рыдая у меня на плече, говорила, как она нас любит, но немецкие законы, к сожалению, позволяют квартирному съёмщику, если владелец квартиры в подобной ситуации не реагирует на столь грозное письмо, спокойно продолжать жить, по-прежнему не платя за квартиру. Я пытался добиться справедливости в городском социальном ведомстве, но, дойдя до самой высшей начальницы, был остановлен вполне убедительным доводом. Она сказала: «Вам придётся в рассрочку выплатить предъявленные господином Хелем штрафные санкции. И учтите, что социальная помощь даётся не для того, чтобы жить, а, чтобы не умереть». Как говорится, комментарии излишни. Вся эта эпопея длилась почти пять месяцев. После её завершения с нашего месячного пособия в течение трёх лет снимали по 100 ДМ. Но стойкости и оптимизма они нас лишить не смогли.

Ко всем бедам этого года добавилась необходимость в замене Ире одного из вышедших из строя коленных суставов на титановый протез. К этому времени из-за сильных болей в колене Ира практически совсем потеряла мобильность. В апреле в клинике Св. Франциска ей была успешно сделана операция. Но самое тяжёлое было впереди. Почти на протяжении года бедняга, преодолевая боль, страх перед ней и собственную лень, Ира заново училась ходить. К нашей общей радости она всё же справилась с этой нелёгкой

задачей. Не стану утверждать, что после этого она смогла принимать участие в забегах даже на короткие дистанции, но её подвижность настолько увеличилась, что, несмотря на все трудности послеоперационного периода, Ира в 2010 году решилась на такую же операцию на втором колене. Теперь, хоть гопак танцуй! Так достижения современной медицины искореняют мелкие недоработки Всевышнего.

В мае месяце я улетел в Киев для участия в Третьем Всемирном конгрессе русской прессы. Предварительно с новыми владельцами нашей газеты, когда уже стало ясно, что они не тянут, мы обсудили возможность продать её какому-нибудь достойному медиахолдингу, и в частности речь шла об украинском медиамагнате Вадиме Зиновьевиче Рабиновиче, с которым у меня ещё с Нью-Йорка сложились вполне доверительные отношения. С ними была оговорена и сумма, за которую они рады были бы отдать газету. Конгресс, как водится, состоял из двух неравных частей. Первая – официальная – была втиснута чуть ли не в один день, а вторая – разгуляй с двухдневной паровой прогулкой в Канев, концертной программой и непрерывными застольями. Организаторы ко второй части Конгресса выпустили шуточную газету «Ноев ковчег», где то ли в чистых, то ли среди нечистых фигурировал и я.

Из специального выпуска к Третьему Всемирному Конгрессу Русской Прессы в Киеве, 2001 год.

Журналисты шутят:

Подходит к Золотаревскому Игнатенко:

*-Валерий Исаакович,
Вы еврей!*

-А с чего Вы это взяли?

*-Ну..., ведь Исаак
еврейское имя!?*

*-Вы что, хотите сказать,
что Исаакиевский собор –
синагога?*

В этой-то приятной обстановке я и встретился с господином Рабиновичем. Разговор прошёл достаточно непринуждённо, и он легко принял моё предложение. Он сказал, что пошлёт со мной в Кёльн главного редактора его газеты «Столичные новости» и своего финансиста, чтобы они лично убедились в том, что всё, рассказанное мною, соответствует действительности. Единственное, чего он не мог понять, сказав, что это не нормально, — почему с ним не пытался поговорить кто-нибудь из владельцев газеты. Я постарался объяснить это их молодостью и отсутствием опыта и пообещал, что сразу по приезде свяжу их между собой. На следующий день вечером мы прямо из аэропорта приехали в редакцию, где нас ждали Алик Бронфман и Виктор Островский. Киевляне внимательно ознакомились с состоянием газетных дел, проверили бухгалтерские документы и убедились в наполненности нашего редакционного портфеля. После чего позвонили Вадиму Зиновьевичу и подтвердили ему полное соответствие моим словам, добавив, что газета, на их взгляд, является живым и перспективным организмом. Он поздравил всех нас с удачно завершившейся сделкой и попросил передать трубку Островскому. Бледный, как стена

(причина выяснилась вскоре), он подошёл к телефону, и уже через две-три минуты я почувствовал что-то неладное. Короче говоря, Островский совершенно неожиданно назвал сумму сделки, в десять раз превосходящую предварительно оговоренную. Молодому аферисту показалось, очевидно, что он на восточном базаре, но его партнёр, быстро попрощавшись, попросил меня к телефону и сказал, что он оказался прав, предположив в Островском некую ненормальность, что мне, солидному человеку, должно быть стыдно, и так далее и тому подобное. Я готов был провалиться сквозь землю, но единственное, что я смог, – это от всей моей израненной этой ситуацией души выmaterить зарвавшегося юнца. Правда, облегчения это не дало.

Спустя несколько дней я набрался смелости и позвонил с извинениями Рабиновичу, который, спасибо ему, не только не бросил трубку, но даже, как мне показалось, проявил понимание ситуации. Киевляне тогда улетели домой не солоно хлебавши. А мы остались у разбитого корыта, что выяснилось очень скоро.

Но жизнь часто напоминает синусоиду или зебру. За спадами обязательно наступают взлёты, а за чёрными полосами – белые. Вот и мы, чтобы смыть с себя хотя бы часть впитавшейся в нашу плоть скверны, отправились на две недели в Турецкую Ривьеру.

Удобно расположенный отель, полупансион, великолепная кухня, изобилующая свежими овощами и фруктами, безоблачное небо и тёплое нефритовое море. Это оказалось достаточным для профилактического ремонта души.

Были в этом году, разумеется, и концертно-театральные впечатления. Мы вновь с наслаждением слушали великого музыканта Гиору Файдмана, но с грустью почувствовали в его игре слабеющие жизненные силы, что, впрочем, можно было

ожидать. Годы никому сил не добавляют. Вскоре мы приняли участие в открытии фортепьянной академии Исаака Зетеля в шикарном районе Бонна – Попельсдорфе. Они организовали день открытых дверей. Все четверо по очереди садились за рояль и играли целый день почти без пауз в этом непрерывном импровизированном концерте. Я по этому случаю написал экспромт:

Долой проблемы те ли, эти ли!
А конкуренты – сущий вздор всё!
Храм музыки открыли Зетели
В роскошном Попельсдорфе.

А ещё был ежегодный отчётный концерт скрипичного класса профессора Захара Брона. Как великолепно звучат скрипки в руках его учеников! Это всегда вызывает восторг зрителей. Во время таких концертов маэстро обычно сидит в каком-нибудь незаметном месте зала и очень неохотно подымается на сцену под восхищённые овации слушателей.

Как гром среди ясного неба разразились события 11 сентября. Мы сидели за столом у Берковских и трепались под меняющуюся фоновую картинку телеэкрана. И вдруг наше внимание привлекли страшные кадры. На наших глазах в одно из зданий нью-йоркских близнецов (Всемирный торговый центр) врезался огромный самолёт, срезав по сути верхнюю часть здания. Мы решили, что показывают кадры из очередных американских боевиков. Но взволнованный голос диктора сообщил, что совершён террористический акт. Террорист, захвативший боинг компании American Airlines, направил самолёт в одну из башен близнецов. Не успел диктор договорить, как на экране мы своими глазами увидели, что ещё один самолёт врезался во второе здание Торгового центра. В этот день в Соединённых Штатах Америки был совершен самый чудовищный в истории человечества теракт. Террористы (16 человек) на захваченных авиалайнерах (4 самолета) атаковали башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Эта акция была задумана и осуществлена боевиками Аль-Каиды.

Терроризм в XXI веке стал неоспоримым доказательством благих намерений ислама – самой мирной мировой

религии. В результате этого зловещего преступления погибли около трёх тысяч жителей Нью-Йорка и были разрушены два великолепных небоскрёба, давно ставших визитной карточкой города. Весь мир был потрясён ужасающей картиной разрушенного и сожжённого центра Манхэттена. Теперь мировая история, на мой взгляд, вступила в новый исторический период – период постепенного завоевания мусульманами всего остального мира. Но жизнь, несмотря ни на что, продолжалась. Продолжалась она и у нас.

Декабрьская программа филармонии окрасилась ярким выступлением хора Московской патриархии под управлением Анатолия Гринденко. Редкая гармония во всём! Их многоголосие звучало как аккорд, взятый одной уверенной рукой.

Новый 2002 год мы отмечали вместе с Берковскими у них дома. Как всегда, сначала вместе с Украиной, затем с Россией и, наконец, с Германией и всей Европой. Всё было очень мило и приятно, но существенно портила праздничное настроение мысль о том, что нужно из тёплой квартиры выползть в холод январской ночи, чтобы полтора часа с пересадками добираться до своей кровати. С Новым годом, товарищи!

2002 год

Наступил 2002 год, который нанёс нам, получателям социальной помощи, мощный финансовый удар. С 1 января в Германии вместо старой доброй немецкой марки была введена единая европейская валюта – евро. Масштаб замены был определён, если говорить грубо, соотношением 2 : 1, то есть две марки обменивались на один евро. Теоретически в такой пропорции должно было измениться всё пространство денежного обращения. Но на деле это оказалось совершенно не так. Владельцы магазинов очень быстро сориентировались в сложившейся обстановке и стали ненавязчиво округлять цены в большую сторону, а затем обнаглели настолько, что на товарном ярлыке, не изменяя цифры, просто ставили наименование новой денежной единицы. Таким образом, для нас, получателей и без того не слишком большого социального пособия, жизнь подорожала если не в два, то, по крайней мере, в полтора раза. Надо сказать, что эта реформа совпала ещё и с почти полной потерей моих подработок. Осталась лишь крайне редкая экскурсоводческая деятельность.

Разумеется, это не означало, что мы стали голодать, но нам пришлось несколько изменить едовую палитру, всё чаще обращаясь к эмигрантской птице – курице. Кроме того, теперь почти ничего не удавалось отложить на летние поездки к морю, которые очень были важны для Тани. Пришлось приспособливаться, и, как будет видно из дальнейшего, нам это удалось.

В марте московский театр «Ленком» привёз спектакль по пьесе Александра Галина «...Sorry!». В постановке Глеба Панфилова блестяще выступил актёрский дуэт Инны Чуриковой и Николая Караченцова. Текст пьесы дал отличный интонационный простор этим большим мастерам. Впечатление обострялось ещё и тем, что действие происходило в очень необычном месте – морге. Очередной раз поразила феноменальная энергетика Караченцова, а до трагического ДТП оставалось ровно три года.

Апрель и май потратил на бессмысленное оформление моей, как в итоге оказалось, ничтожной пенсии. Пенсионное ведомство для расчёта пенсии вменило мне деньги, которые

за нас платил социаламт во время учёбы на языковых курсах, и деньги, заработанные мною на «Немецкой волне». В итоге, как я уже писал, мне была насчитана пенсия в размере 18 евро и 23 центов. Стоило ли огород городить? Зато все при деле. Я вернулся к этой теме лишь для того, чтобы поразмышлять о засилии здесь чиновничества.

Вообще, бюрократическая машина в Германии, на мой взгляд, не имеет себе равных. Пресловутый немецкий порядок (орднунг) породил чудовищный чиновничий аппарат, который, в свою очередь, обложил их незамысловатую деятельность уймой чаще всего абсолютно формальных инструкций, заставляющих людей заполнять бесчисленное множество формуляров на радость целлюлозно-бумажной промышленности. С одной стороны, они тем самым ограждают себя от возможных жалоб, а с другой – демонстрируют всему миру, что без них никак не обойтись. В связи с этим припомнился кинофильм Э. Рязанова «Забытая мелодия для флейты», где звучат замечательные слова в песне бюрократов, правда, советских, но бюрократ и в Африке бюрократ:

Мы бумажные, важные люди,
Мы и были , и есть мы, и будем,
Мы не пашем, не сеем, не строим,
Мы гордимся общественным строем.

1 мая мы провели в голландском тюльпанном царстве – Койкенхофе. Весной это, пожалуй, самый красивый парк в Европе. На тридцати двух гектарах изрезанного тенистыми аллеями и лабиринтами старинного парка растут цветы, как поётся у Высоцкого, «необычайной красотью». Кроме тюльпанов, привлекают своим дурманящим ароматом скромные свечи гиацинтов, и распахивают двери павильоны со сказочно-холодными орхидеями. Глаза разбегаются от фантастического разнообразия сортов тюльпанов. Причудливые формы и поражающая воображение цветовая палитра. И всё же наибольшее впечатление произвёл чёрный тюльпан, о котором писал ещё Дюма. Но настоящий абсолютно чёрный тюльпан, напоминающий по цветовой глубине «Чёрный квадрат» Малевича, был выращен лишь в 1980

году. Хочу завершить двумя историческими справками. Тюльпаны в Европу были завезены из Турции. Слово тюльпан произошло от турецкого слова «тулипам», что означает тюрбан – головной убор, действительно напоминающий головку цветка. И последнее. В середине XVII века тюльпанный ажиотаж дошёл до того, что одна луковица уходила за 4000 гульденов, в то время как дом в Амстердаме стоил максимум 1000 гульденов.

Снова нас порадовал своими гастролями театр Романа Виктюка. Они давали в городском театре Раттингена, пожалуй, один из своих самых знаменитых спектаклей – «Путань», по пьесе Нино Манфреди. Это был яркий костюмированный бурлеск с прекрасным подбором музыки и удивительной актёрской пластикой. Очень хорош был Ефим Шифрин и, как всегда, неподражаем Дмитрий Бозин!

В Эссене на сцене оперного театра мы с большим интересом посмотрели балет Бориса Эйхмана «Братья Карамазовы». Поистине находки большого художника неисчерпаемы! В Кельнской филармонии вновь состоялся концерт Гиоры Файдмана с Мюнхенским филармоническим оркестром. Снова восторг, несколько омрачённый вполне понятными предчувствиями. В июне нас порадовали своим визитом Люда и Пузя.

Какое счастье, что есть такие люди, с которыми при любых обстоятельствах есть полное взаимопонимание, которые настроены абсолютно на твоей волне, от которых не ждёшь иных сюрпризов, кро-

ме приятных. И хотя мы уже 20 лет живём далеко друг от друга, в разных странах, это никак не отразилось на наших отношениях. С Пузей нас объединяет ничем не омрачённая дружба с 1-го класса (1946 год).

А с Людой мы учились вместе уже в старших классах. Я их познакомил, и теперь с чувством глубокого удовлетворения могу сказать, что их совместная 50-летняя жизнь – это моя работа.

В июле состоялась наша долгожданная поездка в Швейцарию. Мы побывали в прелестных бальнеологических городах-курортах Лугано и Локарно, любовались красотами самого большого в Европе Рейнского водопада и соединяющего Германию, Швейцарию и Австрию Боденского озера, наслаждались снежными вершинами Давоса – одного из лучших высокогорных курортов мира. Но самое грандиозное впечатление на нас произвели Альпы, извивающиеся как убелённый снежными шапками хребет динозавра, знаменитый Сен-Готардский перевал с Чёртовым мостом, который со своей армией героически одолел великий Суворов. Там в 1999 году по случаю 200-летия Швейцарского похода был установлен памятник Александру Суворову и его проводнику Антонио Гамме.

Наш переход через Альпы

По дороге в Швейцарию мы заехали в крохотное европейское государство – княжество Лихтенштейн. В его столице

Вадуце нас по предварительной договорённости встречал удивительный человек – барон Эдуард Фальц-Фейн, выдающийся общественный деятель и меценат, которому в сентябре 2012 года исполнится 100 лет. Наш автобус остановился в центре Вадуца у большого, несоразмерного с размерами города, сувенирного магазина, владельцем которого и был барон. К магазину подъехал красный «мерседес-кабриолет», из него просто выпорхнул (тогда ему было 85 лет) высокого роста, статный, спортивного телосложения человек с хорошо сохранившейся волной светло-каштановых волос, в небрежно сидящем на нём светло-сером костюме и штиблетах на босу ногу. Это и был барон Фальц-Фейн, потомок старинных русских фамилий Набоковых, Епанчиных и племянник основателя заповедника Аскания-Нова.

Всю свою жизнь барон, оставаясь истинным патриотом России, как мог помогал своей родине. Курировал Суворовское училище в Петербурге (бывший Пажеский корпус), помогал Аскании-Нова, возвращал на родину, казалось безвозвратно утерянные, богатства. Первым крупным даром барона своей родине была часть библиотеки Дягилева-Лифаря, состоящей из сотни ценнейших книг. Барон принял непосредственное участие в возвращении праха Шаляпина в Россию, убедив в необходимости этого Фёдора Фёдоровича Шаляпина – сына великого певца. После его смерти барон Фальц-Фейн выкупил семейные реликвии Шаляпиных и подарил их Музею Шаляпина в Петербурге. Много сил и средств потратил барон на поиски и восстановление Янтарной комнаты Екатерининского дворца. И вот этот человек встретил самую обычную группу туристов из Кёльна, провёл небольшую экскурсию по центру Вадуца, легко и непринуждённо общался с нами, отвечая порой на не слишком умные вопросы. С тех пор я уже много лет слежу за его бурной общественной

деятельностью на пользу России. Признаться, я не знаю другого подобного этому примера патриотизма иностранца.

В августе в Бонне мы были на сольном концерте Монсерат Кабалье. Несмотря на возраст (69) и неумолимо возрастающую тучность, её голос по-прежнему звучал свежо, а исполнительское мастерство оставалось таким же виртуозным. Мне кажется, что её пианиссимо не имеет себе равных.

Для контраста (такие мы многогранные...) спустя неделю мы побывали на концерте Андрея Данилко, уже много лет успешно эксплуатирующего им же придуманный образ безбашенной полногрудой проводницы Верки Сердючки. Очень талантливый парень! Но невольно возникает вопрос, насколько пребывание в этом амплуа его хватит.

В сентябре мы вместе с Бронфманами полетели в Грецию на остров Корфу. Отель соответствовал оплаченным звёздам, погода не подвела, и всё было достаточно симпатично. Но уже тогда ощущались удушающие объятия надвигающегося кризиса. А может быть, это только сегодня мне так кажется...

Театральный сезон 2002 года мы закрывали посещениями Эсенского оперного театра и Кёльской филармонии. Балетная труппа Бориса Эйфмана привезла одноактный балет «Реквием» на музыку великого Моцарта. При помощи причудливой пластики артистов, присущей, пожалуй, только мастерам балета Эйфмана, зритель может постичь глубину замыслов композитора. Мы, как замороженные, следили за всеми волшебными перипетиями спектакля.

А в филармонии нам посчастливилось слушать божественную игру выдающегося скрипача современности Максима Венгерова. Смешно, но при этом у меня возникало странное чувство гордости, будто это не блистательный ученик кёльского профессора Захара Брона, а – мой.

Новый год уже традиционно мы отмечали у Берковских. Здесь собралось вместе Берковско-Золотаревское семейство. Всё было как всегда приятно, сытно, вкусно и телевизионно. Не доставало только питерцев и в частности Лёшика, которого мы очень любим, и, который, на мой взгляд, является живительной примочкой к любой ране.

Решили заночевать у Иры и Марата, но старые кости всячески протестовали и настоятельно требовали объятий собственной постели. И даже завтрак в виде остатков с барского стола не смог полностью компенсировать ночные неудобства. С Новым годом, товарищи!

2003 год

Пошёл десятый год нашего пребывания за рубежом. Всё дальше и дальше уходили в прошлое ещё волнующие берега нашей прежней жизни. Всё больше и больше мы погружались в удобства европейского быта. Мы почти уже привыкли к своему паразитарному образу жизни и даже научились получать удовольствие от отсутствия всяческих обязательств и режимного давления, по-прежнему заполняя своё свободное время библиотечной общественной деятельностью и разнообразными, милыми нашему сердцу, видами досуга – поездки, чтение книг и русскоязычной прессы, телевизионное рабство, посещение выставок, спектаклей, творческих вечеров и концертов.

В январе состоялся любопытный концерт в Кёльнской консерватории. В нём приняли участие профессора, доценты и выпускники. В программе, составленной с хорошим вкусом, прозвучали произведения Генделя, Брамса, Бетховена, Мендельсона-Бартольди и многое другое. А в феврале в помещении городского театра Раттингена уже в который раз мы слушали блистательную команду из 11 (как в футболе) тщательно подобранных Михаилом Турецким певцов, выступивших с программой «Любимое! С любовью! О любви!». Эта была аллилуйя, обращённая к Любви с большой буквы. Прозвучали песни еврейских местечек, хиты мировой эстрады, песни одесского фольклора... и даже женские арии из популярных опер. В марте мы с Танюшей вместе с турбюро «Инзель» совершили давно запланированную поездку Берлин – Потсдам – Дрезден. Это была очень интересная и насыщенная экскурсия. Вообще, надо сказать, что мы, будь побогаче, все свободные деньги тратили бы на помощь близким и на путешествия. И в какой-то мере, мне кажется, нам это удалось. И вот мы в Берлине. Несмотря на мой уже почтенный возраст, приличное образование и сегодняшние информационные возможности, я, к стыду своему, по-прежнему воспринимал слово «Берлин» лишь как символ чего-то страшного, но одновременно и героического. Невзирая на всё ещё попадающиеся незалеченные раны войны, город ошеломил нас своей масштабностью, размахом и грандиозностью. Мы побывали в Рейхстаге, где с 1999 года

заседает современный немецкий парламент – бундестаг. Здание Рейхстага увенчано новым огромным стеклянным куполом, с которого открывается великолепный панорамный вид на окружающие городские пейзажи. Мы постояли перед остатками позорной Берлинской стены, прошли сквозь коронованные многострадальной квадригой Бранденбургские ворота – одних из главных символов Германии и ее столицы. Большое впечатление произвела площадь Брайтшайд, на которой расположен современный центр Берлина – «Европа-Центр». Рядом в водоёме, размещённом во внутреннем дворе, находятся «танцующий и поющий» фонтан «Лотос» и причудливое достижение городского дизайнера – «Водяные часы». Из многих точек центра города видна 70-метровая Триумфальная колонна, которую венчает сверкающая на солнце статуя, названная жителями Берлина «Золотой Эльзой». Один день мы провели в Потсдаме. Там мы побывали в одном из самых известных дворцов Гогенцоллернов – дворце Сан-Суси, ставшем в 1945 году местом проведения Потсдамской конференции. Посетили дворец Цецилиенхоф и провели почти полдня на роскошной территории дворца Шарлоттенхоф, бывшей летней резиденции кронпринца Фридриха Вильгельма. Надо отметить, что коронованные особы Европы с XVII по XIX век, обладая отменным вкусом, оставили нам, потомкам, прекрасные образцы дворцового зодчества. Интересно, что бы они возводили, если бы могли предвидеть свою трагическую судьбу...

Полтора дня мы провели в прекрасном городе Дрездене. Но об этом городе и моих впечатлениях о нём я уже писал. Поездка оставила нам обоим незабываемое послевкусие.

После возвращения мы почти сразу окунулись в мир блестящих остроумных, порой язвительных, а порой глубоко-философских стихотворных миниатюр – «гариков». Зал приветствовал восторженными аплодисментами каждое прочитанное Игорем Губерманом четверостишие, что иногда даже мешало услышать начало следующего.

В конце апреля мы вместе с Аллой и Гришей, по их инициативе и при их организующем начале, слетали на три дня на Искию – вулканический остров, расположенный в

Неаполитанском заливе Тирренского моря. В те годы вошли в моду дешёвые авиабилеты за счёт понижения сервисного уровня. На сей раз нам достались билеты по 19 евро. Самолёт приземлился в Неаполе, откуда мы добрались до Искии на пароме. Там, взяв напрокат машину, мы не без труда нашли виллу, гостеприимно предложенную нам Интернетом. Двухэтажный коттедж, оборудованный всем необходимым, имел три спальни и общую гостиную с камином, где мы два вечера, сидя перед открытым огнём, ели вкусную рыбу, запивая отличным Кьянти Бианко, и трепались. Благодаря Людмиле Штерн, которая в книге «Охота к перемене мест» так смачно описала Искию, нам только оставалось, следуя её тексту как путеводителю, наслаждаться увиденным. Остров изобилует горячими ключами, на базе самых мощных из них поставлены современные лечебницы и отели. Такие же ключики пробивают песчаные пляжи острова. Мы спускались к морю, быстро находили струящиеся сквозь песок облачка пара, отрывали каждый себе песчаную ванну и укладывались в неё. Спустя 20-30 минут моё старое тело приобретало молодую упругость, кожа становилась бархатной, а радость, появившаяся как бы ниоткуда, распирала грудь. Мы много гуляли, радуясь весеннему пробуждению природы. Попадались цитрусовые деревья, на которых, одновременно с весенним цветением, зрели ещё зелёные плоды, а под тяжестью уже созревших клонились к земле пышные ветви. Натолкнулись на укрытое высоким кустарником озерцо, густо усеянное розовыми фламинго. Увиденное было так красиво и неожиданно, что мы долго не могли оторваться от этого зрелища. Один

день мы посвятили посещению главной достопримечательности острова. Как сказочный замок возвышается над зеркальной гладью залива возведенный на высоком вулканическом холме средневековый Арагонский замок,

где до XIX века находился монастырь ордена Святой Клары.

Незабываемое впечатление, особенно на Танюшу, произвело монастырское кладбище. Собственно не само кладбище, а технология средневекового захоронения. Тело покойника помещали в каменное кресло с отверстием в сиденье и чашей внизу. Разлагавшаяся плоть стекала с костей вниз, в результате оставалась мумия, которая впоследствии и захоранивалась. Так получилось, что мои заметки об Искии приходится завершать на такой не слишком оптимистической ноте, но наши восторженные впечатления не становятся от этого слабее.

В мае месяце мы побывали на потрясающем сольном концерте одной из самых выдающихся музыкантов мира – немецкой скрипачки Анне-Софи Муттер. Она исполнила скрипичные сонаты Моцарта. На сцену вышла красивая женщина в шикарном концертном платье. Смычок коснулся струн, и в мгновение ока полностью изменился её образ. Мы перестали видеть перед собой просто прелестную женщину, а нами овладели чарующие звуки моцартовских мелодий, которые в руках виртуозной скрипачки приобретают строгое бетховенское звучание.

Я уже писал о том, что в 1996 году под натиском бурно развивающейся в городе инфраструктуры для русскоговорящих мы стали сворачивать свою клубную деятельность. Тогда в Кёльне была открыта Германно-российская культурно-образовательная академия. Её основоположником стал Рубен Лисициан, сын выдающегося баритона, солиста Большого театра Павла Лисициана. На мой взгляд, в прошлом веке это был лучший баритон. Однако вернёмся в Кёльн. В помещении этой Академии состоялся сольный концерт замечательной исполнительницы авторской песни – Галины Хомчик. О ней просто и в то же самое время очень точно сказал Юлий Ким: «Галин голос ни с чьим не перепутаешь. Не знаю, сопрано это или контральто, только слышу глубокий грудной звук и в нем – постоянную улыбку, светлую или грустную».

В июне, наконец, в Кёльн приехал на гастроли всемирно-известный Цирк Дю Солей. Я говорю наконец, потому что

Лариса Турецкая когда-то нас предупреждала, чтобы мы его не прозевали и обязательно посмотрели. Мы купили самые дешёвые билеты, цена на которые всё же была весьма ощутима, но мы об этом не пожалели. Это было фантастическое зрелище. Высочайший профессионализм цирковых артистов, великолепные костюмы и виртуозное управление светом и музыкой создают сказку, в которую с радостью были втянуты ошеломлённые зрители.

Собор в Лимбурге

В июне мы приняли участие в двух экскурсиях. Первая – однодневная в небольшой город Лимбург-на-Лане федеральной земли Гессен, над которым возвышается странного бело-розового цвета огромный Кафедральный собор Святого Георга, построенный ещё в XIII веке.

Самое удивительное, что этот собор не пострадал во время Второй мировой войны.

А через неделю мы отправились в Мюнхен. Этот город безусловно заслуживает самого пристального внимания и подробного рассказа. Но, учитывая богатый выбор всевозможных путеводителей и описаний Мюнхена в художественной литературе, чего стоит только роман Владимира Кунина «Русские на Мариенплац», ограничусь стандартным джентльменским набором, предложенным местным экскурсоводом, и назову

Мюнхен, Мариенплац

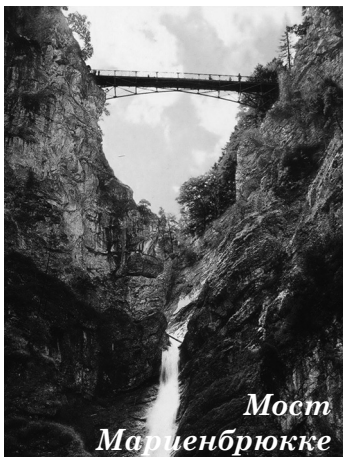
лишь основные доминанты города, к которым мы были допущены. В первую очередь, это центральная площадь – Мариенплац, на которой выделяются колонна Девы Марии и здания Старой и Новой ратуши, построенных в неоготическом стиле.

С высоты 85-метровой башни Новой ратуши открывается великолепный вид на весь город. Старая ратуша печально знаменит тем, что 9 ноября 1938 года в ней выступал Геббельс, чья речь положила начало страшным событиям «Хрустальной ночи». Мы познакомились с постоянной экспозицией одного из лучших европейских музеев – Старой пинакотечи. Обеденную паузу мы провели в «Бюргербройкеллере», в помещении которого в 1923 году гитлеровскими молодчиками был провозглашён «Пивной путч». Мы тоже там пили отменное тёмное мюнхенское пиво и ели знаменитые белые мюнхенские колбаски, от которых нас потом тоже немного «путчило».

Утром следующего дня мы отправились к нереально парящему в воздухе замку Нойшванштайн, что в переводе на русский язык означает «Новый лебединый утес».

Замок был построен по замыслу короля Баварии Людвига II, который велел взорвать верхушку высоченной скалы и на образовавшейся площадке возвести «сказочный дворец». Его окружают причудливые гребни альпийских скал, проступающих сквозь изумрудную толщу векового леса. Многочисленные башенки дворца отражаются в бирюзовой глади озера Алат. Архитектура замка и оформление интерьеров пронизаны лебединым мотивом. Учитывая необычную дружбу Людвига Второго и Рихарда Вагнера, этот мотив был доминирующим в замыслах короля. Во время посещения П. И. Чайковскийм Нойшванштайна, которым он был просто очарован, у него родилась идея создания балета «Лебединое озеро». Неподалеку от замка между двумя скалами на головокружительной высоте натянут подвесной мост Мариенбрюкке, названный Людвигом II в честь своей матери – королевы Марии.

*Мост
Марценбрюкке*

Проходка по раскачивающемуся мосту требовала от туриста определённого мужества. И мы его, надо сказать, проявили.

В июле нам удалось наконец договориться о снятии подвального помещения для библиотеки и заключить бессрочный договор на достаточно льготных условиях. Потребовался месяц каторжных работ, чтобы привести эти 90м² в нормальный вид. Мы очистили подвал, покрасили полы, потолок

и стены, установили книжные стеллажи и шкафы и расставили книги по жанрам и в алфавитном порядке. Вскоре, на радость читателям и нам, библиотека вновь заработала на полную мощь своего растущего фонда.

Сегодня библиотека располагает почти всеми жанрами художественной литературы на русском языке, а современные писатели представлены во всём своём многообразии. Кстати, о современной литературе. Мы побывали на творческом вечере Людмилы Улицкой. Было интересно пообщаться с умным, уверенным в себе, талантливым человеком. Разговор происходил спокойно, без дешёвых трюков на потребу не слишком взыскательной публики.

В сентябре, опять же благодаря стараниям Аллы, мы купили дешёвые билеты (19 евро) на полёт в Бильбао. Город расположен на живописных берегах реки Нервьон, а его

*Бильбао,
музей Гугенхайма*

пригороды сбегают к пляжам Бискайского залива. Там мы пробыли всего три дня. Но нашей главной целью было посещение музея современного искусства Гугенхайма, построенного из стекла, титана и песчаника.

Здание, напоминающее гигантский металлический цветок с развалившимися лепестками, которые образуют не распознаваемые на беглый взгляд объёмы огромных демонстрационных помещений, было возведено по проекту крупнейшего архитектора современности Фрэнка Гери в 1997 году. Его здания похожи на вычурные скульптуры постмодернизма, которые приковывают восторженное внимание прохожего, пытающегося безуспешно расшифровать этот архитектурный ребус. Мы видели до этого его «плывущую рыбу» в Олимпийской деревне Барселоны, музей Гуггенхайма в Нью-Йорке и «танцующие дома» в Праге и Дюссельдорфе. И это всегда интересно и незабываемо.

Пришла неприятная дождливая кельнская осень. Но мы к ней были подготовлены заранее. Ещё в середине лета мы заказали себе 10-дневный отдых на Гран Канария. Отель «Taurito Princess», находящийся прямо на берегу моря в маленькой бухте Таурито, разлагал отдыхающих своим сервисом как в номерах, так и на прекрасно оборудованном пляже. Средиземноморская кухня удовлетворяла самых капризных гурманов, а, несмотря на октябрь, настоящая летняя погода довершала комплекс получаемых удовольствий.

Вернулись домой и неожиданно застали тёплую солнечную погоду. Конечно, это не лето, но и не занудливая кельнская осень. Надо признаться, что всю жизнь, в отличие от ленинградцев, не переносу дождливую погоду. Поэтому даже остатки лета резко улучшали настроение. К тому же попали на хороший антрепризный спектакль. Речь идёт о пьесе Дмитрия Липскерова «Школа с театральным уклоном» в постановке Марка Захарова. Пьеса рассчитана на две мужские роли. Александр Абдулов и Александр Збруев импровизируют, позволяя себе актуальные экспромты, поддразнивая и провоцируя зрителей, при этом сами наслаждаются собственной игрой.

Новый 2004 год мы традиционно встречали вместе с Берковскими, старшими и младшими. Не успели оглянуться, как пролетели все три наши привычные временные новогодние ступени. С Новым годом, товарищи!

2004 год

Год для нас начался с ледяной феерии. Толя Андриенко предложил съездить на выставку ледяных скульптур в Брюгге. Сам город, который в народе называют бельгийской Венецией, – это средневековая сказка. Он весь состоит из ажурного переплетения каналов, старинных улиц и площадей с вкраплениями современных магазинчиков, наполненных знаменитыми бельгийскими кружевами, шоколадом и пивом. Фестиваль ледяных скульптур – явление уникальное.

Хрустальный лёд в руках талантливых художников превращается в фантастический ледяной город со своими затейливыми персонажами и прозрачной архитектурой. Выставка проходила на привокзальной площади, вызывая огромный интерес у любителей альтернативного искусства.

Каждая скульптура создавалась из двухтонной ледяной глыбы мастерами из Китая, Канады, Швеции, США, Голландии и Бельгии.

В марте мы слушали в филармонии одного из лучших теноров мира – Хосе Каррераса. Наши ощущения очень трудно передать приземлёнными словами. Хосе Каррерас – человек необычайного мужества, преодолевший страшную болезнь – лейкемию и создавший впоследствии свой фонд, помогающий больным с этим тяжким диагнозом. В Каррерасе удивительным образом сплелись божественный дар, филигранная техника и утончённый аристократизм. О нём по-доброму и точно сказал другой великий тенор Пласидо Доминго: «... Его пение полно мелодизма, тонкого лиризма, особого шарма и обаяния. Интерпретации оперных партий сочетают в себе чувство меры и тонкую рафинированность...» 3 апреля из Киева пришла горькая весть. Скоропостижно скончался Володя – Танин средний брат. Володя был очень милым и добрым человеком со слабым характером, что в конечном итоге привело его к алкоголю.

К сожалению, рядом не оказалось искренне любящего человека, я говорю о его жене – Татьяне, которая помогла бы ему избавиться от этой разрушающей зависимости. Весть о смерти Володи просто подкосила Танюшу, которая, несмотря на свою постоянную и внушительную материальную поддержку Володиной семьи, всё равно ощущала немотивированный комплекс вины перед ними. Я это могу объяснить только синдромом старшей сестры, её обострённым чувством ответственности, Таниным большим сердцем и неизрасходованным материнским чувством.

В мае мы наткнулись в Интернете на очень дешёвые билеты в Стокгольм, где живут Танины родственники: Женя – сестра Таниного двоюродного брата Виктора, её сын Вадим с женой Ларисой и их дочка – тоже Таня. Мы пробыли в Стокгольме три дня, но они были насыщены их радушием и гостеприимством. Мы познакомились с городом, его главными достопримечательностями, а вечера проводили за тёплыми беседами и обильными застольями.

В первое воскресенье июня в Хорвайлере на Парижской площади (Паризерплатц) проводится ежегодный праздник района, в котором принимают участие все общественно-полезные находящиеся в районе организации. Мы тоже получили приглашение и с радостью дали своё согласие. Ранним воскресным утром следовало прибыть в ратхауз (исполком) Хорвайлера, чтобы получить сборно-разборный павильон, столы, стулья и изготовленную специально по этому случаю табличку (шилдь) с данными нашей организации. Мы могли рекламировать деятельность нашей библиотеки любыми доступными нам способами. Для этой цели были распечатаны визитные карточки и флаеры, сделан красивый информационный стенд, подготовили сотню книжек на продажу по символической цене (50 центов) и пригласили знакомого парня, который выпекал замечательные блинчики с различной начинкой. Городские власти позволили заниматься этой мелкой коммерческой деятельностью без обложения её налогом. Выручка шла на развитие библиотечного фонда. Учитывая интернациональный состав жителей района, там можно было отведать блюда африканской,

итальянской, турецкой, греческой и русской кухонь. Кроме того, на импровизированной, но хорошо оборудованной сцене шёл непрерывный интернациональный самодеятельный концерт. Короче, народ отрывался, как мог. И действительно, учитывая хороший аппетит участников и солнечную погоду, царило праздничное настроение. Ведь лозунг: «Хлеба и зрелищ!» никто не отменял. Последние два года, к сожалению, мы вынуждены были отказаться от участия в этом празднике жизни из-за естественного старения нашего коллектива. Сборка-разборка павильона и переноска мебели стали нам просто не по силам.

В первой половине сентября мы отдохали в Испании на каталонском побережье Коста Дорада недалеко от его столицы Салоу. Салоу – это средневековый городок, находящийся в очень живописном месте. Среди его достопримечательностей выделяется башня-крепость Торре Вэлья, построенная для защиты от опустошительных набегов морских разбойников. Вдоль набережной пляжа Льевант протянулся Королевский бульвар, сверкающий мозаичным променадом и радующий взор роскошными пальмами и средиземноморскими цветами. Мы жили в трёхзвёздочном отеле «Кап Салоу», вполне соответствующем своему малозвёздному статусу. Этот большой туристический комплекс расположен в бухте на берегу моря в 150 метрах от пляжа. Загорали, купались, ездили на экскурсии. А что ещё надо бедному получателю социальной помощи?!

Осень 2004 года принесла нам несколько ярких театраль-но-концертных впечатлений. В оперном театре Дюссельдорфа мы смотрели балет «Ифигения в Тавриде» – хореографическую версию оперы Глюка в постановке выдающегося немецкого хореографа Пины Бауш. Это был впечатляющий спектакль, в котором слились воедино классический и авангардный танец, музыка барокко и современная гармония и даже диалог. Пина Бауш создала новый жанр: танцевальный комплексный театр, в котором все виды театрального искусства успешно объединились для достижения замысла постановщика. В течение почти тридцати лет Пина Бауш возглавляла театр современного танца в Вуппертале, но в

июне 2009 года она ушла из жизни.

Когда я в 2000 году прилетал в Нью-Йорк на Второй Всемирный конгресс русской прессы, то, конечно, повидался с Лорой Турецкой, которая много добрых слов сказала в адрес совершенно мне неизвестной португальской певицы Эзарии Эворы. Спустя два месяца Лора прислала нам два диска с песнями Эворы. С тех пор мы стали её настоящими фанатами. И вот она в Кёльне. Филармония была забита так, что нам, обладателям входных билетов, с трудом удалось найти свободное местечко. На сцену вышла очень полная пожилая чернокожая босоногая женщина с подкупающей застенчивой улыбкой на лице. Под аккомпанемент своего великолепного ансамбля она запела, и зал замер, очарованный её проникающим в самую душу грудным голосом, неповторимым тембром и подкупающей простотой исполнения.

В ноябре мы вновь побывали на концерте Максима Венгерова. Перед началом он обратился к залу, сказав, что приступил к работе над большой программой, составленной из творчества современных композиторов авангарда. А потому сегодня будет играть для нас самые популярные произведения скрипичной классики. Я, пожалуй, воздержусь от своего восторженного комментария по поводу игры маэстро, а лишь назову фамилии композиторов, чьи сочинения были исполнены. Вот они: Фриц Крейслер, Иоганнес Брамс, Людвиг ван Бетховен, Никколо Паганини, Генрик Венявский, Камиль Сен-Санс. Люди выходили после концерта с глуповато-счастливыми лицами.

21 ноября у Иры и Марата была «Золотая свадьба». К сожалению, это важное семейное событие ушло на второй план из-за очень плохого самочувствия Марата. Никакими терапевтическими средствами ему не могли сбить давление, которое уже зашкаливало за 200. После проведенного в срочном порядке обследования выяснилось, что незамедлительно нужна операция по замене прохудившихся сердечных сосудов. Положение оказалось очень серьёзным. 7 ноября в клинике Аахенского университета Марату сделали операцию на открытом сердце. В трёх повреждённых сосудах были установлены отводные байпасы. Марат стойчески

перенёс эту тяжелейшую операцию, но с тех пор он, к сожалению, потерял свою привычную спортивность и кураж. Все мы очень сопереживали ему, а уж об Ире и говорить не приходится. Хочется ещё и ещё раз поклониться современной немецкой медицине.

Встреча Нового года на сей раз проходила с особой торжественностью, поскольку одновременно мы отмечали и десятилетие нашего пребывания в Германии. Как всегда, собрались у Иры и Марата. Пили, ели и вспоминали с разными оттенками настроения наши иммиграционные дебюты. С Новым годом, товарищи!

ВЫНУЖДЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Приходится делать паузу в моём и без того не очень стройном повествовании. Произошло непредвиденное, что заставило меня не только прервать работу над книжкой, но даже забежать на восемь лет вперёд. Итак, сегодня апрель 2012 года. А в ноябре 2011 года я подарил Танюше к нашей Золотой свадьбе поездку в Шотландию, где живёт обожаемый ею ребёнок Доминик, внучатый племянник, сын Жени Малюги и Памелы Монро. Почему Таня запала именно на это дитя, объяснить трудно. Ведь к тому времени у Светы Малюги уже был симпатяга – сыночек Дэвид, тоже внучатый племянник. Но Танюхино сердце завоевал, не прикладывая к этому никаких усилий, юный шотландец. Воистину любовь не требует объяснений.

И вот Татьяна должна была лететь на двухлетие Доминика. Полгода выбирала подарки для всего семейства, чтобы понравились и соответствовали нашим возможностям. Кроме того, были и просьбы. В частности Женя попросил привезти гречку, которой там в привычном виде просто нет. По просьбе Тани я купил в русском магазине 4 кг отборной ядрицы. В результате до отказа были набиты два чемодана – один большой и один, вписывающийся в размеры ручной клади, маленький. Но взвешивание оптимизма не добавило. В аэропорту за перевес основного чемодана взяли доплату в 50 евро, а из ручной клади заставили вынуть часть вещей (детские книги), которые мы, отойдя на 100 метров от

окошка, благополучно засунули обратно. В общем, гречка обошлась по 15 евро за килограмм. В итоге всё доехало без проблем к взаимному удовольствию.

Ежедневно у нас с Танюхой были сеансы скайпосвязи, которые создавали полную иллюзию нерасставания. Но в четверг их долго не было в сети, и, когда я уже начал внутренне возмущаться, раздался телефонный звонок. Звонил Женя. Диалог выглядел примерно так:

- Здравствуйте, дядюшка!
- Привет! Где вы так долго шляетесь?

После затянувшейся паузы прозвучало:

- Дядюшка, вы только не волнуйтесь, у нас всё нормально. Просто тётушка немножко упала.

Я начал терять терпение:

- Женя, где Таня? Что случилось?
- Всё нормально, дядюшка. Тётушка повредила себе левую руку и сейчас находится в больнице в Инвернесе, а завтра ей будут делать операцию и вставят какую-то металлическую пластину. Но вы, дядюшка, не волнуйтесь. Доктор сказал, всё будет нормально!

«А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо!» Паническая волна мыслей прокатилась во мне, не получая достойного сопротивления. Если Таня в больнице, значит, серьёзный перелом, а значит, она терпит страшные боли. Как она перенесёт эту грёбаную операцию? Где она возьмёт деньги, чтобы оплатить саму операцию и дни пребывания в больнице? Сможет ли спустя два дня (операция – в пятницу, а вылет – в воскресенье) улететь домой? Не нужно ли мне в субботу вылетать за ней? Не правда ли, хорош неврастеник? Но всё оказалось проще, чем можно было предположить. Операция (по отзыву оперирующего врача), слава Богу, прошла успешно. Денег никаких не потребовалось. Оказывается, с 1 января 2012 года в Европе введена единая система страхования. А если человек имеет страховку, скажем, в Германии, как в нашем случае, то она распространяется на все страны Евросоюза. В субботу Женя забрал Танюху из больницы и привёз её прямо к именинному торту, а в воскресенье моя бедолага была доставлена в аэропорт

Эдинбурга. Гипсовая рука несколько встревожила (нет ли в ней взрывчатки) службы аэропорта, но после предъявления медицинских документов Таню допустили к полёту.

А уже в середине дня я получил несколько повреждённый товар, и радости нашей не было предела. Теперь у нас на двоих три руки со всеми вытекающими из этого последствиями. Зато четыре ноги и две головы, что смягчает понятную крутость ситуации. В связи с этим я вспомнил рассказанную когда-то мамой знаменитую поварскую приговорку: «Хорошая штучка, когда болит ручка! Кушать можно, а работать нельзя». Теперь, я надеюсь, стала понятна моя пауза в неблагодарном писательском труде, и я снова могу вернуться к утраченной хронологии.

2005 год

Январь выдался на удивление мягким. Это напомнило теплынь, которую мы застали при въезде в Германию. Солнечные дни всегда способствовали улучшению настроения. Вот как раз в таком состоянии духа мы и попали в оперный театр на оперетту Иоганна Штрауса «Летучая мышь». Мы наслаждались замечательной музыкой, положенной на знакомый и любимый сюжет, в исполнении прекрасных певцов и вспоминали одноимённый музыкальный фильм Яна Фрида, либретто к которому написали, пожалуй, самые остроумные авторы советского периода – Николай Эрдман и Михаил Вольпин. А что уж говорить о прелестном актёрском квартете: Юрий и Виталий Соломины, Людмила Максакова и Лариса Удовиченко. Мы с Танюшей смотрели этот фильм-спектакль не меньше десяти раз, и можем смотреть ещё и ещё.

Февраль оказался богатым на интересные концертные программы. В филармонии почти подряд состоялись два концерта. Гюрцених оркестр демонстрировал своё профессиональное мастерство под управлением лёгкого и тонкого дирижёра Владимира Спивакова. А неделю спустя с квинтетом Бородина играл блистательный альтист Юрий Башмет. В Леверкузенском Форуме выступала шоу-группа «ЭКС-ББ» с программой «Лучшее за 10 лет». Талантливая четвёрка музыкальных эксцентриков ловко жонглировала самыми популярными мелодиями, насыщенными остроумными пародийными текстами.

Пришедшая ранняя кёльнская весна приготовила нам настоящий вокальный сюрприз. В Кёльн с концертом приехали Монсерат Кабалье и Николай Басков. Я уже писал, что с каждым годом великой певице всё сложнее и сложнее продемонстрировать своё былое мастерство. А вот Басков просто поразил. Он вдохновенно и практически безукоризненно исполнил сложнейшие теноровые партии. Жаль только, что тембр его голоса, на мой взгляд, не имеет индивидуальности. Казалось бы, Всевышний щедро одарил этого человека, но безуспешная попытка заработать ВСЕ деньги и зашкаливающее тщеславие привели его к рядовой попсе и даже вывели на авансцену шоу-бизнеса в

качестве (точнее, в количестве) банального, а порой и просто пошлого шоумена («Брачное агентство Николая Баскова»). Обидно! На мой взгляд, русская оперная сцена потеряла выдающегося вокалиста.

17 апреля Татьяне Ахназаровой исполнилось 50 лет. Бобом была задумана сказочная юбилейная феерия. Для этого события был арендован тожественный зал ресторана «Талион клуба», бывшего особняка Елисеевых, расположенного на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Таня и Боб пригласили своих ближайших родственников и друзей, приняв, как всегда, все расходы на себя. Мы жили в центре города в гостинице «Невская», и в нашем распоряжении была машина, которая развозила нас по экскурсиям и питейно-едовым заведениям. Всё было гостеприимно, душевно и изобильно. Праздничный ужин поражал своим размахом. Стол ломился от разнообразной и вкусной снеди. Выбор напитков удовлетворял самым взыскательным требованиям любителей выпивки. За спиной каждой пары стоял изысканный («как денди лондонский одет») официант в позе «чего изволите?», предупреждая малейшие пожелания сидящего за столом. Произносились замечательные тосты и стихи в честь красавицы-юбилярши. Весь вечер ненавязчиво звучала живая музыка в исполнении ансамбля Жана Татляна, который сохранил прекрасную форму, демонстрируя свой замечательный тембр и присущую только ему манеру исполнения. Нам показалось, что виновница торжества, несмотря на понятную усталость, осталась очень довольной. И мы, понятное дело, тоже.

Воспользовавшись своим пребыванием в России, мы не преминули заехать в Москву, где провели у Хенкиных – Юдинцевых замечательную неделю. Мы очень любим эту семью, от мала до велика. Назову поимённо: моя двоюродная сестра Галочка, её дочка – Леночка, по совместительству моя любимая племянница, ейный муж – Саша, творец семейного благополучия, и их сын Мишаня, восходящая на внутреннем небосводе звезда. Они повезли нас в свой загородный дом, с которым в силу определённых обстоятельств им вскоре пришлось расстаться. Но на тот момент все их

помыслы и, разумеется, немалые средства были направлены на его обустройство и создание в нём уютного жизненного пространства. Мы съездили с ребятами в Загорск, где любовались ансамблем Троице-Сергиевой лавры. Побывали дважды в театре. Но главным в этой поездке было больше чем родственное тёплое общение.

По возвращении в Кёльн мы попали, как говорится, «с корабля на бал». На бал русского романса в исполнении любимого нами ленинградского певца Олега Погудина, за творчеством которого я давно слежу. В этом году он создал и ведёт замечательную передачу «Романтика романса», которую впоследствии стали вести Любовь Казарновская, а затем Мария Максакова и Святослав Бэлза, превратив её в скучную опереточно-филармоническую концертную программу. «Без божества, без вдохновенья, без слёз, без жизни, без любви».

В этом году по предложению Толи Андриенко в нашей компании зародилась новая (старая) традиция – проводить маёвку на гостеприимном берегу гребного (не грёбаного) канала в районе озера Фюлинген. В этих импровизированных гульках обычно принимали участие близкие по интересам 10 – 12 человек, которых естественным образом отобрало время. Каждый тащил с собой любимую снедь и выпивку. А Толя, как всегда, взваливал на себя самое трудное – организацию пикника и приготовление мяса. В результате стол ломился от всяческой вкуснятины, подходящей такому случаю, а мясо на гриле распространяло просто возмутительный аромат. И уже через полчаса веселье достигало апогея. В ход шли забавные истории, анекдоты, песни и даже горячие философские споры, температура которых чаще всего зависела от количества выпитого. Короче, резвились, как дети малые, но со вполне взрослыми затеями.

В нашей семье произошло приятное событие. После многолетнего одиночества Дима встретил женщину, с которой решил связать своё будущее. Таня, а речь идёт о ней, очень неглупый и симпатичный человек. Нам показалось, что они удивительно подошли друг другу. Правда, Таня жила в Магдебурге, а Дима – в Хильдесхайме, но это не помешало

им соединить свои сердца.

В конце мая мы отправились в Киев, чтобы отпраздновать 1 июня шестидесятилетие Аркадия, Таниного старшего брата. Лариса, жена Аркадия, накрыла шикарный стол, который изобиловал нашими любимыми домашними блюдами. Мы пробыли в Киеве без малого две недели, повидались с нашими друзьями, благо тогда ещё все были живы и относительно здоровы. Помногу гуляли по ставшему чужим, но всё же бесконечно любимому городу. В одну из таких прогулок (традиционно в субботу) по знаковому району Киева – Подолу мы, собрав всех оставшихся в городе наших друзей, устроили «банкет» в кафе «Подольянка», в прошлом так называемом предприятии общественного питания с самообслуживанием (у любого отобьёт аппетит). Были Черкасские, Смирновы, Фёдоровы, Левин, Качура и мы. Не было только Скоморовских по вполне объективным причинам (суббота). В кафе был прекрасный выбор закусок и горячих блюд, а за водкой кассир нас направила в гастроном напротив. В конечном счёте получилось вкусно, сытно и пьяно. Надо сказать, что в нашей прошлой жизни такие прогулки выходного дня, во время которых с юмором, а порой и с сарказмом обсуждались самые насущные вопросы, были регулярны. При этом в обязательную программу, как вариант, входила покупка по дороге в ближайшем гастрономе водочки и лёгкой закуски – булка и варёная колбаса. Мы обычно садились где-нибудь в парковой зоне Печерска и устраивали там такой незатейливый пир, что очень способствовало поднятию нашего и без того хорошего настроения.

В июле на соборной площади состоялось выдающееся событие в музыкальной жизни Кёльна. В исполнении Лондонского Королевского оркестра и хора под управлением сэра Гильберта Левина была исполнена трагическая месса Людвига Ван Бетховена «Солемилис». Это произведение для хора и оркестра, длящееся полтора часа, было написано композитором в период полной его глухоты и страшного одиночества. На переполненной площади не было равнодушных. Овации продолжались около 15 минут. В августе на сцене Кёльнской филармонии в исполнении

испанского Шоу-балета фламенко Аиды Гомес был показан спектакль «Кармен» на известный классический сюжет. Под оригинальную музыку Бизе и современные мелодии фламенко мы увидели зажигательные танцы, полные любви и страсти, страсти на грани жизни и смерти.

Теперь вернусь к прозе жизни. Десять лет назад, когда мы въехали в нашу квартиру, мы не обратили должного внимания на мелкие трещины, украшающие сверкающие поверхности умывальника и унитаза. И вдруг, спустя столько лет, меня это стало беспокоить. Очевидно, сказывался мой опыт в разрушении немецких унитазов. Без всякой надежды на успех я обратился с этой проблемой (?) к нашей хозяйке дома. Она равнодушно приняла информацию и пообещала подумать. Каково же было наше удивление, когда примерно через месяц (в Германии ничего не решается быстро) она позвонила и назвала дату приезда фирмы, которая поменяет нам весь фаянс и сопутствующую сантехнику. Заканчивая разговор, фрау Штратманн попросила об этом ничего не говорить соседям (совсем по-советски). Бригада приехала точно в назначенное время, демонтировала старое и установила всё новое, тщательно убрав за собой (это уже не по-советски). К тому же выяснилось, что за эту процедуру нам не нужно платить ни копейки (это уж вовсе не по-каковски). Вот какими маленькими радостями раскрашивались наши трудовые будни.

Вторую половину октября мы провели на Турецком взморье. Танюха очень не любит свои дни рождения, поэтому всякими правдами и неправдами мы стараемся 19 октября находится вне дома. Однако это мало помогает. После приезда всё равно наши близкие стараются поздравить Таню, и это совершенно естественно. В Турции мы вели абсолютно растительный образ жизни. Солнце, воздух и вода. Хорошая и разнообразная кухня и вполне приличный сервис. Почти за две недели нашего там пребывания не было ни одного потерянного из-за погоды пляжного дня.

12 ноября на 101-ом году ушла из жизни Мишка, Вильгельмина Славутская, о которой шла уже речь выше. До глубокой старости ей удавалось сохранить жадный интерес

ко всему, что происходит в мире. Мишка была человеком щедрой и светлой души.

В Кёльн робкими шажками пришла сырая зима. То холодно, то тепло. То мокро, то сухо. Не знаешь, как одеваться. Город засверкал праздничной иллюминацией и рождественскими украшениями. Традиционное новогоднее застолье у Берковских. Обмен новогодними подарочками и тоскливые праздничные программы на всех русских каналах. Удивительно, что на всех каналах уже который год одни и те же лица с одними и теми же номерами. И всё-таки с Новым годом, товарищи!

2006 год

Год начался с важного события. Окончательно убедившись, что, не имея немецкого гражданства, попасть в США нам невозможно, мы решились и подали заявление в соответствующее учреждение. К сожалению, по новым правилам для получения гражданства нужно было сдать, кроме языкового теста, ещё и экзамен на знание немецких законов (Конституции) и политического устройства страны. Нам установили срок сдачи – апрель. В панике приступили к интенсивной подготовке. Это, правда, не мешало нам вести привычный образ жизни.

В феврале мы с огромным удовольствием побывали на творческом вечере Михаила Козакова «О друзьях, профессии и о себе». Всё это происходило в Дюссельдорфе в Савой Театре. Козаков предстал перед нами во всём своём блеске. Аристократизм, ироничность, тонкий ум и блестящее мастерство чтеца. К моему огромному сожалению, когда я пишу эти строки, этот большой актёр (десятки ярких ролей), талантливый кинорежиссёр («Покровские ворота»), умный писатель («Актёрская книга») и изысканный декламатор вот уже год как ушёл из жизни.

Пришёл апрель, неся с собой очередной ренессанс природы, пасхальную декаду, яростные футбольные баталии на всех европейских фронтах и наш ожидаемый позор на экзаменах по гражданству. В комнату к экзаменатору первым вошёл я. Мрачного вида дама предложила мне сесть и выдала листочки с заданиями по языку. Кое-как я справился с этим в отведенное время, что подтвердилось вяло брошенным: «гут». Затем она задала мне несколько вопросов политического свойства, на которые я, на удивление, довольно легко ответил. Прощедив сквозь зубы поздравление с успешной сдачей, мрачная дама отпустила меня. После меня вошла Таня, дрожа как осиновый лист. Я же остался дрожать под дверью. На какое-то время в кабинете установилась гробовая тишина, но вскоре едва слышно зазвучал Танин голос, и вдруг снова тишина. И тут я слышу, как уже знакомая мне мрачная дама внятно произносит: «Нет, ничем вам помочь не могу. Придётся прийти ещё раз». «Абзац подкрался незаметно», – подумал я, и очень огорчился. Во-первых,

дополнительная нервотрёпка, а во-вторых, дополнительные деньги. Размышляя о делах наших скорбных, я со страхом поглядывал на дверь, но Танюха не выходила, что давало некоторую надежду. И действительно спустя ещё 2-3 минуты вышла Татьяна с растерянно-довольным лицом и хриплым голосом произнесла: «Сдала». Тут-то мы дали волю рвавшимся наружу эмоциям. Значит, мучения были не впустую! Есть ещё порох в пороховницах! Теперь для полного ощущения себя гражданином Германии нужно было лишь получить в Бюргерамте документ о гражданстве, удостоверение личности (аусвайс) и международный паспорт (райзепасс). Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Нам пришлось вносить изменения в наших документах. Причём то ли по глупости, то ли по незнанию всех тонкостей мы вынуждены были это делать дважды. Сперва, чтобы привести наши паспорта к европейскому стандарту, мы должны были убрать отчества, а затем ещё и приводили в нормальное благозвучие Танино имя, которое было обезображено прежней транскрипцией. Только в июле мы стали счастливыми (?) обладателями немецкого гражданства. К тому же нам повезло (был такой короткий период), что нас не заставили отказываться от гражданства Украины. Теперь, когда мы едем, скажем, в Киев, то при пересечении границы туда мы в открытую предъявляем украинский паспорт, а обратно – немецкий. И не надо оформлять визу. Не говоря уже о том, что при поездках в большинство других стран мира виза немцам вообще не нужна. Правда, это стоило нам немалых денег. Но, как известно, «красота требует жертв». Вот такие мы ловкачи.

Тем не менее ничто не могло омрачить праздничного настроения, царящего в городе в связи с приходом католической Пасхи. Ветви деревьев весенних палисадников украшены яркими пасхальными яйцами, на улицах стоят улыбающиеся люди и дарят прохожим цветы и крашенки. Как по мне, всё это выглядит странно, но всё равно приятно. Одновременно с католической Пасхой проходит еврейский Песах. К сожалению, «спасибо» советской власти, я совершенно чужой на этом празднике жизни. Однажды

мы с Таней принимали участие в первом и втором седерах. Было любопытно, но не более. Увы, никакие струны моей еврейской души это священнодействие не затронуло. И меня это огорчило. Хотя и есть Бог во мне, но какой-то не общепринятый, а только мне ведомый, причём не от сердца, а от ума. В последний день Песаха совершается церемония поминовения усопших душ – «Изхор». Не могу понять, почему это должно происходить в специально отведенный день. Мы помним своих ушедших близких и любимых всегда. Это и есть настоящая связь родственных душ. А в исполнении предписанных церемоний есть что-то искусственное, театральное. Вера во Всевышнего, Творца или Создателя – это бесспорная прерогатива нормальной человеческой души, а Церковь и религия – это не для меня. Любую Религию и Церковь я воспринимаю как идеологическую государственную тоталитарно-декоративную структуру.

Чуть выше, говоря о приходе весны, я упомянул о страстях футбольных, и в связи с этим мне хотелось бы несколько слов сказать о футбольных болельщиках Кёльна. Сам я всю жизнь был преданным болельщиком Киевского «Динамо». Я и по сей день помню всех игроков, начиная с послевоенного времени. Но сейчас болеть за Киевское «Динамо» мне, всё ещё гражданину Украины, довольно непривычно, поскольку половину команды (нет, пожалуй, даже больше) составляют варяги. Поэтому на вопрос: «За кого ты болеешь?», я уже давно, к сожалению, не могу ответить: «За наших». Но всё равно болею за Киевское «Динамо», за команду В. В. Лобановского, ведь это по-прежнему и моя команда.

А теперь всё же возвращаюсь к Кёльну. Несмотря на то, что в Кёльне весьма средняя команда, её болельщики – явление уникальное. Их преданность и жизнерадостность, громоподобность и пивной энтузиазм просто поражают. В дни футбола все виды городского транспорта забиты болельщиками до крайности. Грохот барабанов, гуденье труб, пение и выкрикивание речёвок ошеломляют запредельными децибелами уши не причастных к этому празднику жизни пассажиров. При этом степень ликования не очень зависит от результата игры. Вот уж воистину – «праздник, который

всегда с тобой». Городские власти с пониманием относятся к этой стихии, увеличивают количество транспорта на стадионных маршрутах, выводят в места скопления фанатов дополнительные подразделения полиции, которые совершенно незаметно делают свою работу, а ночью, после того как пронесётся это футбольное торнадо, город приводится в порядок быстро и самым тщательным образом. Сегодня по случайному совпадению я как раз оказался в одном метро-трамвае с болельщиками, ехавшими после матча кёльнских «козлов» (такова эмблема команды) с леверкузенским «Баером». И, как видите, жив-здоров, чего и всем желаю!

Дважды подряд были в Оперном театре. Слушали «Кармен» Жоржа Бизе и «Силу судьбы» Джузеппе Верди. Сценография обеих спектаклей очень осовременена (так сейчас носят), но певцы всегда хорошие, а о музыке и говорить не приходится. Благодаря нашим кёльн-пассам (удостоверение получателя социальной помощи) мы покупаем билеты за 50% их стоимости. Зрительные места в зале организованы так, что прекрасно видно и слышно с любого места. Обычно, разумеется, мы располагаемся на балкончиках галёрки.

Наконец, мы получили все документы, удостоверяющие наше немецкое гражданство. И на радостях оформили себе двухнедельную поездку на Майорку – самый большой и, пожалуй, самый красивый из Балеарских островов, принадлежащих Испании. Мы остановились в отеле Beverly Playa, расположенном на одном из лучших пляжей Пагуера Вилладж. По случайному стечению обстоятельств в это же время туда приехали из Стокгольма Лариса и Вадик Тирешины (Танин племянник), которые взяли на прокат машину, и мы с ними объездили весь остров. Майорка изобилует ландшафтным разнообразием. Это и золотые пески просторных пляжей, и живописные бухты в обрамлении отвесных скал в изумрудных шапках хвойных деревьев. Тирешины – очень милые ребята, и с ними было приятно проводить время.

Вернувшись в Кёльн, мы получили предложение от туристического бюро «Инзель» съездить на экскурсию во Францию по замкам Луары. Мы с радостью согласились и не пожалели об этом. На живописных берегах долины реки

Луары расположена целая гряда красивейших средневековых замков. Разумеется, в рамках 3-дневной экскурсии можно было посетить лишь несколько из них. Выбор пал на замки Шамбор, Амбуаз, Блуа, Руан и Ле Ман. Но самое грандиозное впечатление произвёл небольшой скалистый остров, на котором расположено аббатство Мон-Сен-Мишель.

Оно возникает перед ошеломлёнными туристами совершенно неожиданно, как мираж в пустыне, как сказочный кафканианский замок. Этот крохотный городок является одной из самых заманчивых достопримечательностей Франции.

В сентябре к нам (в Германию) снова приехал Роман Виктюк со спектаклем «Мастер и Маргарита». Происходило это на сцене Леверкузеновского Форума. Снова феерично, изобретательно и празднично. Только во всём этом театральном фейерверке как-то незаметно затерялся Михаил Булгаков.

Спустя неделю мы побывали в Дортмунде на концерте Любови Казарновской в рамках фестиваля Юрия Башмета. Казарновская пела в сопровождении Международного симфонического оркестра под управлением Аркадия Берина. Сочное сопрано, яркая внешность и превалирующая над вокалом артистичность. Я думаю, что в её карьере большую роль сыграл её муж – австрийский продюсер Роберт Росцик.

В октябре отмечали 10-летие нашей библиотеки. Была хорошая пресса. Всё происходило в Порце в помещении Культурного центра еврейской общины Кёльна. Сначала официальная часть, затем художественная самодеятельность и в заключение фуршет по-русски. Было приятно, хотя и очень хлопотно. Главное, что была довольна Танюша – идеолог и движущая сила этого кажущегося на первый взгляд безнадёжного, а на самом деле весьма нужного и успешного предприятия.

В Метманне, пригороде Дюссельдорфа, смотрели антрепризу Сергея Юрского. «АРТель АРТистов Сергея Юрского» в составе блестящих драматических исполнителей Олега Меньшикова, Виктора Сухорукова, Алексея Горбунова и Александра Сирина разыграли остро-комедийную пьесу Н. В. Гоголя. Мне показалось, что удовольствие получали не только мы, сидящие в зале, но и сами артисты.

Наше концертно-театральное меню этого года завершилось в Оперном театре, где на десерт подали оперетту Франца Легара «Весёлая вдова». Спектакль всеми своими составляющими способствовал созданию праздничного новогоднего настроения. Новый год традиционно (уже в который раз пишу эту фразу) мы встречали с Берковскими. Всё было как обычно, но неожиданно в 23.00 появился Марат в спортивных штанишках и пошёл мыть посуду. Праздничный градус был несколько снижен. С Новым годом, товарищи!

2007 год

Осенью 1996 года в Кёльне между Собором и набережной был временно установлен огромный концертный зал-павильон на 1700 зрительских мест – Храм мюзикла (музыкальный дом). Это современное сооружение из стали, стекла и пластика (на его возведение ушло полгода) олицетворяло авангардные архитектурные тенденции. Не случайно премьерной постановкой стал мюзикл «Ганди». Устроители рассчитывали, что эти представления продержатся не более 3 – 4 месяцев, пока будут аншлаги. Затем павильон планировали перебазировать в другие города. Но жизнь внесла свои коррективы. С тех пор прошло уже 15 лет – «а воз и ныне там». С неизменным успехом проходили всё новые и новые спектакли и сольные концерты самых популярных исполнителей, на одном из которых мы побывали в январе 2007 года. Это был концерт Гельмута Лотти, известного бельгийского сладкоголосого тенора. В его репертуаре самые популярные, как сейчас говорят, хиты лёгкой и не очень (классической) музыки. Слушать Лотти очень приятно, хотя струны моего сердца ему не удалось затронуть. Своим не прикрытым желанием во что бы то ни стало пострадать публике он мне напомнил Николая Баскова, но по вокалу, пожалуй, существенно ему уступал.

В январе нас пригласили к себе в Испанию Ахназаровы, с которыми мы провели две замечательные недели, заполненные душевными беседами, интересными поездками по Каталонии и, как всегда, обильными застольями. Памятуя мой недавно прошедший день рождения, Таня и Боб сделали мне царский подарок – роскошную дублёнку. В одном из бутиков небольшого приморского городка Палафружелъ состоялась прямо-таки сцена из «Капитанской дочки». В роли Пугачёва был Боб, а Гринёва не без удовольствия сыграл я. Разница была лишь в том, что шуба мне досталась не с богатырских плеч Боба, а из рук любезной продавщицы.

Февраль подарил нам знакомство с одним из выдающихся современных скрипачей – теперь уже австрийцем (родом из Вильнюса) Юлианом Рахлиным. Под сводами Кёльнской филармонии в сопровождении Камерного филармонического оркестра Бремена под управлением Пааво Ярви

прозвучали всемирно известные скрипичные произведения в безукоризненном, на мой взгляд, техническом и артистическом исполнении Юлиана Рахлина.

К сожалению, год начался у меня с каких-то непонятных довольно сильных болей практически во всём теле. Первичное обследование не дало результатов. Обхожусь болеутоляющими, стараясь не выходить из привычных жизненных рамок.

В этом году в Кёльн приехал младший сын Лёши – Лёвик, чтобы поступать на Ахенское отделение Кёльнской консерватории по классу скрипки к проф. Вайману. В связи с этим вспомнилась смешная история. Поскольку он совершенно не владел немецким языком, ему надо было пройти полугодовые языковые курсы. Он попросил меня помочь ему (в языковом плане) записаться на курсы, выяснить расписание и уточнить разные мелочи. Мы легко нашли нужную нам даму, и я затеял разговор. Я сказал, что мы пришли, чтобы зарегистрироваться на курсы, что мальчик совершенно не владеет немецким языком, поэтому я здесь. Решив представиться, но, не зная, как сказать, что Лёвик мой внучатый племянник, я лихо произнёс: „Ich bin seine Oma“. Смеялся даже Лёвик. А дама, несмотря на немецкую сдержанность, выдала всхлип смеха и дальше мы уже ржали втроём. Дело в том, что «Ома» по-немецки это бабушка. Вот такой был мой дебют в качестве синхронного переводчика. А Лёвик вот уже пятый год медленно, но уверенно, продвигается к осуществлению своей мечты. За эти годы мы с ним успели подружиться и с удовольствием встречаемся как у Берковских, так и на своём поле.

В марте в Кёльн приехал величайший шахматист современности, 13-ый чемпион мира Гарри Каспаров. Его выступление состоялось на борту теплохода, пришвартованного к одному из кёльнских причалов старого города. Каспаров прибыл с презентацией очередной своей книги «Шахматы как модель жизни». Хотя я и был рад встрече вживую с моим давним кумиром, но меня ждало разочарование. Большую часть своего выступления он посвятил не шахматным вопросам, а коллизиям политического противостояния в

России. Честно говоря, эта сторона его деятельности меня интересовала меньше всего.

На сцене Кёльнского оперного театра с успехом прошла постановка оперы Сергея Прокофьева «Любовь к трём апельсинам» по сказке Карла Гоцци. Это было грандиозное зрелище и слушище. Настоящий праздник вдохновенного профессионализма.

А спустя несколько дней в Культурном центре еврейской общины в Порце состоялся авторский вечер Ларисы Герштейн. В прошлом вице-мэр Иерусалима, она уже много лет хорошо известна любителям авторской песни. Обладая завораживающим грудным тембром голоса, Лариса Герштейн стала лучшей исполнительницей песен Булата Окуджавы. Кроме того, её острый ум и нестандартный образ мышления превращал комментарии даже по самым незначительным вопросам в прелестные новеллы.

В мае в городском театре Метманна мы с тихой радостью наблюдали за ювелирной игрой блистательных мастеров сцены в антрепризном спектакле Владимира Мирзоева по пьесе Гарольда Пинтера «Коллекция Пинтера». Елена Шанина, Максим Суханов, Сергей Маковецкий и Валентин Гафт с подачи В. Мирзоева превратили интеллектуальную пьесу в изящную, тонкую и остроумную вещицу.

Но главным событием года было наше месячное посещение Америки. Инициатором этого турне стали Лариса и Лёня Турецкие. Они подарили нам дивную неделю в Доминиканской республике. Однако всё по порядку. В аэропорту Ньюарк Либерти нас встретил Лёня и в целостности и сохранности привёз в городок Ламингтон штата Нью-Джерси в своё роскошное имение, где нас, радостно повизгивая, встретили Лариса и Ника, огромная чёрная терьерша.

Дом, который себе построили Лёня и Лариса, заслуживает самых лестных эпитетов, но я воздержусь от рвущейся наружу эйфории, а скажу лишь, что сам дом и его великолепные интерьеры – полностью заслуга изысканного вкуса его владельцев. Особняк расположен на большой зелёной территории, граничащей с владениями самого Дональда Трампа, что само по себе уже говорит о многом.

Первые два дня пролетели стремительно в жарких разговорах «за жизнь». А на третий день мы вылетели из аэропорта Ла Гуардия в Доминиканы, где по прилёту нас ненавязчиво вынудили сфотографироваться с очаровательными туземками.

Так встречают гостей в Доминиканской республике

Из аэропорта до нашего отеля предпочтительно было ехать с закрытыми глазами, поскольку по обе стороны дороги нас сопровождали удручающие картины разрухи и нищеты. Однако, въехав на территорию отеля (пять звёзд с плюсом), мы попали просто в райский уголок. Это относилось ко всему. К сервису в самом отеле и на пляже, к роскоши территории, к изыскам предлагаемой еды, к ласковой нефритовой воде и к замечательной устойчивой погоде. Утро наших дам начиналось с бокала брютта, а день заканчивался торжеством коктейля мохито, в чём уже принимали активное участие и мы с Лёней. Солнце, море и дружеское общение сделали эту неделю незабываемой.

По возвращении нас забрали к себе Саша и Марина Остроградские, которые тоже жили в Нью-Джерси в городке Линдхерст. Саша работает гравёром в ювелирной фирме, а Марина ведёт домашнее хозяйство и обихаживает их трёхуровневое жилище. В доме всё комфортно, идеальная чистота и уют. Наша поездка была приурочена к Сашиному 50-летию, которое отпраздновали в приличном русском ресторане. На эти торжества прибыли из Швеции Вадик и Лариса Тирешины. Так что Европа была представлена двумя странами. Мы тепло и весело проводили время.

Нью-Йорк. Остроградские, Тирешины и Золотаревские

Саша заказал для нас, европейских гостей, экскурсию по Нью-Йорку. Там произошёл, на мой взгляд, забавный эпизод. Мы присоединились к основной группе туристов несколько позже, и когда я увидел экскурсовода, то понял, что передо мной бывший мой соученик (расстались после пятого класса), с которым мы не виделись 56 лет. Я извинился за наше опоздание и попросил его представиться. Он охотно произнёс: «Валерий Изаров». В ответ я ему с наглой ухмылкой: «Да нет. Это неправда. Тебя зовут Валерий Израилит». Надо было видеть выражение его лица. Дрожащим голосом он спросил: «Кто вы?» Я решил не длить интригу и расколосся. Пока мы жонглировали воспоминаниями, для группы на полчаса наступила тягостная пауза. Вот такой зрительной памятью я могу похвастаться.

На наше пребывание в Нью-Йорке слетелись бывшие мои сотрудники и коллеги по Киевскому заводу «Электроприбор».

Мы провели чудесный вечер в одном из ресторанов на Брайтон-Бич. Особенно дорогой для нас была встреча с Изей Ниршбергом и Людой Тарасевич, которые прибыли на свидание с нами из штата Мичиган. С

Изей меня связывают многолетние дружеские отношения ещё со студенческих и заводских времён.

Дальше нас продолжали передавать как эстафетную палочку. К Остроградским за нами прислал машину мой бывший сотрудник, талантливый управленец (сейчас бы сказали – эффективный топ-менеджер) Миша Головян. Миша, Лина (его жена) и их трое детишек (теперь вполне взрослых) уже двадцать лет живут в одном из старейших городов Новой Англии – Нью-Хевене, знаменитым одним из лучших высших учебных заведений Америки – Йельским университетом. Лина, ихтиолог по образованию, чуть ли не с

первых дней нашла там себе работу в какой-то лаборатории, где как раз требовалась её достаточно редкая специальность. А Миша искал различные подходы к бизнес-удаче. В результате он остановился на весьма благородном деле, создав так называемый ДЕДский садик. На сравнительно небольшой территории расположено здание с залом, кухней и маленьким магазинчиком. Тут же находится и офис фирмы. Это заведение имеет довольно большое транспортное хозяйство. И вся эта инфраструктура существует исключительно для обслуживания пожилого контингента русской диаспоры города. Людей возят по врачам, помогают в решении вопросов в официальных учреждениях, проводят экскурсии и организуют досуг. В частности при нас проводилось так называемое лобстерпарты. Собралось очень много людей, было весело и вкусно. Закуски и напитки предлагались по принципу шведского стола, а гигантских омаров разносил на подносах сам Миша. Честно говоря, я впервые так тесно общался с этими вкуснейшими животными. Для их разделки подали специальный слесарный инструмент и показали, как им пользоваться. Так что моя первая профессия слесаря очень пригодилась. Любопытно, что во время застольных бесед очень быстро обнаружили общие знакомые. Это сразу сняло нашу скованность и придало вечеру такую желанную теплоту. Вечер у Головянов завершился всяческими воспоминаниями. «Бойцы вспоминали минувшие дни...».

На следующий день у нас была встреча с Женей и Ниной Межеричкиными, и мы вместе погуляли по городу. Женя, бывший мой сотрудник по «Электроприбору», – милейший человек, к которому я всегда относился с большой теплотой. Они нам обстоятельно показали комплекс Йельского университета а затем пригласили к себе пообедать, но мы вынуждены были отказаться, поскольку эстафетную палочку уже ждали в Балтиморе, куда вскоре нас и доставили.

Там уже также почти двадцать лет живут Таня и Эдик Мальцевы. Таня, в прошлом Симаходская, – удивительный человек. Вся жизнь её – это сплошной восхлещательный знак. Школа – с медалью; медицинский институт – с красным дипломом (это на фоне троих детей –

мал-мала-меньше); успешный врач-невропатолог в Киеве; эмиграция в Америку; там уже Институт восточной медицины и, наконец, собственная практика в Балтиморе. У неё четверо детей (один другого лучше), двое внуков и любимая работа. При этом Танюша – обаятельный человек с мягкой улыбкой и твёрдым характером. Она стержень семьи, её моральная и материальная опора! Чего нельзя сказать о муже. Эдик, шофёр по специальности, неглупый человек с умелыми руками, но, как говорится, совсем другого круга. Тут ничего не поделаешь. Любовь зла... А они действительно любили друг друга. Приехав в Америку, Эдик сначала отказался хоть немного учить язык, а затем с необъяснимым упорством отвергал все предлагаемые ему работы. Он стал потихоньку пить и опускаться на дно. Мы застали неряшливого человека, от которого дурно пахло, с изредка прорывающейся прежней улыбкой. Общение с ним уже не доставляло никакого удовольствия. А с Танюшей, она взяла отпуск на несколько дней, мы замечательно проводили время. Много и с удовольствием гуляли по Балтимору, крупнейшему приморскому городу штата Мэриленд, знакомились с его достопримечательностями, такими, как Кафедральный собор Девы Марии, Малая базилика Вознесения Девы Марии и Мемориал Вашингтона. Но самое большое впечатление на

нас произвёл памятник жертвам Холокоста.

В каменном пламени в ужасных муках извиваются человеческие тела, образуя страшные колючие ветви обгоревших скелетов. Авторам памятника, мне кажется, удалось найти впечатляющую горькую дорожку к сердцу каждого.

Оказалось, что неподалёку от Тани живут мой друг детства Миша Гинзбург и его милая и мужественная супруга Нина. Оба они работа-

ют буквально с самого начала своей иммиграции. Теперь живут в собственном небольшом доме и пасут в свободное

от работы время любимых внуков. Мы были приглашены к ним на обед, но, когда увидели ломящийся от разных вкусовностей стол, я невольно спросил, когда же они успели всё это сотворить (оба только пришли с работы). Они объяснили, что всё это было куплено по дороге домой в ближайшем русском кулинарном магазине. Мы были поражены разнообразием и качеством. Вечер прошёл в общей беседе и наших с Мишей воспоминаниях о «делах давно минувших дней», что по реакции окружающих было интересно не только нам. Поздно вечером мы вернулись домой, где нас встретил мрачный Эдик и стал приставать к Тане с дурацкими вопросами, из чего было ясно, что он на хорошем подпитии. Возня с ним продолжалась до глубокой ночи. Впоследствии с каждым днём Эдик становился всё менее управляемым и деградировал всё больше и больше. Развязка наступила через год. Однажды Таня, рано проснувшись, чтобы идти на работу, увидела Эдика в гараже в очень пьяном состоянии. Она осторожно спросила, что бы это значило. В ответ тот набросился на неё и стал душить. На Танины крики прибежал Максим, отбил маму и вызвал полицию. Дальше всё происходило почти автоматически по законам демократической страны. Полиция зафиксировала свершившееся, сняла побои и передала дело в суд. Эдик получил пять лет тюремного заключения. Спустя два года американский суд принял решение о высылке его назад в Украину. Так грустно закончилась их совместная жизнь. Я думаю, что у него, с одной стороны, просто не хватило ума оценить возможности, которые так щедро предоставляла Америка, а с другой – не хватило элементарной воли начать новую жизнь в этой стране.

Последнюю неделю в Америке мы провели в Чикаго, куда нас пригласили Ольга Смирнова и Миша Пеклин. Они живут в живописном пригороде Чикаго – Либертивилле. Кроме того, у них есть ещё загородный дом на Женевском озере. Как это ни странно, но так называется очень красивое озеро в часе езды от Чикаго. Всю неделю, которую мы побыли у Оли и Миши, мы буквально купались в тёплых волнах их гостеприимства. Они показывали нам достопримечательности Чикаго, угощали нас изысками своей и не

своей кухни и свозили нас в городок Вилметт, расположенный недалеко на севере от Чикаго. Там пятьдесят лет тому назад был возведен Бахаистский храм – белоснежный дворец, украшенный тончайшей резьбой по камню, с огромным кружевным куполом. Его внешний облик просто излучал мягкий белый свет, а интерьеры способствовали удивительному душевному умиротворению.

О бахаизме тогда я услышал впервые и был потрясён мудрыми гуманистическими постулатами этой молодой религии. Вера Бахаи зародилась в середине XIX века. Её основатель Бахаулла, мыслитель и философ из Персии, провозгласил единство Бога, единство религий и единство человечества. Приверженцы бахаизма верят не только в общее начало всех религий, равноправие полов, гармонию науки и религии, но и выступают за мир во всем мире и всеобщее образование. Мне кажется, что под этим может подписаться каждый здравомыслящий человек. А на десерт Ольга и Миша организовали рыбалку на Женевском озере. Это было что-то! Вот уж когда отвёл я и без того ими обласканную душу. Подошёл последний день нашего пребывания в США. Очень было грустно покидать наших молодых друзей, но когда слишком хорошо, то это хорошо не слишком. Невольно приходит на ум строчка из песни Майи Кристилинской: «Неужели это мне одной?» Наш самолёт вылетал из Чикагского международного аэропорта О'Хара. Уже сидя в самолёте, я попытался проанализировать всё нами увиденное и услышанное. И вот к каким выводам я пришёл. Государство Соединённые Штаты Америки заслужило у своих граждан такую искреннюю любовь и признательность, что их звёздно-полосатые флаги на каждом доме – не показной патриотизм, а внутренняя потребность. Пусть это не покажется странным, но во время наших гостей и застолий первым тостом часто звучало:

«За Америку!» Большое впечатление на нас произвело и то, что все наши друзья, приятели и родственники работают. В отличие от социальной системы в Германии, позволяющей плодить бездельников среди людей вполне трудового возраста, в Америке находят работу все, кто этого хочет. При этом на задний план уходят такие соображения, как возраст, плохое знание языка и прежнее место жительства. Есть только один решающий фактор – может или не может претендент выполнять поручаемую ему работу.

Пришло в голову ещё одно не столь существенное, но приятное наблюдение. Во всех городах и весях, где мы побывали, мы наталкивались на русские кулинарные магазины, в которых предлагаемый ассортимент мог бы удовлетворить требованиям самой взыскательной хозяйки и любые капризы гурманов. И всё это по вполне доступным ценам. Нам оставалось только пожалеть, что в Германии мы этого лишены. Но, очевидно, на это существуют какие-то объективные причины. А жаль! Очень облегчает и украшает жизнь.

За время нашего пребывания в Америке мы повстречались с большим количеством близких нам людей, с которыми нам было интересно, тепло и душевно. И вот сам по себе возник самый важный вывод – только с годами начинаешь по-настоящему ценить встречи и сердечное общение с родными, друзьями, коллегами и просто добрыми знакомыми. Это и есть истинное богатство!

После возвращения к родным пенатам несколько дней у нас ушло на адаптацию к изменению часовых поясов. Мы готовы были смежить веки в самое неподходящее время. Любопытно, что перелёт из Европы в Америку не требует серьёзной перестройки организма, а назад – приходится мучиться. И так всегда. К этому присоединилось ещё и головокружение от незабываемых впечатлений, оставленных нашей поездкой.

В августе в помещении спортивно-концертного комплекса Ланксесс Арена должен был состояться долгожданный концерт Анны Нетребко и Роландо Виллазона, но вместо заболевшего Виллазона выступил Марсело Альварес. Замена была явно не равноценной. Фантастический вокал и

артистизм Нетребко резко контрастировал со средними вокальными возможностями аргентинского тенора.

Теперь несколько слов о поразительном современном архитектурном сооружении – Ланксесс Арене. Этот зал из стекла и металла вырос в центре города буквально на наших глазах. Он был построен за 18 месяцев и сдан в эксплуатацию в 1998 году. Зал, рассчитанный на 20 тысяч зрителей и оснащённый по самому последнему слову техники, позволяет присутствующим всё видеть и слышать из любого места. В нём, кроме самых крутых концертов, проходят ответственные спортивные мероприятия.

26 августа пришло печальное известие из Киева – умер Фима Левин. Ушёл из жизни светлый человек, человек широкой и щедрой души. Ефим Маркович фактически всю жизнь проработал в одном из управлений треста «Южатомэнергомонтаж». Сотрудники этого управления первыми были брошены на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы. Так что информацию о всём ужасе свершившегося 26 апреля 1986 года мы получали из первых уст. Дружескими отношениями с Левиным, обаятельным и образованным человеком, мы обязаны Осе и Зоре Черкасским, для которых Фима был, пожалуй, самым близким другом.

В сентябре в Кёльн прилетели из Америки Миша и Нина Гинзбурги. У них, кроме нас, здесь живут друзья, у которых они и остановились. Но один день мы провели вместе. Сначала я повёл их на экскурсионную прогулку по городу, а потом мы все вместе вернулись к нам домой, где нас ждала Танюха с праздничным обедом.

В октябре по приглашению Жени мы провели три незабываемых дня в Эдинбурге. Женя снял номера в отеле в центре на Принсис-стрит – главной улице города, откуда был прекрасный пешеходный доступ ко всем самым значительным достопримечательностям Эдинбурга. Кроме того, в городе функционируют двухэтажные туристические автобусы с прекрасным экскурсионным сопровождением на основных европейских языках, и в том числе на русском, чем мы не преминули воспользоваться.

Мы в Эдинбурге

Старый город расположен на склонах горы, которую увенчивает каменная корона Эдинбургского замка. С башен замка можно созерцать роскошную панораму города и его окрестностей. Рядом с Эдинбургским замком находится аббатство и дворец Холирудхаус.

Забавно было видеть уличных шотландских музыкантов, оглашающих окружающее пространство душераздирающими воплями волынок, а килты и сегодня здесь являются атрибутами повседневной жизни.

Гастрольная осень 2007 года подарила нам яркую гирлянду театрально-концертных представлений. В оперном театре мы слушали оперу Моцарта «Женитьба Фигаро» и две одноактные оперы «Кавалерия Рустикана, или сельская честь» и «Паяцы» Пьетро Масканы и Руджиеро Леонкавалло соответственно. В них с блеском пел аргентинский тенор Хосе Кура.

В городском театре Зигбурга Константин Райкин представил публике моноспектакль по пьесе Патрика Зюскинда «Контрабас». Это практически двухчасовой монолог одинокого человека, у которого единственное, что есть в жизни, – его контрабас. Выдающаяся игра Райкина заставляет зрителя два часа следить, затаив дыхание, за филигранной работой этого грандиозного актёра.

В декабре в Кёльнской консерватории состоялась серия юбилейных концертов в связи с 60-летием Захара Брона. Играли его друзья-профессора, сегодняшние ученики и птенцы, давно вылетевшие из его гнезда и ставшие выдающимися скрипачами современности. Игру всех их отличает безукоризненная техника и знаменитое Броновское звучание. Но, как говорят немцы, Новый год уже стоит у дверей (Ноес яр штейт фор ди тюр). Мы с Танюхой решили остаться дома и встретить его вдвоём. Танюша приготовила какие-то

вкусные блюда, и мы, как обычно, по очереди отмечали Новые годы родных для нас часовых поясов. В 23⁰⁰ мы подняли бокалы вместе с Украиной.

Пять минут спустя Таня с «изменившимся лицом» тихо сказала, что она выбросила вместе с мусором свои ключи от дома. Наступила мхатовская пауза. Я предложил ещё поискать в доме по сумкам и карманам. В ответ Таня сказала, что она всё уже тщательно проверила, и единственное, что остаётся, это идти на улицу и порыскать в мусорном контейнере. Делать нечего – пошли. Выйдя из дома, мы увидели массу людей, вышедших с петардами, чтобы традиционно фейерверком достойно приветствовать приход европейского Нового года. Мы сделали незнакомый цвет лица и, вытащив контейнер, стали педантично в нём ковыряться. Вокруг нас рвались праздничные заряды, но мы с упорством, достойным лучшего применения, продолжали своё грязное дело, лишь изредка радуясь вспышкам ярких букетов салюта. Только добравшись до дна, мы поняли, что в контейнере наших ключей не было. Понутив головы, под недоуменные взгляды соседей мы проскользнули в дом и с горя выпили в память о безвременно ушедших ключах. Но настроение было испорчено. Дело в том, что потерянные ключи влекли за собой смену замков во всех квартирах, что стоит немалых денег. Однако, вспомнив, что утро вечера мудренее, мы пошли спать. И действительно – утром Таня нашла ключи в кармане фартука. С Новым годом, товарищи!

2008 год

Итак, мусорные проблемы мы оставили в прошлом, а в наступивший год въехали, что называется, с чистого листа. В Вуппертале во время рождественских и новогодних праздников открылась большая выставка горячо любимого нами Огюста Ренуара. Пришлось отстоять около двух часов в не очень подходящих погодных условиях, но, когда уже казалось, что дальше терпеть нет сил, нас впустили в здание музея. Страдания были с лихвой компенсированы представленной экспозицией. Его полотна – это торжество оптимизма и жизнелюбия, гимн природе и человеку. Когда-то Танюша собирала марки по теме «живопись», где приоритетное место отводилось маркам с яркими картинами Ренуара.

Серию посещений выставок мы продолжили в Кёльнском музее Вальрафа-Рихарца, где были представлены работы выдающихся мастеров эпохи итальянского возрождения. Позднее в очередной раз мы побывали в соседнем с Кёльном городке Брюле, который знаменит такими достопримечательностями, как дворец Аугустусбург и охотничий замок Фалькенлуст. В Брюле и его окрестностях находятся музей художника Макса Эрнста и крупнейший в Германии парк развлечений – «Фантазиаланд». Дворцовый комплекс, расположенный в красивейшем ландшафтном парке, был построен по распоряжению архиепископа и курфюрста кёльнского Клеменса Августа в середине XVIII века. Когда в 1809 году французские войска завоевали прирейнские земли, Наполеон, увидев дворец Аугустусбург, был очень раздосадован, что не может перевезти его во Францию.

Музей Макса Эрнста, всемирно известного представителя авангардного искусства (дадаизм и сюрреализм), был открыт в Брюле ещё в 2005 году, но только сейчас мы выбрались его посмотреть. Я не могу сказать, что это мой художник, но многое из представленного там мне было интересно.

На сцене Леверкузенского Форума мы посмотрели антрепризу Анатолия Воропаева по пьесе Ива Жамиака «Бумеранг». В спектакле были заняты такие яркие мастера сцены, как Татьяна Васильева, Татьяна Кравченко и Валерий Гаркалин. Бесхитростный сюжет, типичный для комедии

положений, оживлялся исполнительским талантом актёров. При этом, к сожалению, нам ни на минуту не удавалось забыть, что мы присутствуем на антрепризном спектакле.

Весна и начало лета прошли у нас под знаком Гиппократа. После того, как у меня была обнаружена фибромиалгия, стало ясно, что традиционная медицина с этим диагнозом справляется плохо. Начался поиск подходящей альтернативы. В результате я оказался в руках очень интересного врача Фолкера Майснера, в недавнем прошлом служившим врачом в одной из частей бундесвера, а, выйдя на пенсию, занявшегося новым направлением нетрадиционной медицины – энергомедициной. На меня сильное впечатление произвело сделанное им первичное компьютерное обследование. Доктору удалось не только установить проблемные области моего организма, но даже назвать некоторые события моей жизни, которые, по его мнению, могли сейчас влиять на моё самочувствие. В частности, он сказал, что в молодости я перенёс какое-то серьёзное инфекционное заболевание (в 18 лет у меня был инфекционный мононуклеоз), а десять лет спустя пережил тяжёлый стресс (операция Ирочки), и что с этими двумя факторами он не сможет справиться, но гарантирует эффект от общей чистки и стимулирования организма. Курс продлился чуть более полугода. Раз в месяц я приезжал к нему в Кёнигсвинтер, где подвергался компьютерному обследованию, иглотерапии и получал на месяц вперёд выписанные из Голландии очередные энергетические пилюли. Вся эта процедура стоила немалых денег, но по главной моей проблеме ощутимого эффекта не принесла. Параллельно в мае в глазной клинике Бад-Годесберга мне проделали операции катаракты на обоих глазах. Всё прошло благополучно, но всё же иногда я скучаю по родным хрусталикам.

На этом мои ремонтно-восстановительные процедуры не закончились. В июне моя грудь покрылась не только веснушками, но и какими-то новообразованиями, которые врач-дерматолог определил как рак кожи и предложил немедленно с ними расстаться. Поскольку они для меня не представляли практической ценности, я легко согласился.

К счастью, после гистологического обследования было установлено, что это базалиомы, или так называемый белый рак, не дающий метастазов. Теперь я, подремонтированный и очищенный от скверны, смог вновь вернуться к радостям земным.

Совершенно неожиданно мы попали на концерт Земфиры, который проходил в огромном (на 2000 человек) караван-сараяе «Палладиум», где лишь треть зала была с местами для сиденья. Народу было невпроворот. Мы с Танюшей сидели сзади, несколько пришибленные общим энтузиазмом. На сцену буквально ворвалось миниатюрное существо, затянутое в простую чёрную одежду, без видимого макияжа, и началось чудо! Уже спустя всего 2 – 3 песни под действием её чарующей магии мы были вовлечены в этот общий кипящий котёл. Её странные, завораживающие тексты окунали в мир удивительных ассоциаций и аллюзий. И я, старый хрен, а нужно сказать, что зрителей нашего возраста, кроме нас, разумеется, больше не было, бросился вперёд в стоящую толпу молодёжи и вместе с ними стал размахивать руками, и даже что-то подпевать. Потом под удивлёнными взглядами стоящих рядом я опомнился и, стыдливо потупив взор, поплёлся на место. Но свой заряд удовольствия успел получить! Тане тоже понравилось, но её реакция оказалась более сдержанной.

В этом году исполнилось 40 лет с момента завершения моей учёбы в Киевском политехническом институте. В связи с этим нами была задумана поездка в Киев. Когда Лена и Саша об этом узнали, они сделали нам предложение, от которого невозможно было отказаться. Ребята предложили перед Киевом на недельку заехать к ним в Москву, взяв при этом все расходы на себя, что, признаюсь, стало решающим. Я уже писал выше о них и говорил о нашем к ним нежном отношении. Итак, сказано – сделано. Мы в Москве. На сей раз капризная московская погода была более чем благосклонна, а ребята щедро тратили на нас своё время, очередной раз выказывая доброе отношение к нам. Мы много вместе гуляли по этому хорошо знакомому нам, но очень преобразившемуся, красавцу-городу.

Наслаждались красотами позднего лета окрестностей Москвы, шастали по кино и театрам. Мы много общались, перемывая косточки бытию вообще и жизни каждого из нас по отдельности. Досталось от нас, как и следовало ожидать, Путину

и всей его клике. Неделя пролетела быстро, и вот уже нас в Киеве на вокзале встречал Аркадий. Дом Ларисы и Аркадия по отношению к нам всегда отличался радушием и гостеприимством.

Но график был очень напряжённым. Ежедневные визиты, а случалось и по два раза на дню. Хотелось повидаться со всеми. Малюги, Куличенки, Смирновы, Черкасские, Скоморовские, Фёдоровы и Затуренские. А ещё день 40-летия окончания института. Наша группа ТМ-29 каждый год

1 сентября собирается у центрального входа главного корпуса КПИ. К сожалению, число приходящих тает, что легко объясняется естественной убылью. «Нас оставалось только трое...». На сей раз пришли двенадцать человек.

С грустью смотрю на эту фотографию, и даже не верится, «как молоды мы были...» Обычно после традиционной встречи у дверей института мы шли куда-нибудь отмечать это событие. Чаще всего это происходило дома у Милы Хазиной. Вот и в этот раз мы отправились к ней. Стол был в складчину подготовлен заранее. Я написал по поводу нашего юбилея стихи на мелодию песни Олега Митяева «Как здорово!», используя её рефрен. Пили, пели, вспоминали. Но почему-то было грустно. Следующий 2012 год унёс ещё четверых. Как говорил тогда Женя Голюк: «Снаряды рвутся рядом». Его снаряд разорвался в 2012 году.

Как-то позвонил Лёшик и сказал, что Юля со своим ансамблем «Новая Голландия» планирует в сентябре приехать в Германию, где им обещали два концерта в каких-то маленьких городках. У меня возникла идея организовать

им ещё одно выступление в Кёльне с небольшой оплатой. Удалось найти помещение, уговорить спонсоров и даже написать статью в газету «Форум» под названием ««Новая Голландия» на немецкой земле», что должно было, на мой взгляд, привлечь людей. Этот прекрасный ансамбль, исполняющий музыку эпохи барокко на старинных инструментах, давно уже завоевал популярность в Санкт-Петербурге. В зале Культурного центра в Порце, как говорится, яблоку негде было упасть. Собравшиеся очень тепло приняли музыкантов из северной столицы.

под это событие замок Штиржин в 25 км от Праги.

21 сентября Бобу исполнилось 70 лет. Из нашей троицы Боб первый достиг этой вершины. Дата серьёзная, и Ахназаровы подошли к этому вопросу как всегда со свойственной им обстоятельностью и щедростью. Они сняли

Всё было тщательно продумано. Гости были приглашены загодя. Почти по Гоголю – «французский посланник, английский, немецкий посланник и я». А если всерьёз, то география приглашённых поражала воображение. Таня (сестра Боба) и Миша – США, Пузя и Люда – Израиль, Давидовичи – Молдова, Добровольские – Испания, Кунины и мы – Германия. Ну а сами Ахназаровы и Танина сестра Наташа с мужем Геной представляли Россию. Юбилейное застолье проходило под живую музыку, прерываемую лишь потоком поздравительных тостов в стихах и прозе. И я, смущаясь присутствия столь знаменитого писателя, всё-таки прочёл свои стишата, но мои волнения оказались напрасными.

Общая реакция превзошла мои самые дерзкие ожидания, а Владимир Владимирович Кунин сказал, что после моих стихов он стесняется зачитывать свой текст. Авторское тщеславие было полностью удовлетворено.

*Золотаревские**Ахназаровы*

На каждый день были запланированы интересные экскурсии. Мы были участниками многочасовой экскурсии по Праге, побывали на Пльзенском пивзаводе и посетили сверкающий замок Глубока-над-Влтавой, «чешский Виндзор». Всё происходящее во время этой пражской осени оставило приятное и незабываемое послевкусие.

В октябре к нам снова приехала труппа Романа Виктюка. На сцене Неандертальсхалле в Метманне состоялся очередной театральный бурлеск Виктюка. Давали (забытая фигура речи) пьесу Азата Абдуллина «Нездешний сад. Рудольф Нуриев». В 1993 году во Флоренции Виктюк поклялся смертельно больному Нуриеву, что обязательно поставит о нем спектакль, и вот он выполнил своё обещание. Нуриев в исполнении Дмитрия Бозина выглядит языческим богом. Его пластика восхитительна. Он – само

воплощение секса. И пусть всё, как многое в творчестве Виктюка, гипертрофированно и даже на грани фола, но это всегда ярко, по-настоящему театрально, а потому незабываемо. После трёх лет испытательного срока (пробежайт) Дима и Таня оформили свои отношения. Теперь предстоял переезд в Ганновер, где они подыскивали себе квартиру.

Театрально-концертный сезон 2008 года мы закрывали потрясающим концертом, состоявшимся в центральном нефё Кёльнского собора. В исполнении Лимбургского симфонического оркестра, хора и солистов прозвучал «Реквием» Вольфганга Моцарта. Только представьте себе, великая музыка в прекрасном исполнении под сводами грандиозного готического собора! Под впечатлением услышанного я написал статью в газету «Форум», которую назвал строчкой из песни Юрия Визбора «Какая музыка была, какая музыка звучала!»

Приближались новогодние деньки. Мы решили, начиная с этого года, приобретать в дом нечто существенное, как символ продолжения активной жизни. На сей раз мы заменили наш старый громоздкий телевизор «Грюндик» на современный плоский фирмы «Техвуд».

Впервые решили встретить Новый год в складчину. Происходило это в помещении балетной школы Инны Алексеев, с которой я был знаком ещё с газетных времён. Народу собралось человек двадцать. Общими усилиями был накрыт изобильный стол. А дальше всё покатило по накатанному. Тосты, танцы и даже художественная самодеятельность. Несколько разрядил обстановку выход на традиционный силвестровский фейерверк. Было ощущение, что на набережную высыпал весь Кёльн. С трудом удавалось уворачиваться от разрывов разнообразнейших петард и пробок от открываемых бутылок зекта (немецкое игристое вино). Мы тоже посылно приняли участие в этом бедламе. С Новым годом, товарищи!

2009 год

К этому 11 января мы начали готовиться месяца за три. Ведь ещё никогда мне не исполнялось 70 лет. Предвидя предстоящие внеплановые расходы, я ещё с середины 2007 года, используя свои преференсные дивиденды, стал собирать необходимые средства. К чести моей надо сказать, что мне это полностью удалось. В поисках подходящего заведения мы обошли довольно много точек капиталистического общепита и остановились на маленьком ресторане с индийско-еврейским уклоном и манящим названием «Камасутра», расположенном в центре города на площади Барбароссы. Владельцами была супружеская пара (он – индус, она – еврейка), переехавшие из Москвы ради спасения своих темнокожих детей от распоясавшегося торнадо яростного российского национализма. В соответствии с нашим устоявшимся менталитетом мы договорились, что все напитки привезём с собой. Удалось также уговорить владельцев ресторана, чтобы, кроме нас, никого в этот вечер не было. Всем приглашённым заранее были разосланы мандаты участников юбилейного мероприятия.

***Мандат участника юбилейной конференции
«Ещё не вечер!»***

7

*Девиз звучит не слишком мудро.
Но это факт – ещё не вечер!
И хоть уже давно не утро,
Пусть в этот вечер нас излечит
От всех недугов «Камасутра».*

*Мы просим дорогих гостей –
Родных нам близких и друзей
Пожаловать на юбилей.
А об отказе нет и речи.
Внизу стоит и место встречи,
И время, точный адрес, дата.
Вход при наличии мандата.*

Мы ждём вас 11 января 2009 года в 17-00 в ресторане «Kamasutra» по адресу Weyerstr. 114 (am Barbarossaplatz)

В результате, кроме нашего самого близкого кёльнского окружения, из Израиля прилетел Пузя, из Балтимора – Тая и из Санкт-Петербурга – Лёшик.

В честь юбиляра звучали лестные поздравительные здравицы в стихах и прозе, а мои карманы разбухли под напором врученных конвертов (такова традиция). Виновником торжества были подготовлены стенды с забавными фотографиями, повествующими о жизненном пути юбиляра и его ближайшем окружении. Вечер прошёл весело и непринуждённо. Довольными остались не только гости, но и утомлённые повышенным вниманием хозяева приёма.

Неожиданно в самый разгар веселья пришла в голову мысль – а ведь мне пошёл восьмой десяток. По-моему, именно этот момент удалось запечатлеть удачливому фотографу.

Неудержимо бегущие годы оказались значительно резвее моего сознания. А любовь к жизни во всех её проявлениях отказывалась примириться с неутешительными паспортными данными. Приходилось принимать возраст как награду за прожитые годы, и жить дальше («Живём дальше!» – мой слоган последних лет), успешно (пока) преодолевая возникающие противоречия.

Хоть и говорят иногда, что у кого-то была красивая старость, но чаще всего старость – это некрасиво. По мне тут, точнее и тут, с замыслом Всевышнего нельзя согласиться. Зачем человеку, высшему существу в природе, почти всегда так уродливо, а порой и мучительно уходить из жизни? Эта мысль не

даёт мне покоя. Стыдно признаться, но я не люблю некрасивых, толстых и ущербных. Нет во мне ни жалости к ним, ни милосердия. И это притом, что я сам так далёк (мягко говоря) от совершенства. Поэтому я не люблю смотреться в зеркало. Однако старость, как и всякая медаль, имеет две стороны. С одной стороны, чем дальше в лес, тем больше всяческих неприятностей, связанных со здоровьем, точнее с нездоровьем. Помимо благоприобретенных хронических недугов и внезапных болячек, организм настойчиво напоминает о разнообразных внешних признаках своего угасания. Интенсивно выпадают волосы там, где хотелось бы их иметь, зато они бурно растут в тех местах, которые для этого вовсе не предназначены. Кожа лица и рук, помимо привычных веснушек, получает дополнительный декор за счёт печёночных или старческих пятен (лентиго). Мышцы разных частей тела становятся настолько дряблыми, что щёки и подбородок своими обвисшими брылами напоминают морду лица одного знакомого мне бульдога. Привычная лёгкая походка сменяется шаркающими шажками, интуитивно прощупывающими мнимые дефекты дороги, но беспечно пропуская действительно подстерегающие неровности. А что уж говорить о слабеющей памяти! Склероз крепчал! Жёсткий диск мозга прочно сохраняет память прошлого, а оперативная память, которая должна удерживать сегодняшние события, оставляет желать лучшего. При этом у меня, человека с хорошим музыкальным слухом, появилась странная проблема – далеко не всегда могу воспроизвести даже хорошо знакомую мелодию. Раньше ни музыкальная память, ни аппарат воспроизведения меня не подводили. А теперь вот такое... Зато малейшую фальшь других слышу сразу. Есть ещё одна особенность, свойственная большинству пожилых людей. Чем старше становится человек, тем больше он теряет свою эмоциональность, приобретая не свойственную ранее чёрствость. Я думаю, что такое понижение болевого предела души является естественной защитой ослабленного старостью организма. Так, очевидно, задумано природой. Но самый страшный недуг, который приносит старость, – это угасание желаний. С болезнями можно более

или менее успешно бороться при помощи медицины, а при этом недуге медицина бессильна. Спасают только собственная воля и бескомпромиссная борьба с одним из семи самых тяжких смертных грехов – унынием. Зато, когда удаётся с этим справиться, начинаешь получать удовольствие даже от таких признаков старости, как ухудшение зрения или слуха. Тут, наконец, мы добрались до обратной стороны медали. И что ж, что плохо видишь, зато всё вокруг красиво, практически без недостатков! И что ж, что плохо слышишь, зато удаётся пропускать, как говорится, мимо ушей посторонние звуки и злобное шипение недругов. А обрушившаяся прорва свободного времени даёт возможность жить без режима, никому не подчиняясь, заниматься любимым делом (безделием) и испытывать радость от самого факта существования. Нужно продолжать жить, наслаждаясь каждым новым днём, не торопясь на свидание к беспринципной девушке с косой. С удовольствием вспоминаю афоризм друга моего папы Владимира Яковлевича Александрова: «Старость – это крупная личная неприятность, но нужно жить в мире со своим возрастом».

Ну всё, хватит! Пора вернуться вновь к описанию отдельных наиболее ярких эпизодов нашего иммигрантского бытия. В середине марта к нам прилетели из Нью-Йорка наши друзья Лариса и Лёня Турецкие, чтобы отпраздновать наше совместное с Лорой 130-летие (у неё 17 марта юбилей – 60 лет). По их просьбе мы зарезервировали в ресторане отеля «Маритим» столик у окна с видом на Рейн и Кёльнский собор. На верхнем этаже под светящимся потолком в стиле Тиффани расположен роскошный ресторан «Bellevue», полностью оправдывающий своё название. Действительно, с мест, где мы сидели, открывался восхитительный вид на ночной Рейн и старый город. Мерцающие свечи на столе и загадочно освещённые силуэты Кёльнского собора и церкви Святого Мартина за окном придавали нашему застолью особую торжественность. Этот антураж, прекрасное настроение, знаменитый мозельский рислинг Spätlese (выбором вина, как заправский сомелье, руководил Лёня) и утончённая кухня (фуа-гра, лобстер, бараньи и говяжьи медальоны)

сотворили настоящее чудо.

Юбиляры излучали неподдельную радость. Праздник получился на славу!

Но, к сожалению, наши гости уже на следующий день улетали восвояси. Немного скрашивало нам предстоящие будни осознание того, что уже через несколько дней мы будем слушать в филармонии одного из самых техничных и самых умных российских пианистов Бориса Березовского в сопровождении оркестра Гюрцених под управлением Дмитрия Китаенко. Это было поистине грандиозно. Уверен, что Бетховен и Лист, Чайковский и Равель не смогли бы придраться к его исполнению. В игре Бориса Березовского виртуозность и эмоции, дисциплина и страсть образовали драгоценный сплав, который выгодно отличает его от других великих пианистов.

В ночь со 2 на 3 апреля на 54-том году жизни ушёл из жизни Алёша Парщиков (Рейдерман) – большой русский поэт, лауреат многих премий, один из основателей литературного течения метареализм (метафизический, или

метафорический реализм). А если отбросить наукообразие, то на самом деле его стихи были такими яркими, образными и метафоричными, что, читая их, ты погружался в волшебную страну ассоциативного мышления элитарной поэзии. Иосиф Бродский в письме к нему писал: «Алёша, Вы – поэт абсолютно уникальный по русским и по всяким меркам масштаба». Мы познакомились с Алёшей на курсах немецкого языка. Это был умный, глубокий и очень нежный человек. И вот теперь это всё кончилось... Горько.

Последние дни мы жили в приятном ожидании поездки в Ганновер к Диме и Тане. После их переезда из Хильдесхайма и Магдебурга мы получили приглашение к ним на новоселье, но оставались ещё нерешёнными ряд организационных и обустройческих вопросов. Наконец все препятствия были преодолены. 4 апреля (день рождения папы) за нами заехал Дима, и мы тронулись в Ганновер. Машина была загружена до предела. Почти 500 кг едва живого веса (Ира, Марат, Таня, я и Дима) и полный багажник всякого рожа.

Доехали до Ганновера без приключений, а дома нас ожидали Таня, вкусный ужин и добрейшее существо старушка

Гера – курцхаар. Квартира расположена недалеко от центра города в приятном зелёном районе, но её ещё предстояло окончательно обустроить и обуютить. Наутро Димка нас всех повёз осмотреться по городу, а следующей целью был небольшой городок Целле (невольный каламбур) недалеко от Ганновера. Это очень симпатичный немецкий провинциальный город, центр которого застроен сохранившимися фахверковыми домами XVII – XVIII веков. При ярком солнце, а надо сказать, что погода все дни нашего там пребывания была прекрасной, фасады этих средневековых жилищ переливались всеми цветами радуги. На следующий день мы уже самостоятельно пошли завоёвывать город и осматривать его достопримечательности, предварительно получив об этом необходимую информацию по Интернету. Объектами нашей неуёмной любознательности были живописные берега озера Маш и реки Лайн, на которых по-хозяйски расположились три сверкающие фигуры американской художницы Ники де Сент-Фалль. Великолепна центральная часть старого города с её Рыночной площадью, церковью и старой ратушей. Прекрасны Королевские сады с оранжереями орхидей, камелий и другими экзотическими растениями. Впечатляет Новая Ратуша и Ганноверский университет. На обратном пути мы заглянули в его главный корпус (XVIII век). Утром следующего дня отправились осматривать Новую Ратушу (1913 год). В её роскошном вестибюле с широкими мраморными лестницами установлены четыре подробных макета города, начиная со средневекового (1685 год) и заканчивая сегодняшним днём. Страшное впечатление производит вид Ганновера после ковровых бомбардировок города в 1945 году. Город практически был стёрт с лица земли. По удивительному стечению обстоятельств почти невредимой осталась только Новая Ратуша. Половину следующего дня мы пробыли в Горном саду, наслаждаясь причудливой красотой и фантастическим разнообразием флоры. Пообедали в городе, а после приезда Димы с работы сели в машину и умотали в Кёльн.

Однако главным событием весны этого года была моя поездка в Израиль на 70-летний юбилей Пузи. Я полетел

один, с одной стороны в силу наших скромных финансовых возможностей, а с другой – из-за Таниного страха перед разными палестинскими угрозами. Это её ощущение, на мой взгляд, носило скорее подсознательный характер, но с этим нельзя было не считаться. От Кёльна до Праги 3,5 часа лёту, а от Праги до Тель-Авива – 1,5 часа и 3 часа ожидания между рейсами. Я воспользовался услугами Чешских авиалиний по соображениям экономии («а гадость пьём из экономии»), что предусматривало пересадку в Праге. Был поздний вечер, и самолёт взмыл над Прагой, взяв курс на Тель-Авив. Под нами расстилался ночной город. Какое это праздничное зрелище! Безграничное поле разноцветных огней, рассекаемое множеством сверкающих застёжек-молний автомобильных дорог. В 5 утра я уже тискал Пузю в своих объятьях. Дома нас встретила Людочка, мы позавтракали и решили пойти с Пузей поздороваться с морем. Город поражал сверкающей белизной его архитектуры, широкими проспектами и яркими красками цветущих экзотических кустов и деревьев. Омрачала лишь горькая черта ашдо-ских домов – комнаты-бомбоубежища с запасом питьевой воды и флуоресцирующими полосами на случай отключения электроэнергии. Тёплое море приветливо встретило нас прозрачными бирюзовыми волнами, игриво украшенными чепчиками белой пены. 28 апреля – день рождения Пузи. Торжественное вручение подарков, завтрак и вновь прогулка к морю, купание и утренние солнечные ванны. Дивная сказка! На 16⁰⁰ назначено праздничное застолье. Люда расстаралась. Было вкусно и обильно. Семейные торжества совпали с Днём памяти павших в войнах за независимость Израиля. В этот день вечером и утром следующего дня объявляется минута молчания. Весь транспорт останавливается, и страна замирает. Это производит сильное впечатление. Новый день по еврейской традиции заступает вечером. Страна отмечала 61-ю годовщину образования государства Израиль – День независимости. Народ высыпал на улицы, десятки эстрадных площадок с разнообразными концертными программами, на людях светящиеся электронные украшения, дети обрызгивали друг друга пенным спреем и

в завершение праздника – великолепный фейерверк. Но самое главное – это лица людей. Открытость, искренность и неподдельная радость. Они любят свою страну и твёрдо знают, что всё в этой стране сделано ими и принадлежит им. Никто этому помешать не сможет. Тьфу-тьфу-тьфу!

Каждый день у нас начинался с моря. А затем, как говорится, третий день пили за здоровье дорогого юбиляра. Сегодня уже в ресторане. 2 мая мы с Пузей поехали на экскурсию по Иерусалиму. Я третий раз в Израиле и в третий раз еду на экскурсию «Иерусалим – город трёх религий». Здесь на каждом шагу сталкиваешься с волнующими отметинами древнейших цивилизаций. В течение многих веков тут пересекались пути Востока и Запада. Для евреев – это страна Торы, страна Авраама и Моисея, для христиан – место деяний и страданий Иисуса Христа, для мусульман – страна, где пророк вознёсся в небо. Камни под ногами – свидетели далёкого прошлого, воздух пронизан дыханием старины глубокой, а бесчисленные памятники древнейшей истории вызывают неподдельный душевный трепет. Я стоял у Стены и дрожащими руками втискивал, сам себе удивляясь, в щёлку между камнями заранее приготовленную записку, в которой просил Бога о помощи (уж больно достала меня моя болячка). На следующий день у нас была экскурсия в Хайфу и Акко. Хайфа произвела большое впечатление своими Бахайскими садами и монастырём кармелитов. Два года назад, будучи в Чикаго, мы посетили фантастический по красоте Бахайский храм, где нам сказали, что главная их святыня – Всемирный центр Бахаи – находится в Хайфе. Это и есть сады.

Красота, плохо поддающаяся описанию. Как раз посередине 19 террас находится святилище Бахауллы – основателя религии Бахаи. В городе Акко великолепно сохранилась средневековая крепость крестоносцев. Город с тех

пор практически не изменил свой облик. И, если представить себе, что вместо современных машин по улицам скачут всадники и плывут караваны верблюдов, то вполне ощущаешь себя в гостях у средневековья.

Ночью проснулся от непривычной жары, глянул на термометр и поразился – было 34 градуса. В город пришёл хамсин – ветер из Сахары. Это поразительное природное явление наваливается на Израиль около 50 раз в году. Сухая жара (до 40 градусов) и обжигающий ветер, несущий мелкий колючий песок. Ощущение такое, словно тебя обрабатывают пескоструйной машиной. И всё же я уговорил Пузю пойти со мной на пляж. На удивление нас встретило совершенно тихое разморенное море (снова каламбур), разомлевшее, как и мы, от обрушившейся жары. Купались и плавали, с наслаждением спасаясь в воде от хамсина. Выйдя очередной раз из воды, мы обратили внимание, что ветер стих. И уже через полчаса хамсина как не бывало. Снова 26 градусов, и снова тихо, только песок скрипел при каждом движении, набиваясь в самые укромные места тела.

К вечеру я собрал всех своих израильских родственников у Марчевских – Марьямовых. Я с удовольствием повидался с ними. Их отличает израильская громкоголосость и замечательный жизненный оптимизм. На следующий день я поехал в Беэр-Шеву. Там живут друзья Иры и Марата – Лиля Шапиро (она же Мыша) и Натан Гринберг, которые знают меня (по крайней мере Лиля) с 1944 года. По сравнению с Ашдодом Беэр-Шева производит грустное впечатление – грязно, шумно и беспорядочно. На улицах преимущественно арабско-бедуинский контингент. Восток здесь одерживает бесспорную победу над Западом. Наступил день отлёта. Подарки куплены, чемодан собран, прощальное застолье состоялось. Вылет – прилёт прошли без особенностей. В аэропорту меня встречала Танюша. Оказалось, мы очень соскучились. Вроде бы не виделись всего 9 дней (при этом по телефону общались ежедневно), но ощущение было почти трагическим. А увидел дорогую мою, и просто задохнулся от прилива нежности. Наконец я снова дома, в своём, пардон, туалете, в своей постели. И это хорошо!

На 17 мая в Кёльнской филармонии был объявлен концерт Лондонского симфонического оркестра под управлением Валерия Гергиева и выдающегося скрипача, ученика Захара Брона, Вадима Репина. В программе произведения Сергея Прокофьева. Но на концерт ещё нужно было попасть. Для этого я в 14⁰⁰ отправился в филармонию в надежде оказаться в числе счастливицков, которым достанутся входные билеты. Так как в этом деле у меня уже был немалый опыт, я прихватил с собой складной стульчик, чтиво и воду. Ну что сказать о самом концерте? Это было грандиозное слушище! Гениальная музыка в гениальном исполнении! Гергиев дирижировал всем своим существом, исполняя перед послушным оркестром свой вдохновенный мистический танец. От пластического рисунка рук маэстро нельзя было оторвать глаз. Каждый его палец в отдельности и все они вместе были связаны незримыми нитями с оркестром, подчиняя с удивительной лёгкостью вдохновенную игру музыкантов воле дирижёра. Затаив дыхание, зал слушал виртуозную игру одного из лучших скрипачей современности – Вадима Репина. Во втором отделении прозвучала 5-тая симфония, которую автор назвал «симфонией величия человеческого духа». Обезумевшая от восторга публика требовала полной сатисфакции, и добилось своего. На бис были исполнены два фрагмента из оперы «Любовь к трём апельсинам».

В народе как-то связывают месяц май с глаголом маяться. Вот и нам в этом году пришлось помяться, но в хорошем смысле этого слова. Ещё не изгладились из памяти приятные воспоминания о нашей поездке в Ганновер, ещё греют душу впечатления от моего посещения Израиля, а мы уже наострили лыжи для участия в экскурсии по Романтической дороге Германии. Инициатором, организатором и реализатором этой поездки был Толя Андриенко. Он, как всегда, оказался на высоте – всё тщательно подготовил и даже забронировал места в кемпингах. За три дня нам предстояло побывать в восьми городах – от Вюрцбурга до Мюнхена. В салоне его дома на колёсах (мобильваген) уютно разместились Ильяевы, Инна Куроткина, Наташа Суворова, Галя Поташник и Танюха, а я занял место штурмана в кабине

рядом с Толей. Сегодня нас ожидали Вюрцбург и Ротенбург на реке Тауберг. Вечером в кемпинге Толя с обычной для себя лёгкостью сделал чудесное мясо на гриле, а погода, природа вокруг и общее приподнятое настроение сделали своё благое дело.

Приёмы

Я сознательно не описываю увиденное, чтобы не повторять суперлятивные путеводителей. Скажу лишь, что всех, кто не пойдёт «другим путём», а решит поехать именно этим маршрутом, ждёт действительно встреча с прекрасным. «А поутру они проснулись» и двинулись дальше за новыми впечатлениями. Дюнкельсбюль, Нёрдлинген, Донаувёрт и Аугсбург. Все эти города достойны восторженных слов, но опять же наступаю на «горло собственной песни», хотя и не могу молчать, вспоминая красоты предгорий Альп. Красоты неземные! А то, что мы увидели, добравшись до нашего второго приюта, привело просто в неописуемый восторг. Кемпинг размещался у подножья заснеженной горы, которая омывалась бурной горной рекой, а вокруг переливались всеми цветами радуги альпийские луга.

Утро в кемпинге

Ночью над всем этим «разверзлась бездна звёзд полна», да таких бриллиантово-ярких, что искрящееся небо казалось совершенно нереальным. Несмотря на предсказание синоптиков, утро встретило наше пробуждение нежными лучами солнца. После завтрака Толя милостиво дал немного времени для прогулки по этим роскошным местам. Подышали, поглазели и снова в дорогу. Последний день в таких поездках

«трудный самый». Во-первых, нужно досмотреть запланированное, а во-вторых, отмотать оставшиеся 700 км до дома. Наш последний экскурсионный день состоял из двух объектов, но каких! Это всемирно известные Церковь на Визе и замок Нойшванштайн. Подходящих слов нет, поэтому одни восклицательные знаки!!! Домой добрались около двух ночи. Впечатлений масса, и все они прекрасны, если не считать перегрузки, которые мне пришлось преодолевать. И всё же я это выдержал.

В июне мы дважды побывали в оперном театре, где в это время проходили так называемые танцевальные дни. Первым было музыкально-вокально-хореографическое представление «Кармина Бурана» на музыку Карла Орфа. В конце XIX века в Баварии была найдена тетрадь – сборник текстов средневековых немецких вагантов и мейстерзингеров. Эта находка вызвала огромный интерес. Карл Орф написал на их стихи выдающуюся кантату. И вот под эти волнующие звуки великолепный балетный ансамбль из Венгрии своими акробатическими танцами заставил зал сопереживать представленным человеческим страстям. Любовь и ревность, рождение и смерть, предательство и верность – всё это мастерски было выражено пластикой современного танца.

Второй спектакль «Белоснежка» проходил под музыку попури из симфоний Густава Малера. Это было изумительное танцевальное действо. Знакомый всем сказочный сюжет, благодаря таланту и фантазии блестящего французского хореографа Анжелена Прельжокажа, превратил этот вечер в настоящий праздник. Вдохновенная музыка, великолепная пластика танцоров и безудержная выдумка постановщика – всё сложилось в яркое балетное зрелище. Роскошные костюмы к спектаклю сделал Жан-Поль Готье.

На 27 июня мы были приглашены на бракосочетание Дианы Зиберт и Марии Богданов. С ними, единственными из аборигенов, у нас сложились дружеские отношения. Их брак стал возможным только после того, как в Германии были узаконены однополые браки. В 9.40 началась официальная церемония в исторической ратуше. Происходило всё очень

торжественно, хотя и немного забавно. Обычный набор стандартных вопросов представителя мэрии, подписи свидетелей и брачующихся, их страстный поцелуй, завершающий официальную часть церемонии, и горячие поздравления гостей – родных, близких и друзей. Было много людей (около 50 человек). Надо сказать, что собрался настоящий Интернационал. Были представители Польши, Греции, Югославии, России, Украины и, разумеется, Германии. Такой удивительный круг друзей у этих двух замечательных женщин.

По завершении официальной части все желающие совер-

Диана

Мария

шили теплоходную прогулку по Рейну. К 15 часам приглашённые разместились в уютном зале бюргерцентра района Нипес для продолжения торжеств. Столы были накрыты для кофейно-чайной церемонии. В центре красовался пышный свадебный трёхэтажный торт. Во время представления всех присутствующих друг другу мы пили кофе и уписывали этот довольно вкусный торт. Для каждого из присутствующих у виновниц торжества нашлись очень милые и

точные слова. Потом они же комментировали исторические слайды, отображающие страницы их уже более 20-летней совместной жизни. Были и вполне естественные паузы для общения. Играла симпатичная инструментальная группа. В общем, всё было очень мило. Но уже через три часа очень захотелось кушать. «А Германа всё нет». Воспользовавшись моим анамнезом, мы рванули домой. Правда, Мария нас пыталась остановить, рисуя заманчивые картины предстоящего ужина под сладкие звуки греческой музыки. Но мы были неустойчивы. Впереди нас ждал домашний ужин и тосты за здоровье новобрачных.

В июле мне сделали какой-то специальный анализ крови, который дал неожиданный результат. Показатель ревмофактора превысил допустимое значение более чем

в 20 раз. С этого момента ревматологи, два года отказывающие мне во взаимности, признали, наконец, во мне своего пациента, обозвав моё заболевание сперва фибромиалгией, а затем уже ревматоидным полимиозитом. С тех пор я сижу на щадящих дозах преднизалона и химиотерапии. При необходимости добавляю в своё меню ещё и болеутоляющее – диклофенак и живу не тужу дальше. Конец августа – начало сентября мы провели на Итальянской Ривьере в Лидо-ди-Езоло. Нашими партнёрами по поездке были Яша и Тамара Шварцы, приятные в общении, отзывчивые люди. Они приехали в Германию из Кировограда примерно в одно время с нами. Кроме того, наши квартиры оказались в непосредственной близости друг от друга. Поездка автобусом заняла около 20 часов. Наконец дорожные мучения позади, и мы уже в отеле. Здесь при регистрации каждый, кроме ключей от номеров, получил удостоверения с номерами оборудованного места на пляже (лежак и зонтик). Это очень удобно. Комнаты наши оказались рядом, и уже через пару часов мы сидели у Яши и Тамары за столом, отмечая благополучное прибытие. У них, как всегда, всё с собой было. Но после тяжёлого переезда мы рано разошлись по комнатам. А утром пошли на море, которое неожиданно пахло расколовшимся арбузом. Людей на пляже почти не было, поэтому в этот свежий аромат не примешивались ни навязчивые парфюмерные запахи человеческих тел, ни вонь от курева, которую я (или моя печень) последние годы просто не могу переносить. Температура воздуха – 30 градусов, воды – 26. Купание не несёт прохлады, но доставляет большое удовольствие. Все дни стоит отличная погода! Тепло, но не жарко, веет приятный ветерок. Пляж совершенно не утомляет. Танюша старательно следит за временем моего пребывания на солнце, так как ко всем моим прелестям ещё пару лет назад у меня обнаружили рак кожи. Так вот, после двух пустяковых операций мне практически запретили загорать. Приходится это делать украдкой. Вечером, как обычно, сидели у моря, вслушиваясь в убаюкивающее дыхание Адриатики. Небо в постоянном движении, всё шевелится – самолёты, спутники, кометы, и даже луна не стоит

на месте. Нам показалось, что краски Адриатики бледнее, чем краски Средиземноморья. Вода и небо имеют сероватый оттенок (нет изумрудно-бирюзовой глубины моря и яркой синевы неба), а вечернее небо даже почему-то подёрнуто какой-то дымкой. Но это не мешало нам наслаждаться безлюдным пляжем, тёплым ветерком и завораживающим шорохом волн.

В первый несолнечный день мы отправились в Венецию. Удивительный город со сказочной, хотя и эклектичной средневековой архитектурой. Здесь поражает воображение смешение стилей, сменявших друг друга на протяжении десяти веков. В Венеции причудливо переплелись Запад и Восток, Византия и готика Европы, ренессанс и барокко. Мы начали с Дворца Дожей. Роскошь и просторы залов сената и коллегий соседствуют с устрашающей обречённостью камер дворцовой тюрьмы. Светские помещения расписаны выдающимися венецианскими художниками эпохи Возрождения. Это Тьеполо, Веронезе и Тинторетто. Затем мы поднялись, разумеется на лифте, на дворцовую колокольню, где на высоте 60 метров расположена кольцевая смотровая площадка, с которой открывается захватывающая дух панорама города и большей части Венецианской лагуны. Потом, отстояв небольшую очередь, мы попали в собор Св. Марка, ошеломившего нас, несмотря на сдержанное освещение, искрящимся золотом интерьера. Выпив по чашечке крепчайшего реанимационного кофе, мы ещё два часа бродили по мостикам и улочкам старого города. Венеция – это единственный в мире город, в котором не существует колёсного городского транспорта. Все людские потоки перемещаются при помощи гондол по его бесчисленным каналам.

Наш отдых неумолимо приближался к финишу. Яша превратился просто в негра «преклонных годов» еврейского разлива, а я тоже считал себя загоревшим, несмотря на весьма ограниченное время пребывания на солнце, благодаря веснушкам, которые весёлой ржавою гурьбой покрывали моё бледное тело. Обратный путь был ещё более мучительным. Добравшись до своего дома, практически не приходя в сознание, мы рухнули в приветливые объятия своих кроватей.

Вновь потянулись не слишком трудовые будни. Это и чтение книг, и прогулки, и преферанс, и дела библиотечные, и театрално-концертные программы. В филармонии мы были на концерте очень необычной певицы из Израиля Ямин Леви. Обладательница сильного специфического голоса Леви виртуозно владеет искусством редких голосовых модуляций, которые позволяют ей воспроизводить в сефардских песнях тончайшие нюансы мелоса Востока. Мне было очень интересно её слушать. Любопытно, что Ямин Леви начала петь лишь после тридцати лет.

А месяц спустя в зале «Гюрцених» мы слушали Валерия Меладзе. Единственным украшением этого огромного белого зала на 2000 человек являются три люстры, выполненные в виде колец Сатурна. К сожалению, концерт меня огорчил. Я шёл в надежде услышать любимые песни в исполнении одного из любимых мною эстрадных певцов, а на меня обрушилась лавина децибел, умело скрывающая все погрешности исполнения и совершенно лишаящая возможности романтического певца донести до слушателя замечательные песни его брата – Константина Меладзе. Он в какой-то мере заполнил для меня нишу, образовавшуюся после ухода из жизни Валерия Ободзинского, самого выдающегося, на мой взгляд, лирического эстрадного певца. Лишь только три песни – «Актриса», «Красиво» и «Цыганка Сера» – пробудили во мне ожидаемые эмоции.

Кстати, а может быть и вовсе не кстати, сделал там на концерте любопытное наблюдение. В первые годы после нашего переезда в Германию, когда мы приходили на концерты или спектакли, то, по крайней мере, половину зала составляли знакомые нам лица. А теперь – буквально единицы. И я с грустью подумал: «иных уж нет, а те – далече». А с другой стороны, финансовая ситуация получателей социального обеспечения настолько ухудшилась, что многие, очевидно, просто не могут себе это позволить.

Совпадение пятницы и 13-ого числа в Европе считается днём тяжёлым и даже притягивающим всевозможные неприятности. Как раз в такой день мы с Танюшей отправились в Бонн на концерт Александра Малинина. Получили

большое удовольствие. Он исполнил, наряду с новыми, много знакомых любимых романсов и песен. Всё было тепло и душевно. Возвращались домой в приподнятом настроении, и, слава Богу, никаких неприятностей, связанных с этим днём, не случилось. Долой предрассудки!

Продолжая заведенную в прошлом году традицию покупать перед Новым годом нечто существенное в дом, мы, получив по почте рекламу мебельного магазина небольшого городка Рёсрат, решились приобрести там относительно недорогие двуспальную (гостевую) тахту и раздвижное кресло. После непродолжительных переговоров с очень милой продавщицей нам удалось оформить покупку в кредит. Спустя две недели нам всё доставили и установили. Теперь главным моим местом в доме является это кресло-трансформер.

В ноябре мы получили приглашение от Риты Керимовой на её выставку, которая открывалась в Форуме им. Л. З. Копелева. Маргарита Керимова-Соколова (это её полные имя и фамилия), наша добрая и давняя приятельница, красивая женщина и талантливый художник, приехавшая в Германию из Баку, продолжает много и плодотворно работать. Зал был переполнен, и в основном состоял из представителей азербайджанской диаспоры Кёльна. Оказалось, что это не просто выставка, а какое-то пропагандистско-политическое мероприятие с азербайджанским фоном и унылым названием «Между эмансипацией и традицией». Немцы очень любят с высоты своих якобы безупречных демократических позиций разглагольствовать на темы об эмансипации женщин, толерантности взаимоотношений внутри государства и с соседними странами. В дискуссии принимали участие немецкие учёные, журналисты и деятели культуры. Но выяснилось, что в головах у них полнейшая путаница. К иммигрантам из Баку обращались с модными вопросами по исламу, забывая, что большинство прибывших в Германию из Азербайджана приехали по еврейской квоте. Через два часа бессмысленной трепотни мы смогли наконец, добравшись до выставленных работ. Это была её замечательная веницианская серия. В основном мне всё понравилось. Риточка – большая молодчина. Там же был выставлен её новый

каталог, изданный в Баку, с работами последних лет. Мы его получили в подарок с автографом автора. Очень хорошее и солидное издание.

Устойчиво держится тёплая золотая осень. 21 ноября у Иры и Марата 55-ая годовщина их совместной жизни. По этому случаю из Ахена приехал Лёвик, из Ганновера прибыли Таня и Дима с собачкой Герой, а из Питера прилетели Лёша и Саша. Разумеется, были и мы.

Звучали тосты, искренние пожелания, и, как обычно, было вкуснейшее застолье. Мой тост был зарифмован и выглядел так:

О, как измерить счастье, где критерий!?
Ведь всякое бывает в жизни. Но
Господь приговорил вас к высшей мере –
Пожизненно быть вместе суждено.

Пусть не пугает эта перспектива.
Уверен, что и сыновья, и внуки,
Вам осень жизни сделают счастливой,
Взяв с радостью обоих на поруки.

А наши пожелания не новы:
 Достичь бы вам алмазного венца!
 И будьте нам практически здоровы!
 Мы ж с вами до победного конца!

Но главное – это радость общения. Это был день Золотареvско – Берковской любви и дружбы. Так приятно было с ними! Они все (и дети, и внуки) – просто замечательные ребята, хотя и абсолютно разные. Во время общения почему-то пришла в голову странная метафора. Я почувствовал себя мостиком между XX и XXI веком и даже – между вторым и третьим тысячелетием. Причём ещё не совсем тухлявым. А потому «вперёд и вверх, а там...»

На празднование Нового года мы были приглашены Ахназаровыми в Испанию. Полёт прошёл штатно, и вскоре мы оказались в объятиях Боба и Тани. Нас поселили в очень уютной гостинице прямо на берегу моря, волны которого буквально плескались у наших кроватей.

Они притащили с собой напитки, закуски и фрукты. Мы вручили им свои новогодние подарки и до полуночи с большим энтузиазмом отмечали наше прибытие. Утром с большим трудом продрали глаза. С балкона открывался ошеломляющий вид на бирюзовое море и опаловые скалы в

лучах нежного новогоднего солнца (+19 градусов). Гостиница расположена в бухте Лафранк – аристократического пригорода небольшого курортного городка Палафружелъ на побережье Коста Брава. Справа и слева бухта ограждена выступающими

далеко в море крутыми скалами, на террасах которых в тёмно-зелёных пиниевых рощах причудливо разбросаны небольшие отели и виллы.

В 10 за нами заехали Ахназаровы и отвезли к себе, где нас встретили Наташа и Гена, прилетевшие на день раньше. Лёгкая трепотня перешла в серьёзное обсуждение

предстоящего события. Продумывались напитки, доводилось до нужной температуры шампанское (разумеется «Дом Периньон»), нарезались салаты, уютно в блюдо укладывалась приготовленная Бобом фаршированная рыба, но особого внимания к себе требовал 7-килограммовый бледно-розовый поросёнок молочно-восковой спелости. А ещё знаменитый испанский хамон (окорок вяленого чёрного кабана, вскормленного исключительно жёлудями) и перепелиные яйца, разбросанные в художественном беспорядке по толстому слою красной икры. Малые голландцы отдыхают. К девяти часам вечера в каминном зале был накрыт роскошный стол, а народ, облачённый в праздничные одежды, был «к разврату готов».

Проводили, как водится, старый год, затем трижды встретили 2010 год (по Москве, Киеву и Европе). Я же, облачившись в атрибуты Деда Мороза, раздал всем заранее подготовленные новогодние сувениры-символы с соответ-

Новогодняя вечеря

ствующими комментариями. Затем начался уже повальный обмен подарками под весёлые шутки и вспышки фотокамер.

Застолье пошло в разнос. А уже в 4 утра обессиленные от обилия питья и закусок разбрелись по кроватям. Очевидно, от перевозбуждения мне не спалось. Я поднялся, принял душ, выпил чашечку кофе и вышел на балкон, чтобы увидеть первый рассвет 2010 года. Это было прекрасно и символично! С Новым годом, товарищи!

Народ начал появляться из спален лишь после десяти часов – несколько помятый, но празднично настроенный. Снова объятия, пожелания и, как сейчас говорят, речёвки. К обеду были приглашены Добровольские – Марина и Лёня, с которыми мы познакомились на 70-летию Боба. Лёня – обаятельный и контактный человек с широким кругозором и разносторонними знаниями. Марина – очаровательная женщина с тонким юмором и креативным взглядом на всё, что её окружает. Они прибыли аккуратно в назначенное время, и Лёня тут же занялся барбекю, остальные ринулись к закусочному столу.

Опять тосты, снова пожелания и обмен подарками. Тем временем Лёня поджарил дивное ароматное мясо, которое все уписывали с превеликим удовольствием. Вечером Добровольские привезли нас в отель, и мы наконец дорвались до кроватей.

2 января проснулись рано. Бодрые и отдохнувшие. За Танюхой заехали Таня и Наташа, и они, уже теперь втроём, завелись по магазинам, а я остался в номере. Сажу на балконе, греюсь в лучах январского, но средиземноморского солнца и

мурлыкаю от удовольствия. Полная релаксация. На завтра мы приглашены на фуршет к Добровольским, которые временно живут не в Барселоне, а в Палафружеле. В нашем распоряжении оставались свободных полдня. И мы после завтрака пошли осваивать прилегающие территории. Через несколько часов за нами приехали Ахназаровы, и мы отправились к Добровольским. На подступах к дому нас встретил

Лёня, а уже в квартире мы были приветливо атакованы разнообразной милейшей живностью – тремя очаровательными девчонками (внучки Добровольских в возрастном диапазоне от 5 до 15 лет) и двумя собаками – чёрной таксой и огромным золотистым ретривером. И дети, и собаки вели себя весьма интеллигентно. Марина оказалась искусной хозяйкой. Запомнились артишоки в изобретённом Мариной маринаде (пардон) и интернациональный букет сыров. Вечером нас доставили в отель. Таня пошла сразу в номер, а я, вооружившись плеером МП-3, просидел почти два часа у моря. Это было волшебно! Ритмичный шелест агатовых волн, запахи моря, дивная музыка Крутого и чудный голос Хворостовского («Дежавю»). Ну какого ещё рожна можно пожелать! Дни проходят приятно – в общении за столом и вне его.

Отличительной особенностью нашей поездки было отсутствие экскурсионной программы. Это связано с тем, что нас оказалось шесть человек, а машина вмещает только пять. Поэтому всё происходило без спешки, умиротворённо и по-семейному. Один из дней нашими гостеприимными хозяевами был задуман как рыбный. Рано утром на рыбном аукционе Таня и Боб купили 6 огромных омаров и полсотни гигантских креветок. Когда я узнал стоимость этого набора, я подумал, что эти твари станут у меня поперёк горла, но довольно быстро справился со ступором, а потом и с омаром. Запивали хорошо охлаждённым пивом. Было очень вкусно! Вечером поехали (Гена остался дома) в соседний городок Плайя де Аро, где проходил марш трёх волхвов, напомнивший нам Кёльнский карнавал, но по существенно сокращённой программе. Посидели в фешенебельном кафе на центральной улице, поглощая крэпсы с клубникой. Это вроде наших блинов, только размером с диванную подушку. Последний день прошёл под девизом: «Последний но-нешний денёчек гуляю с вами я, друзья!» Прощание было грустным, говорили теперь уже о встрече в Ростове, куда Ахназаровы планируют осенью перебраться. Боб остался верен себе, компенсировав с лихвой все наши расходы по поездке. При всей неловкости этой ситуации я вынужденно с

благодарностью принял его душевную щедрость.

Перелёт в Кёльн прошёл легко. очередной раз с восторгом наблюдал с борта самолёта сверкающие разноцветные огни ночного города. Не знаю картины более красивой, чем эта. По прилёте мы взяли такси и уже к одиннадцати часам были дома. В гостях хорошо (очень хорошо!), а дома всё же лучше. С Новым годом, товарищи!

2010 год

Январь 2010 года оказался богатым на события. Самым неожиданным был, впервые за годы нашего пребывания здесь, приход настоящей снежной зимы. Я с радостью принял этот подарок от тотальной версии глобального потепления к своему очередному дню рождения. «Мороз и солнце; день чудесный!» Погода удивляла и радовала. Пошёл на свои преферансные игрища пешком. Дышал полной грудью и любовался белоснежной одеждой, укутавшей наши окрестности. Деревья стояли в нежно-снежных накрахмаленных морозом кокошниках, а дома были заботливо укрыты пушистыми белоснежными одеялами.

Правда, эта бочка мёда не обошлась без небольшой ложки дёгтя. Меня огорчала необходимость расчищать от снега тротуар и дорожки перед домом. Это записано в нашем квартирном договоре, а силушка по жилушкам давно уже не та.

В январе в рамках фестиваля, посвящённого музыке П. И. Чайковского и М. П. Мусоргского, в филармонии состоялись три концерта оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева. На эти концерты были выпущены абонементы, которые почему-то(!!!) имели скидку на 50% для членов Кёльнской еврейской общины, чем мы не преминули воспользоваться. Очередной раз евреи всех перехитрили. На первом концерте прозвучала 6-ая симфония (патетическая) и отрывок из балета «Ромео и Джульетта» П. И. Чайковского. Всё было здорово! Но главным в этот вечер было исполнение Юрием Башметом концерта Альфреда Шнитке для альта с оркестром. Гениальная музыка в гениальном исполнении! В зале было много нашей русскоязычной публики. Такая светская тусовка мне всегда приятна, но Таня, к сожалению, этого не любит.

На следующий день в первом отделении оркестр вполне

прилично сыграл симфоническую фантазию П. И. Чайковского «Франческо да Римини». Хотя, на мой вкус, несколько жестковато. Кроме того, моё внимание всё время отвлекали валторнисты, которые каждую свободную минуту сливали собственные слюны себе под ноги. Такая особенность этого инструмента. Во втором отделении нам была представлена «Иоланта» в концертном исполнении. Десять солистов, хор и оркестр под руководством маэстро Гергиева слились в безукоризненный ансамбль. Как сказала однажды Р. М. Горбачёва: «Это был просто пир духа!»

Третий концерт был посвящён творчеству М. П. Мусоргского. Волнующе и вдохновенно были исполнены «Ночь на Лысой горе» и «Картинки с выставки». На мой взгляд, М. П. Мусоргский обогнал время по крайней мере на сто лет, явившись предтечей таких великих композиторов XX столетия, как Прокофьев, Шостакович и Шнитке. Во втором отделении прозвучали два его вокальных цикла: «Детская» и «Песни и танцы смерти». Последний, в исполнении очень вкусного баритона Никитина, лёг мне на душу на все 100%. А к циклу «Детская» я отношусь сдержанно. Только колыбельная из него рождает у меня неожиданные и приятные воспоминания моей далёкой юности, связанные с гениальным русским кукольником Сергеем Образцовым, который выступал в концертах с трогательным сольным номером «Колыбельная».

В конце месяца мы с Таней попали на выставку Наташи Шварц – талантливой и очень необычной художницы. Её работы были развешаны в коридорах либеральной партии FDP в городской Ратуше. Наташа представила свои последние работы, выполненные в трудоёмкой манере, требующей колоссального и кропотливого труда. На специальном картоне процарапываются контуры десятков и сотен миниатюрных деталей, а потом вся плоскость картины расписывается масляными красками. Эффект поразительный! Лет десять тому назад мы купили одну из её работ кошачьей серии, которая и по сей день украшает нашу домашнюю галерею. Теперь стоимость её работ выросла в десятки раз, впрочем, вместе с мастерством автора.

Зима не отпускает. Снова идёт снег. Опять нужно чистить дорожки. А не хочется. Написал задуманный накануне «Зимний этюд» и с большой долей неуверенности предложил его газете «Запад-Восток», выходящей в Америке и Европе. Самым для меня неожиданным была их реакция. Мне перезвонила главный редактор европейского выпуска Беттти Герман и, наговорив множество приятных слов, пообещала опубликовать мой пустячок в ближайшем номере. Но ещё раньше текст прочла Танюха, и, как ни странно, ей тоже понравилось, а это для меня крайне важно, поскольку знаю, что в своём отечестве пророков нет.

В очередной раз в Кёльн приехал любимый мною Тимур Шаов. Впервые я познакомился с его песнями лет десять тому назад и с тех пор, как говорится на молодёжном сленге, я фанатею. Врач по профессии, он уже двадцать лет ярко выделяется среди лучших в жанре авторской песни. Шаов всегда актуален, порой по-доброму насмешлив, а порой издевательски ироничен. Он часто и очень уместно использует приём цитирования известных поэтических строчек и музыкальных фраз, что очень украшает его песни. Человек несомненно умный и образованный, Тимур Шаов в своём творчестве затрагивает самые животрепещущие темы и делает это талантливо. Его выступление, как всегда, прошло с большим успехом. Ведь в зале были только те, кто знал и любил творчество Шаова.

7 февраля состоялся второй тур президентских выборов в Украине. В первом я не принимал участия, так как был уверен, что будет второй тур. Теперь, во втором туре, я счита-

тал своим долгом принять участие и проголосовать за Юлию Тимошенко. Избирательный пункт был организован в консульстве Украины в Бонне.

Я отдавал себе отчёт в том, что скорее всего победит Янукович, но не мог примириться с тем, что

во главе Украины станет криминальная марионетка – человек, живущий и действующий по понятиям, путающий слово геноцид с генофондом и называющий А. П. Чехова великим украинским поэтом. Но каждый народ заслуживает своего правителя, и Бог им судья.

Во второй половине дня мы поехали в Хорвайлер, где Толя Андриенко открывал свою выставку. Его работы, выполненные в разнообразной технике – от рисунков пером до масла, отличаются жизнеутверждающим настроением, что вполне соответствует характеру самого автора. В тёплой и дружеской обстановке пили водочку, закусывали украинским салом и фирменными пирожками Инны Короткиной.

Спустя несколько дней побывали в филармонии на концерте оркестра «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова с участием Миши Майского. Просто сказать, что нам очень понравилось, это – ничего не сказать. Мы были в телячьем восторге! Слушали с дурацкими улыбками на устах, периодически с восхищением поглядывая друг на друга. Великие музыканты исполняли музыку великих композиторов – Моцарта, Гайдна, Россини и Боккерини.

Фрау Герман не обманула. В февральском номере газеты «Запад – Восток» мне была отдана целая полоса, где были размещены «Зимний этюд» и статья «Солнцем полна голова», написанная под впечатлением концерта «Виртуозов Москвы» и Миши Майского. Всякий раз, когда я смотрел на опубликованные мои тексты, у меня возникало довольно странное щекочущее ощущение. Поразмыслив, я понял, что это была бесстыдная реакция моего тщеславия. Не знаю – хорошо это или плохо, но так было. Правда, потом привык.

Чтобы жизнь нам не казалась мёдом, получили из нашего социального ведомства пачку формуляров, которые нам необходимо было (на их взгляд) заполнить. Причина оказалась в том, что нас перевели в ведение другого бератора (чиновника), который сидит в соседней комнате. Но перенести папку со всеми нашими уже существующими бумагами из кабинета в кабинет – невозможно, поэтому надо оформлять всё с самого начала. Благословенна будь неискоренимая бюрократия! Они без работы никогда не останутся. Да и нам

есть чем заниматься. Несколько дней провозился с этими бумагами, заполнял многочисленные формуляры и в который раз снимал копии с огромного множества документов. В итоге набралось около 30 страниц.

В большом весеннем европейском турне, которое совершали Чижики, наши давние киевские приятели, нашлось место и для Кёльна, чему мы были бесконечно рады. Аллочка и Вова – замечательные, интересные и лёгкие люди. И пусть нам удалось вместе провести всего один день, но этот день был весёлым и вкусным, в прямом и переносном смысле.

В конце марта с туристическим бюро «Компас» мы съездили в Брюссель, где побывали в двух музеях. Летом прошлого года был открыт музей Рене Магритта, в собрании которого находится более 200 работ этого выдающегося бельгийского художника. Здание необычной архитектуры расположено в самом центре Брюсселя на Королевской площади.

Оно, как врата в неизведанное, как символ притягательного зазеркалья, затягивает в своё таинственное чрево. И нет сил этому противиться. Кроме блестящей экспозиции самого Магритта, в музее проходила довольно большая выставка мексиканской художницы Фриды Кало, больше известной своей трагической и достаточно экстравагантной биографией. Детский полиомиелит, тяжелейшие увечья в юности при автокатастрофе, приверженность коммунистической идее и странное супружество с Диего Риверой – вот далеко не полный перечень особенностей её жизни.

В Королевском музее изящных искусств была развёрнута великолепная выставка картин гениального испанского живописца Эль Греко, который только спустя 300 лет после своей смерти занял достойное место в ряду великих мировых художников. По сути дела, на мой взгляд, он стал родоначальником авангардного направления в живописи –

экспрессионизма.

В очередном номере газеты «Запад – Восток» вышла моя большая ехидная статья «Наши в городе». Похоже, я становлюсь их постоянным автором. Кроме того, уже на протяжении почти пяти лет в газете «Форум» нам выделяют подвал, где мы публикуем небольшие рецензии на лучшие книжные новинки, появившиеся в нашей библиотеке. К этому времени мы уже опубликовали более 200 таких аннотаций. Как ни странно, но народ живо реагирует на эти отзывы.

Как-то нам позвонили Диана и Мария и пригласили поехать с ними и с их «зелёными» коллегами в какую-нибудь интересную экскурсию. Цель должна была определиться по ходу дела. Диана, наш рулевой, взяла напрокат микроавтобус, и мы (восемь человек) двинулись в сторону Айфеля – заповедного уголка между Кёльном и бельгийской границей. Здесь в тридцатые годы у живописного Урфтского озера на вершине горы был построен Орденский замок Фогельзанг с изумительным видом на изгибы озера Рурзее. Фантастической красоты территория, на которой расположен замок, является частью Национального парка Айфель.

Факелоносец

Этот замок, построенный всего за два года в густых лесах Айфеля, должен был стать элитной фашистской партийной школой, местом подготовки будущих гауляйтеров Сибири и других функционеров НСДАП. Неофициально учеников школы называли «дети Гитлера» или «факелоносцы нации». На территории этого мрачного архитектурного комплекса сохранилась монументальная скульптура «факелоносца» на фоне тяжеловесной стены, на которой осталась почти нетронутой надпись:

«Вы – факелоносцы нации. Несите вперед свет воли в борьбе за дело Адольфа Гитлера».

Сегодня надпись удалена, а на её месте сделана вставка из нарочито белого камня в виде креста. Поездка была

очень интересной, хотя и оставила тяжёлый осадок. Все здания комплекса находятся в таком безупречном состоянии, что невольно закрадывалась страшная мысль: а много ли нужно, чтобы это всё ожило?

В большом зале Кёльнской синагоги состоялся так называемый творческий вечер Виктора Шендеровича. Поразило его наплевательское отношение к публике, заполнившей зал и заплатившей по 15 евро за входной билет. Начал он со строгого предупреждения о том, что политики касаться не будет и на актуальные вопросы отвечать не станет. В первом отделении он читал известные тексты из своих книжек 10-летней давности, а второе отделение посвятил пересказу старых анекдотов, щедро предлагаемых периодической русскоязычной прессой и Интернетом. Было стыдно и противно, а главное – жаль бездарно потерянного времени.

Вскоре мы получили, если такое возможно, полную компенсацию. В Кёльн приехал один из лучших пианистов современности, типичный представитель ленинградской (не питерской) фортепианной школы Григорий Соколов. В 1966 году он в возрасте 16 лет стал победителем Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Его идеальная игра, лишённая внешних эффектов, поражает своей эмоциональностью и сдержанной виртуозностью. Он стремительно выходит на сцену и также быстро после исполнения программы покидает её, не обращая внимания на овации зрительного зала. Но при этом он удивительно щедр на бисирование, порой превращая его в третье отделение концерта.

Начало июня мы провели на Турецкой Ривьере. Наш отель «Рама клуб» находился на первой береговой линии прямо на берегу моря. Всё способствовало хорошему отдыху. Это была неделя полнейшей релаксации и жадного потребления роскоши южной природы. К сожалению, основное время я должен был проводить под зонтиком, поскольку на конец июня мне была назначена очередная операция по удалению кожных новообразований. Возможно, этот рассказ покажется слишком подробным или чрезмерно затянутым. Но мне показалось, что детали, которыми изобилует этот текст, говорят о многом. Впрочем, об этом судить не мне.

После удаления в 2008 году нескольких очагов у меня возникли новые. Всё тот же доктор Фукс после осмотра сказал, что часть новых украшений мне предстоит носить до конца жизни, а часть нужно удалять, что, не откладывая в долгий ящик, тут же проделал. К сожалению, кроме уже известных мне базалиом, в двух местах гистологическое исследование показало наличие карцином. А поскольку этот вид злокачественного образования может вызывать метастазы, потребовалось более радикальное хирургическое вмешательство. Я получил направление в отделение дерматологии Кёльнской университетской клиники.

В назначенный день в 7⁰⁰ утра я прибыл в приёмный покой, напоминающий офис процветающего банка. Все оформительские процедуры заняли не более 15 минут. Меня поместили в отдельную палату, в которой был туалет с душем, встроенный шкаф, столик с нависающим над ним телевизором и кровать с прикроватной тумбочкой. Едва я успел смежить веки, как вошла сестра и вручила мне комплект спецодежды, состоящий из распашонки, едва прикрывающей мои нехитрые принадлежности, сексуальные трусы-сеточку (чистая умора!) и в довершении всего – роскошную зелёную прозрачную шапочку. И вот я весь такой из себя улёгся в кровать нереальной чистоты в ожидании своей жалкой участи. Вскоре я был пропущен через плотный врачебный конвейер: терапевт, анестезиолог и старший врач – хирург. Все по очереди задавали практически одни и те же вопросы – наличие кардиостимулятора (шритмакер), есть ли аллергия на что-нибудь, какие принимаю лекарства, возраст и т.п.. И только старший хирург, не задавая вопросов, решительно взяв в руки фломастер, разрисовал мою грудь такой причудливой татуировкой, что Пикассо просто отдыхает. Лишь поглядев в зеркало на площадь операционного поля, я понял, что мне предстоит. А в 8⁰⁰ пришли две сестры и вместе с кроватью закатали меня в операционный блок, где мой туалет был дополнен ядовито-зелёными резиновыми штиблетами. Тот ещё видок! Зелёный берет, зелёные пантофли, а между ними – ни себе посмотреть, ни другим показать! Жаль, не было фотоаппарата! После этого меня передали двум

дамам, «приятным во всех отношениях», одной из которых было на вид лет 50, а другой – 20. Как выяснилось позже, старшая оказалась хирургической сестрой, а младшая – хирургом. Именно ей и была отдана на растерзание моя вздымающаяся грудь. Предоперационная подготовка заняла 15 минут. Побрили грудь, поставили капельницу, подключили кардиограф и обклеили операционное поле защитными салфетками. Затем доктор приступила к обкалыванию обезболивающими средствами (бетойбунг). При этом периодически она спрашивала, не больно ли мне и не нужно ли мне дать успокоительное. Я подумал, что, возможно, это была её первая в жизни операция, и этот вопрос она задавала как бы себе самой.

Но справедливости ради нужно сказать, что действовала она достаточно уверенно и решительно, хотя операция и продлилась 1 час 20 минут. Во время этой процедуры я имел возможность за всем наблюдать в отражении огромных зеркальных защитных очков врача. Когда она меня зашивала, я сказал, что похож теперь на фаршированную курицу, чем вызвал весёлую реакцию. Перед штопкой края раны обрабатывали электроприжигателем, что сопровождалось запахом всё той же смолёной курицы. Больно почти не было. Самым неприятным оказалось отдираание защитных салфеток от недобритой грудной площади. Когда моя истерзанная грудь была покрыта повязкой, появились санитарки и оттранспортировали меня назад в палату, напоили вполне приличным кофе и оставили в покое. Наконец я смог позвонить Танюше и доложить о благополучном урезонивании. А уже спустя два дня я был дома. Надо сказать, что заживали швы довольно долго, но главное, что гистологическое обследование наконец дало благополучный результат.

Однажды позвонил Дима и предложил съездить с ними в Голландию, где вблизи небольшого городка Оттерло разместился музей Крёллер-Мюллер. Мы, разумеется, с радостью согласились. То, что мы там увидели, превзошло наши самые смелые ожидания. Своё название музей получил в честь Элен Крёллер-Мюллер, дочери богатого судовладельца, основательницы выдающейся коллекции, которая одна из

первых оценила и признала художественную ценность произведений Ван Гога. В результате экспозиция музея содержит около 300 работ Винсента Ван Гога, выполненных в различной технике. Одного этого уже было бы достаточно, чтобы занять достойное место в ряду самых известных музеев мира. Но, кроме Ван Гога, коллекция музея может похвастаться великолепными работами таких художников, как Жорж-Пьер Сёра, Поль Гоген, Лукас Кранах, Пабло Пикассо и другие. Всего же собрание Элен Крёллер-Мюллер насчитывает более 1200 экспонатов. В конце двадцатых годов коллекция была передана в собственность государству при условии, что государством будут построены современные здания, отвечающие уровню собранных работ. В 1938 году музей открыл двери для всех желающих. Нас ему, правда, пришлось ждать каких-то 70 лет. Музею принадлежит огромная площадь на территории Национального парка Нидерландов. Прямо на зелёных лужайках среди вековых деревьев прихотливо расположились творения выдающихся мастеров XIX и XX веков. Здесь встречаются скульптуры Огюста Родена, Генри Мура, Жана Дюбюффе, Фрица Вотруба и многих других. Учитывая размеры музейной территории, для удобства посетителей в разных уголках парка стоят велосипеды, которыми можно свободно воспользоваться. Музей произвёл на нас сильнейшее впечатление. А ведь к этому времени мы уже много чего повидали в разных городах и странах.

Август месяц внёс в нашу размеренную жизнь цепочку событий разного калибра. Началось с того, что перестала работать стиральная машина фирмы «Бош», которая прослужила нам верой и правдой более 17 лет. Проблема решилась очень просто. Пришли в специализированный магазин, где главной трудностью для нас оказалась проблема выбора. Глаза разбегались. И всё же задача была решена по принципу «дёшево и сердито». Мы приобрели в рассрочку недорогую машину фирмы «Техвуд». В назначенное время её нам доставили, подключили и забрали старую. При этом всё тщательно за собой убрали. Так пока ещё сегодня выглядит европейский сервис.

В это же время я получил из типографии тираж (50 экз.)

своей первой книжки. На протяжении целого года я ежедневно (365 дней) записывал всё, что происходило с нами. Я рассматривал эту работу как пробу пера для написания книги о моих дорогих родителях. К своему большому удивлению, судя по весьма позитивным отзывам, мой дневник даже получил самостоятельную жизнь. Это придало мне уверенности, и я начал писать книгу о родителях и их ближайшем окружении. Просто мне очень хотелось, чтобы страницы будущей книги оживляли в памяти судьбы этих замечательных людей.

Завершающим августовским происшествием явилось получение мною инвалидности. Я получил солидный документ, название которого по-немецки звучит «Швербехиндerteausвайс», что в переводе на русский означает «Удостоверение инвалида». На самом деле установленная мне инвалидность в 50% практически ничего ошастливленному инвалиду не даёт. Единственная льгота, которая этим удостоверением мне положена, это право занимать в общественном транспорте места, выделенные для инвалидов. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

В сентябре в зале Кёльнской филармонии выступал Шамбер оркестр Европы под управлением знаменитого английского клавесиниста и дирижёра Тревора Пиннока. Они исполнили симфонию № 26 Вольфганга Амадея Моцарта. Это было очень хорошо. Вообще уже сам факт нашего присутствия на концерте в филармонии порождает в душе особые прекрасные ощущения. Я не помню случая, чтобы после какого-либо концерта мы уходили недовольными. «Человеку много ль надо?..»

В конце сентября в Леверкузенском Форуме мы посмотрели забавный спектакль по пьесе Бориса Акунина «Чайка» в исполнении артистов Театра современной пьесы Иосифа Райхельгауза. Эта комедия в жанре детектива в какой-то мере является парафразом чеховской «Чайки». Очень добросовестно отыграли свои роли Татьяна Васильева, Лев Дуров, Альберт Филозов и Владимир Качан. И всё же мы уходили после спектакля с ощущением, что нас ловко мистифицировали. Антреприза – она и в Африке антреприза.

В конце сентября мы очередной раз были приглашены Хенкиными-Юдинцевыми в Москву. И вновь эта неделя, проведенная у них в гостях, была окрашена их искренним гостеприимством. Мы побывали вместе в прекрасном архитектурно-парковом ансамбле Архангельское и с интересом оббежали выставочные залы Союза художников на Крымском валу. В помещении Театра Эстрады смотрели пьесу Франсиса Вебера «Ужин с дураком» в постановке Леонида Трушкина. Замечательная пьеса и поразительная игра Геннадия Хазанова в главной роли. А ещё мы побывали на премьерном показе фильма Алексея Учителя «Край» с Владимиром Машковым. Невзирая на обрушившуюся на этот фильм критику, считаю эту работу, если не препарировать и не слишком «снобничать», большой удачей его создателей.

И вот «октябрь уж наступил», а с ним и Танюшин юбилей. Ещё год назад при обсуждении возможных вариантов его проведения Танюха пожелала отметить эту дату в Киеве. Как вслед за нами говорят немцы – «гезагт-гемахт», что означает – «сказано-сделано». При помощи Ларисы Малюги мы сняли кафе на Львовской площади, чтобы всем было удобно добираться. Собралось около тридцати человек.

И это был самый узкий круг самых близких нам людей, ещё живущих в Киеве. Кафе отличала отменная кухня, что также не могло не порадовать наших гостей. Упомяну ещё об одном достоинстве этого заведения – там, по нашей просьбе, не было громяющей музыки, что позволило душевно общаться друг с другом, а Танюше услышать в свой адрес замечательные слова, которые она так заслуживает! Я записал Танюше музыкальный подарок – диск, где я очередной раз признался ей в любви, спев на изменённый мною текст известный городской романс «Мы так близки, что слов не нужно...»

Новый год на сей раз мы отмечали в Цюрихе, куда нас

Киев, 19 октября 2000 года

пригласили наши молодые друзья Анна Богданова и её муж Микола Богданов. Анечка – внучка папиного друга детства Вили Александрова. Профессор Владимир Яковлевич Александров (1906—1995) – выдающийся советский учёный в области биологии и цитологии. Анечка была светом в оконце, объектом любви и гордости дедушки. Сегодня Анна Богданова (Александрова в девичестве) с мужем Миколой Богдановым и дочкой Зинаидой живут в Цюрихе. Анечка – доктор биологии, руководит лабораторией и профессорствует в Цюрихском университете. Представляю, как был бы счастлив дедушка! У нас с ними, несмотря на солидную разницу в возрасте, сложились тёплые и даже дружеские отношения. Они побывали у нас в Кёльне, и мы не заставили себя уговаривать с ответным визитом.

И вот мы уже в Цюрихе. Нам было всё интересно, и этим с радостью воспользовались наши гостеприимные хозяева. Цюрих разместился на берегу Цюрихского озера. Старая очень красивая часть города расположена по обе стороны реки Лиммат, по набережной которой мы с удовольствием гуляли. Конечно, Анечка показала нам и места, связанные с её научной

деятельностью. Очень интересной была наша совместная поездка в небольшой городок Айнзидельн, доминантой которого является бенедиктинский монастырь, бывший на протяжении тысячи лет одним из самых притягательных мест паломничества.

Декоративный фонтан Богородицы на площади выбрасывает воду из неиссякаемого горного источника. Паломники

на своем пути к церкви традиционно делают по глотку от каждой из 14 его струй. Однако главным центром притяжения верующих является статуя чудотворной Чёрной Мадонны, находящаяся в часовне Богородицы. При этом Айнзидельн остаётся

действующим монастырём с сотней служителей, которые уже десяток столетий пекут вкусный хлеб, производят замечательное вино и занимаются уникальным коневодством. Когда мы забрались на высоченный холм, увенчанный огромным крестом, перед нами в окружении величественной красоты окрестных гор открылась заснеженная долина, где всё было, как на выдающейся картине Питера Брейгеля.

Приход 2011 года мы праздновали в домашней обстановке у Анечки, где стол формировался общими усилиями. Наш вклад – маслянисто-чёрный копчёный угорь – нахально отвоевал большую часть едового пространства, а своим ароматом затмил все запахи новогоднего стола.

Но всех переплонул Микола, блюда которого взяли не только качеством, но и количеством. Присутствующие готовились к застолью и произносили остроумные тексты. У нас с собой тоже было. С Новым годом, товарищи!

ЛИРИЧЕСКО-ЭЙФОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем перейти к событиям (громко сказано) 2011 года, вынужден сделать лирически-эпифорическое отступление. Я пишу эти строчки, находясь в маленьком курортном городке Бад-Фюссинг, расположенном в юго-восточной части Баварии на живописном предгорье Альп в 70 км от австрийской и чешской границ. Бад-Фюссинг как город возник лишь в 1950 году в долине реки Инн и очень быстро превратился в один из наиболее известных курортов Европы. Причиной этого поразительного успеха явились обнаруженные здесь горячие источники серосодержащей минеральной воды. Эти воды оказались эффективны при заболеваниях опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы. Они волшебным образом способствуют лечению ревматических заболеваний и хронических заболеваний суставов и мышц. Как известно, слухами земля полнится. Кто-то из нашего кельнского окружения уже побывал там и остался премного доволен. Вот и до нас дополз слух об этом замечательном курорте, где можно относительно недорого снять жильё и по своим медицинским страховкам АОК получить бесплатное лечение. Нам дали их интернетовский адрес, которым мы не преминули воспользоваться. Дополнительным удобством являлось то, что оформлением нашего пребывания там занимаются русскоговорящие Катарина Калина и её сын Алексей, на редкость милые и доброжелательные люди.

Они являются управляющими этого четырёхэтажного апартамент-отеля (Хауз Курпарк) с одно-, двух- и трёхкомнатными апартаментами. Итак, решили, как говорилось в старину, поехать на воды. Мы заказали на июнь однокомнатную квартиру (36 м²). Назвав забронированное нами жильё квартирой, я не оговорился. Большая, хорошо меблированная комната, отдельная кухня со всем необходимым инвентарём, туалетная комната и коридор с тремя шкафами для одежды. Должен сказать, что рядовые гостиничные номера теснее и обставлены беднее. Объясняется это тем, что апартаменты находятся в частном владении разных людей (даже из других стран), которые хотя и бывают в них максимум месяц или два в году, но создают себе, любимым, все

возможные удобства. Остальное время эти номера сдаются нам – жаждущим, с благодарностью впоследствии живущим в этих комфортных условиях.

Бад-Фюссинг – очаровательный ухоженный городок с населением около 7000 жителей, зато гостей за год они успевают принять свыше трёх миллионов. В нём современная архитектура, хранящая традиции былых времён, замечательно вписана в зелёный ландшафт этого района Баварии. Здесь ничто не раздражает, а напротив, способствует поддержанию хорошего настроения. Пространство дышит покоем и умиротворением, а воздух, согретый ласковыми солнечными лучами, насыщен ароматами цветущих липовых аллей. В этом городке, известном своими серными минеральными источниками, работают три оздоровительных комплекса (Терме 1, Европа Терме и Иоханнесбад), где ремонтируют свои организмы эти самые три миллиона, но, к счастью, не одновременно. Всем хватает лечебных кабинетов, бассейнов с водой из термальных источников, мягкой волшебной воды для питья (лучше не принимать), прекрасных парков и всевозможных курортных мероприятий. Всё приспособлено для пребывания и обслуживания пожилых людей и инвалидов, которые по понятным причинам составляют большинство. Два курхауза, большой и малый, предлагают отдыхающим разнообразную программу. Только успевай. Очень мешают назначенные процедуры. Как в старом анекдоте: «Если водка мешает работе, брось... работу!» Нам здесь так всё нравится, что в силу своего тревожно-мнительного характера всё время ждёшь какого-нибудь негатива. Но, к счастью, всё обходится благополучно. День заполнен процедурами, которые мы принимаем в крупнейшем в Европе (80 000 м², 13 бассейнов с температурой воды от 28°C до 39°C) Центре Здоровья – «Иоханнесбаде», расположенном в десяти минутах ходьбы от нашего обиталища. Мы пьём воду из целебного источника и принимаем сеансы электротерапии, делаем лечебную гимнастику в воде и имеем возможность находиться целый день в бассейном комплексе, получаем массаж и грязелечение. Только вывалявшись, как поросёнок, в грязи, начинаешь чувствовать

себя человеком. Городок утопает в сочной изумрудной зелени (такое время года) заботливо оборудованных курортных парков, где всегда можно найти уютный уголок для релаксации. В одном из них стоит гранитный фонтан в виде двух ладоней, поддерживающих вращающийся в водяных струях шар. На нём надпись: «Wasser ist Leben», что означает «Вода – это жизнь». По сути дела, эта надпись может быть логотипом Бад-Фюссинга. Каковы будут результаты нашего столь интенсивного лечения, покажет время, а пока, несмотря на насыщенность обязательной программы, мы наслаждаемся возможностями произвольной.

2011 год

Ну вот теперь с новыми силами можно вернуться в 2011 год, который начался с пышных торжеств по случаю 70-летия Эдика Козлова. Эдик и его жена Галочка Карасёва – кельнские приятели с первого года нашего здесь пребывания. Это симпатичные, скромные, доброжелательные и лёгкие в общении люди. А для Эдика при всей скромности очень важно, как ребёнку, всегда находиться в центре внимания и быть в курсе всех происходящих событий. У него по белу свету масса приятелей, которые уже после первой встречи с ним превращаются в друзей. Единственным требованием к ним является что-то, выделяющее их из общей массы. В обязательном порядке должен присутствовать некий налёт элитарности. Эдик и сам обладает очень приятным драматическим тенором и до сих пор выступает с концертами. Имея инженерное и музыкальное образование, он работал какое-то время в Большом театре, пробовал себя на журналистском поприще и даже пытался заниматься мелким бизнесом. Ещё раз скажу, что и Эдик, и Галочка (почему-то не хочется называть её Галей) – милые, обаятельные и компанейские люди. Поэтому не удивительно, что небольшой ресторан, в котором отмечали его юбилей, был заполнен до отказа. Все присутствующие старались чем-то порадовать юбиляра. Кто читал посвящённые ему стихи, кто исполнял поздравительные романсы, а некоторые даже разыгрывали именинные скетчи. Приложил свою руку и я. Несмотря на глубокоюбилейный возраст гостей, было дурашливо весело. Всё это снималось на плёнку, и теперь стало достоянием потомков.

В конце января в филармонии состоялся необычный концерт, посвящённый творчеству Нино Рота (1911—1979), одного из любимейших мною кинокомпозиторов. На фоне кадров из кинофильмов Федерико Феллини звучала трогательная музыка Нино Рота в качественном исполнении Национального симфонического оркестра Польского радио из Катовиц. Получился душевно-ностальгический вечер.

В феврале в Хорвайлере в помещении Культурного центра еврейской общины состоялся вечер Вадима Егорова – автора и исполнителя собственных песен под его же вполне пристойный гитарный аккомпанемент. Песни Егорова я

слушал впервые и, по правде говоря, особого впечатления они не произвели. Симпатично, и не более того.

Зато неделю спустя в Форуме Леверкузена мы попали на спектакль БДТ «Дядюшкин сон» по Ф. М. Достоевскому. Вот это да! Вот это здорово! И даже не мешала понятная в данной ситуации антрепризность спектакля. Всё было по-честному – с полной самоотдачей. В этом нехитром сюжете из провинциальной жизни режиссёр Темур Чхеидзе усмотрел признаки надвигающейся гибели эпохи и сумел передать своё видение двум великим актёрам, корифеям товстоноговской труппы, изображающим пожилых, жалких, смешных и странных людей. Свою роль матери-хищницы Алиса Фрейдлих играет потрясающе. Москалёва ради дочери всячески унижается перед князем, суетится, теряя в его присутствии присущую ей величавость и плавность движений. А старый князь в великолепном исполнении Олега Басилашвили – практически выживший из ума хромой нарумяненный старик, куда больше похожий на заводную игрушку, чем на человека, на протяжении всего спектакля держит зал на грани смеха сквозь слёзы. Всё происходящее на сцене настолько нелепо, что кажется сном. Но этот сон хочется длить как можно дольше.

11 марта ушёл из жизни Исаак Зусманович Зетель. Несколько лет Ирина и Миша самотверженно поддерживали в нём гаснущие признаки жизни, прикладывая просто героические усилия, ясно осознавая, как мне кажется, их тщетность. Свои чувства в связи с этим горьким событием я постарался выразить в статье «Памяти музыканта и просветителя», опубликованной в газете «Форум».

В день похорон Изи Зетеля вечером в филармонии состоялся прекрасный концерт, на котором исполнялась музыка, как нельзя более соответствующая минорному настроению этого горького дня. Симфонический оркестр Берлинского радио под управлением Марека Яновского (1939), считающегося лучшим интерпретатором немецкой музыки XIX века, блестяще исполнил четвёртую симфонию И. Брамса. А во втором отделении один из самых утончённых и интеллектуальных пианистов современности Николай Луганский

блеснул своей изящной виртуозностью при исполнении четвёртого концерта для фортепиано с оркестром С. Рахманинова. Приходится только удивляться тому, какое количество великих музыкантов дали конец XX и начало XXI веков. Настоящий ренессанс исполнительства в музыке.

А сейчас бытовая ремарка. Приобретённое в конце прошлого года кресло по непонятным причинам потрескалось в изголовьи. Не иначе как вследствие напряжённой работы мозга образовались несколько небольших прорех. Не то чтобы жизнь дала трещину, но, используя пока ещё действующую гарантию, мы обратились за помощью в магазин. Может быть, это «событие» и не стоит упоминания о нём, но нас поразило, с какой безропотностью и оперативностью была произведена замена оскандалившегося кресла. Уже столько лет здесь живём, но до сих пор к этому невозможно привыкнуть. Всё время ждешь непреодолимых трудностей и всяческих неприятностей.

Вторую декаду мая я провёл в неврологическом отделении Университетской клиники. Последние полгода, пожалуй, даже больше, я завёл себе моду, правда, на очень недолго, уходить в несознанку. При этом я проявлял большую изобретательность. Я терял сознание в общественном транспорте, в лифте, на лестницах и даже просто сидя дома в кресле. После ряда безрезультатных амбулаторных обследований меня направили снова в Университетскую клинику. Прямо-таки – «мой университет». В приёмном покое меня лишили изрядного количества крови, сделали кардиограмму, взяли мазки из носа и паха и, по-видимому, удовлетворившись полученными данными, отправили в палату (почему-то в коляске). Моими соседями по палате оказались пастор из Мюнхена г-н Предигер и чиновник социального ведомства Юзеф Кёт. У пастора тоже какие-то мозговые проблемы. Иногда он неожиданно теряет речь. Ему будут катетером вставлять в один из сосудов мозга стэнд. Чиновник (не больше 40 лет) – после тяжёлого инсульта. Плохо говорит, плохо работают руки и плохо ходит, но не теряет присутствие духа. Каждые полгода его кладут сюда на несколько дней для контроля.

Для полноты картины моего пребывания в больнице опишу более или менее подробно весь день. 6³⁰ – вынужденное пробуждение. За окном грохочет жизнь, а в палате – разговоры. Прodelываю обычные утренние процедуры. В 7³⁰ – обход сестры. Измерение давления, температуры (на 1сек. в ухо вставляется приборчик с персональным наконечником), раздача таблеток и обязательный укол в живот (против тромбоза). В 8³⁰ – долгожданный завтрак: две свежайшие булочки (белая и серая с зёрнами различных злаков) прямо из соседней булочной, по ломтику сыра и варёной колбасы, плавленый сырок, мармелад из чёрной смородины, 30 граммов сливочного масла, йогурт и кофе. Нужно иметь отменное здоровье, чтобы всё это одолеть. После завтрака гулял 30 минут. За это время в палате сделали влажную уборку. В 12³⁰ – разнесли по прикроватным тумбочкам подносы с обедом: грибной суп-пюре, курица с лапшой и овощами, консервированный компот и два овсяных коржика. Снова 30-минутная прогулка и послеобеденный отдых. 16⁰⁰ – обход старшего врача (оберарцт) – д-р Бургхауз. Пастора забрали на операцию в другую больницу. На его место положили Гидо Курта – очень общительного алкоголика, тоже после инсульта. В 18⁰⁰ – ужин: по одному прозрачному ломтику сыра и колбасы, три шайбы хлеба, 30 граммов сливочного масла, плавленый сырок и чай.

После ужина жизнь обрела радостные краски – пришла Танюха. Принесла клубнику и всякого прочего рожна. Мы с ней гуляли больше часа по зелёному больничному подворью. Потом я проводил её на автобус. Вернулся и поел дивной клубники. Всей палатой смотрели Евровидение. В 23³⁰ – отбой. Потянулись дни-близнецы. Лишь назначенные обследования вносили некоторое разнообразие. На третий день за мной заехала машина и отвезла за 300 метров в другой корпус – Кардиологический центр, где на меня навесили на сутки два прибора: кардиограф и тонометр. И этот подлец каждые двадцать минут до боли стягивал руку, чтобы измерить давление. Особенно это приятно среди ночи. В палате, как в хоккее, происходит постоянная смена состава. Не палата, а – ночлежка. Но это вносит некоторое

оживление в монотонное больничное бытие.

Любопытное наблюдение – уборкой комнат занимаются исключительно турчанки, а перестилание кроватей и уборка тумбочек – это прерогатива африканцев, и в частности с Берега Слоновой Кости.

Встал, хотел выйти подышать свежим воздухом, вышел в коридор и упал в обморок. Благо недалеко оказалась сестричка, которая подняла меня, отвела в палату и смазала места ушибов. В активе имею два синяка, головную боль и ощущение, что всё-таки я не зря здесь нахожусь. Мне назначили ультразвуковое обследование сердца. Снова поездка на машине в соседний корпус. Это оказалась совмещённая процедура: сзади мне прилепили электроды кардиографа, а спереди, тщательно вымазав меня специальным желе, делали ультразвуковое обследование. Затем уже в другом корпусе на моей несчастной голове установили двадцать электродов. Для этого сестра сперва нарисовала на ней фломастером двадцать точек, протёрла их для лучшего контакта наждачной бумагой, а затем с помощью раствора гипса прищандорила электроды к исследуемому объекту. Учитывая мой псориаз, процедура удовольствия не доставила. Потом мне на голову одели сетчатый бинт в виде глубокой тубетейки, и противоположные контакты электродов подключили к прибору, который мне повесили через плечо. Я выглядел так, будто только что вышел раненым, но живым, из затяжного боя. Зрелище не для слабонервных, поэтому я позвонил Тане и предупредил, чтобы она не испугалась. Всё это нужно терпеть в течение суток. К тому же следует вести протокол в режиме реального времени, отмечая в нём всё, что я делаю, и точное время происходящего.

На седьмой день пришла сестра и сообщила, что меня сегодня выписывают, невзирая даже на моё «грехопадение» в коридоре. После обеда меня отпустили домой, так ничего и не обнаружив. Формально они выполнили стандартную программу обследований и, по-видимому, пришли к выводу, что клиент годен к употреблению. Ну и слава Богу!

Самое забавное произошло несколько позже. Мой лечащий врач-невропатолог, перепробовав с полдюжины

различных лекарств, предложила (без всякой надежды на

Мы у Остроградских

успех) ещё один из старых препаратов – пирроцетам. С тех пор я перестал пугать окружающих и больше не расстаюсь со своим сознанием. Благословен будь метод «тыка»!

Выйдя из больницы на свободу, я попал, как Чацкий, «с корабля на бал». В гостевом зале церкви, расположенной рядом с нашим домом, отмечалось 80-летие Яши Шварца. У него в Кёльне и его окрестностях оказалось около 50 родственников, которых он за эти годы попере­таскивал сюда из Кировограда. Всем приезжающим Яша со свойственной ему сердечностью и по мере сил оказывал всяческое содействие. Поэтому его 80-летие, юбилей главы клана, праздновался особенно тепло и пышно. Были все родственники, «в чешуе, как жар горя», и приобретенные за время жизни в Кёльне приятели, в числе которых оказались и мы. Лестные слова в адрес виновника торжества в разной форме лились рекой. Не остался в стороне и я. Мне понравилась реакция сидящих за столом на мои незатейливые стишата.

А на десерт июль приготовил нам концерт моей любимой

певицы Анны Нетребко, которая выступала на сей раз в филармонии вместе со своим гражданским мужем баритональным басом из Уругвая Эрвином Шроттом. Они исполняли

арии и дуэты из опер До-ницетти, Верди, Моцарта, Гуно, Пуччини и Россини. И это было прекрасно! Два красивых человека с великолепными голосами, но... На мой взгляд, по вокалу, страсти и артистизму Анне Нетребко может соответствовать только Виллазон.

В июле-августе состоялось главное событие этого года – поездка в Америку. В начале июня позвонили из Чикаго Миша и Ольга и тоном, не терпящим никаких возражений, сказали, что они запланировали наш визит к ним так,

чтобы мы побыли там вместе со Смирновыми-старшими, для которых встреча с нами должна была оказаться сюрпризом. От нас же требовалось лишь определить даты прилёта-отлёта. Всю организационно-финансовую сторону со свойственной им деликатностью они взяли на себя. Уже вечером по электронной почте мы получили билеты. Причём, зная наши обширные контакты в Нью-Йорке и его окрестностях, они сделали билеты с залётом на неделю в Нью-Йорк. Честно говоря, мы были тронуты до слёз.

Началась предотъездная подготовка. Как всегда, предполагалось множество пересечений с дорогими нам людьми. И, конечно, хотелось каждому из них привезти что-то в подарок. Танюха, а она большой мастер по этой части, потратила целый месяц, но не впустую. Когда я увидел гору всяческих милых, нужных и не очень, но симпатичных подарков,

у меня возник вопрос – а взлетит ли со всем этим самолёт? К тому же я твёрдо знал, что ещё добавится прижизненный альбом Энрико Карузо с толстенными ещё односторонними пластинками весом около семи килограммов (Миша давно хотел приобрести граммофон). Но всё прошло без сучка и задоринки. Подарки дошли до своих получателей, которые с разной степенью искренности выражали по этому поводу свои чувства.

Неделя в Нью-Йорке и Нью-Джерси пролетела, как «чуждое мгновенье». Шутка ли, за шесть дней мы повидались с Ларисой и Лёней Турецкими, Сашей и Мариной Остроградскими, Светой и Олегом Сороками и их маленькими чадами, Аллой и Вовой Чижиками и Таней Симаходской, которая по принципу «если гора не идет к Магомету...» приехала к нам из Балтимора.

Все эти встречи, если не принимать во внимание жару, доходящую до 35 градусов, и принудительное обжорство, доставляли нам огромное удовольствие. Всё больше убеждаюсь, что чем старше становишься, тем выше начинаешь ценить встречи с близкими по родству и духу людьми.

Наступил день нашего отлёта в Чикаго. К этому времени Смирновы-старшие уже прилетели к детям. Аэропорт находится более или менее по дороге от их городской квартиры до дачи, стоящей на Женевском озере. Туда Миша и повёз тещу и тестя (так странно обзывать этими сугубо бытовыми словами Свету и Володю), сказав, что ему ненадолго надо заскочить по делу в аэропорт. Усадив их в зале ожидания, он пошёл за нами. Посадка и получение багажа прошли штатно, и уже через 20 минут он подвёл нас к вяло сидящим Смирновым. Ну что тут сказать? Сюрприз удался! Я подошёл к ним с дурацкой фразой: «А чё это вы тут расселись?» Их реакцию я не берусь описать. Лишь повторю – сюрприз удался!

Мы провели вместе почти три волшебные недели в замечательной трепотне. Бродили по Чикаго – городу изумительной красоты. Экскурсоводом у нас был поднаторевший в чикагских достопримечательностях Володя. Мы любовались окнами Марка Шагала и его подарком городу – грандиозной стелой «Времена года». Совершили дивную речную прогулку и даже посетили огромную Мерлин Монро, установленную в центре города.

Наслаждались вечерними посиделками за столом и расслабляющими прогулками вокруг Женевского озера с Володей.

Но самым запоминающимся, по крайней мере для меня, были наши выезды на рыбалку. Вот уж где я отвёл душу!

Миша – человек очень обстоятельный. Если его заинтересовала какая-то тема, то он входит в неё настолько глубоко, что становится в ней практически профессионалом. Поскольку под боком находится прекрасное озеро, они, естественно, увлеклись рыбалкой. Миша приобрёл современный катер, оснащённый двумя двигателями – один главный, а другой для управления лодкой при мелком маневрировании. Для лодки был построен специальный ангар рядом с гаражом. В результате отъезд на рыбалку занимает всего лишь 5 – 10 минут. Все необходимые снасти были закуплены в таком количестве, что можно было ими обеспечить небольшую рыболовецкую артель. Собственно, мы и представляли собой нечто подобное. В 5 утра Миша безжалостно нас будил, и уже через полчаса бригада в составе Ольга, Миша и я была готова к отъезду. Обычно с нами на озеро выезжала и Танюха, которую мы оставляли на берегу купаться и загорать. По возвращении, уже подплывая к пристани, мы видели Танину тоскующую фигуру, для которой время шло в соответствии с теорией относительности существенно медленнее, чем у нас, особенно если был хороший клёв.

А в первую нашу вылазку мы действительно наловили такое количество рыбы, что только зафаршировали около пяти килограммов. К чистке и препарированию этой прорвы были подключены практически все обитатели дома, кроме меня, поскольку я был главным фаршировальщиком.

В этом озере ловится два вида окуня – мелкоротый и большеротый (название народное). Какой-то из них (уже сейчас не помню) можно было брать любых размеров, а другой, если попадался меньше, чуть ли не 30 сантиметров, я, обливаясь слезами, должен был выпускать в озёрную пучину к радости его более осторожных сородичей. И всё-таки мне удалось вытащить такого здорового окунища, что я до сих пор чувствую себя героем повести Хэмингуэя «Старик и море».

Мы пробыли вместе со Смирновыми-старшими у Олечки и Миши около трёх недель, ощущая всё это время такое трогательное к себе отношение, которого нам так не хватало всю жизнь. Наше чувство благодарности настолько велико, что не может быть выражено обычными словами.

Вскоре к нам в Кёльн снова, к сожалению не надолго, заскочили Леночка и Саша. Мы им заказали по их просьбе в турбюро «Инзель» несколько экскурсий, в том числе поездку «По замкам Мозеля», в которую они пригласили и нас. Но Танюша по техническим причинам отказалась, а я с радостью составил им компанию. Всю дорогу до Кобленца нас сопровождал проливной ливень. С каждой минутой ухудшалось коллективное настроение в автобусе. Никакие стандартные отвлекалочка экскурсовода уже не работали. Но неожиданно буквально во время парковки автобуса у места слияния Рейна с Мозелем погода сжалилась над нами, дождь прекратился, выглянуло солнце, и народ оживился. Дальше всё проходило по плану. Мы любовались выплывающими из своего таинственного средневековья замками, расположенными на высоких холмах живописных берегов Мозеля. Незабываемым оказалось посещение замка Райхсбург, строго наблюдающим с горы за странной современной жизнью городка Кохем. Последней у ребят оказалась экскурсия по Мюнхену и его окрестностям, откуда они вернулись едва живые от усталости и обилия впечатлений.

Принимая во внимание мои обморочные, хотя и в прошлом, подвиги, мне по разрешению АОК установили в ванной вращающееся кресло, что оказалось большим удобством. Теперь теоретически можно принимать душ сидя. Практически же я им пользуюсь крайне редко.

30 сентября умер наш дорогой друг Оскарик – Оскар Арнольдович Черкасский. Огромная потеря. Киевская медицина, как бесплатная, так и платная, оказалась в его случае совершенно беспомощной. Два года они лечили его, даже не установив диагноза, и в результате он ушёл из жизни неведомо отчего. Остались безутешные и мало приспособленные к жизненным зигзагам Зоря и Наталка. Слава Богу, рядом есть Володя Смирнов, всегда готовый прийти на помощь. Но Оскарика не вернуть...

В сентябре мне удалось издать свою главную книжку «Щемящая радость воспоминаний» о моих родителях и их друзьях. Работа над ней продолжалась около года. Это было замечательное время. В процессе работы над этим текстом я себя чувствовал то архивариусом, то научным работником, проводящим запутанные исследовательские изыскания, но чаще всего я ощущал себя сыном моих дорогих замечательных и удивительных родителей, перед которыми я так и остался в неоплатном долгу. Во время написания у меня было почти физическое ощущение контакта со всеми дорогими моему сердцу, но давно ушедшими людьми. Наши встречи были тихими и шумными, нежными и горькими, нужными и важными. Эта и была моя щемящая радость воспоминаний. Спасибо Лёшику, который по моей просьбе разместил книжку в Сети, и теперь любой желающий имеет возможность встретиться виртуально и получить информацию, пусть и не очень существенную, о любой из 150 упомянутых мною личностей.

Середину октября мы провели две недели по системе «всё включено» в одном из отелей на Турецкой Ривьере. Но это скорее история грустная. Мы вылетели туда тремя парами. Уже спустя три-четыре дня на их безвкусную и однообразную еду нельзя было даже смотреть, а на пятый день мы дружно, все шестеро, благополучно отравились со всеми вытекающими последствиями (из нас). В ход пошли привезенные с собой лекарства (а народ медикованный). Кому-то на приведение себя в норму хватило и двух-трёх дней, а я ещё получал спасительные капельницы по возвращению в Кёльн. Отпуск был совершенно испорчен. Не спасали положение ни прекрасное море, ни удобно расположенный пляж,

ни великолепная погода. Турция теперь для нас закрыта.

2 ноября у нас с Танюшей набежали 50 лет нашей совместной жизни. Золотая свадьба – дата серьёзная, но, на наш взгляд, это событие достаточно интимное и в то же время чисто семейное. Поэтому мы решили его отметить в два этапа. Именно в день нашей юбилейной годовщины мы вдвоём торжественно пообедали в испанском ресторане «Маредо». Пили вкусное вино за оставшееся здоровье друг друга и ели сочные бараньи медальоны, приготовленные на гриле.

А уже в субботу на нас съехалась немецкая часть Берковских, с которыми мы очень душевно провели вечер. Желая освободить 50-летнюю новобрачную от серьёзных кухонных забот, мы заказали одной знакомой еврейской (эта характеристика в данном случае важна) даме фаршированную рыбу, печёные пирожки и торт «Наполеон». Дама не подвела, а с закуской мы справились сами. Я опять записал Танюше диск (появилось новое амплуа), на котором в моём исполнении прозвучала с небольшими корректировками по теме песня Визбора «Ты у меня одна». Танюша была тронута до слёз, я ликовал, а остальные были вежливо сдержаны. Оно и понятно...

Этот ноябрь оказался богатым на семейные события. Леночке исполнилось 50 лет (невероятно). Невероятно не то, что ей по виду не дашь и сорока, а то, что приход этой даты позволяет сказать: пошёл шестой десяток. Мне очень хотелось написать ей что-нибудь приятное, и, к моей радости, судя по последовавшей реакции, она была просто в восторге. Да не хвастаюсь я, так оно и было. Танюша мне в таких случаях напоминает фразу Ширвинского из «Дней Турбиных»: «... и прослезился».

В этом году день рождения Марата, хотя и не круглодатный, но отличается вполне определённой математической магией. На сей раз это было торжество барабанных палочек. 11. 11. 2011 года.

А в декабре нашей библиотеке исполнилось 15 лет. На сей раз мы решили отметить это событие без помпы в собственном подвальном помещении всей нашей дружной компанией (15 человек – сотрудников), пригласив лишь наших

спонсоров – Леонида Каплана и Феликса Гимельфарба, Светлану Шрон и Демьяна Фаншеля. Стол готовили в складчину (надо сказать, женщины расстарались), а тёплые слова, произносимые в виде тостов, грели душу и лишний раз (совершенно не лишний) убеждали нас самих в важности и нужности того, чем мы занимались эти прошедшие 15 лет. Вышли две статьи, посвящённые этому событию. Одна в «МК в Германии», другая – в «Форуме» под названием «Хрустальный юбилей».

Новый 2012 год мы встречали у Шварцев. К сожалению, я себя плохо почувствовал, и мы, не дождавшись европейского Нового года (Сильвестр), вынуждены были покинуть застольное поле брани. И хотя нас от Шварцев отделяет всего два небольших квартала, мы добирались домой около двадцати минут, с трудом уворачиваясь от летящих во все стороны новогодних петард и явно диссонируя общему праздничному настроению. И всё-таки с Новым годом, товарищи!

ЗАВЕТ

Не знаю, что именно, но что-то мне подсказывает – пора закругляться. То ли последние годы событийно стали мало чем отличаться друг от друга, то ли сказывается возрастной фактор с его тревожно-мнительным подсознанием, намекающим на то, что нужно успеть завершить задуманное. Так или иначе, но я действительно решил поставить точку. Мне кажется удалось в меру своих возможностей, описывая хронику быстротекущих лет нашей здесь жизни, обрисовать иммигрантское пространство Германии последнего двадцатилетия. Наверняка, что-то я упустил, возможно, с какими-то сторонами этой жизни не удалось соприкоснуться, а не исключено, что в каких-то случаях мне просто не хватило элементарной наблюдательности. Но появилось чувство завершенности, позволяющее на этом остановиться.

Кстати вспомнилось (не более как к слову пришлось), много лет назад у наших приятелей Уральских умерла Анина мама, и они узнали, что существует форма анонимного захоронения. Оказалось, что здесь в Германии такое вполне возможно. И уже тогда, без всякой связи с возможной реальностью, мы с Танюшей радостно подумали, что это для нас самый подходящий вариант. Во-первых, исчезает проблема погребения нас обоих рядом на еврейском кладбище, во-вторых, никому (да и некому будет) не придётся ухаживать за нашими могилами и, в-третьих, это делается на специально отведённых красивых зелёных лужайках, согреваемых тёплыми лучами солнца и обдуваемых свежим дыханием ветра под нежное щебетание птиц. Полное слияние с природой! По этому поводу вспомнился старый анекдот:

– Ребе, а зачем нужно делать обрезание?

– Ну, во первых, это красиво...

Так что, Димочка, ты это учти и считай – на тебя вся надежда. Думаю, что тебе удастся осуществить эту нашу последнюю волю. Хочу сразу успокоить всех, кто, прочитав эти строчки, станет меня урезонивать. Дескать, какие глупости, вам ещё жить и жить! Конечно! И не надейтесь! Мы никуда не торопимся. Просто когда-то же в этот вопрос нужно было внести ясность. И вот она.

Правда, чтобы уже покончить с этой темой, выскажу на

первый взгляд парадоксальную мысль. Я молю Бога, чтобы Танюша ушла первой. Я, пожалуй, самое близкое существо оставшееся в её жизни. И пусть она не узнает этой потери. Ей и так досталось больше, чем может вынести человек. Вот на такой неожиданной ноте приходится завершать вполне безобидное повествование.

Перечитал в очередной раз написанное мною, оглянувшись на 18 лет назад, и поразился. Как такой огромный период жизни (почти два десятка лет) смогли уместиться на на трех сотнях книжных страниц! Впрочем, в былые времена, заполняя кадровые бумаги, нам удавалось втискивать нашу не слишком примечательную биографию и вовсе на одном листочке. Этим и утешусь.

PS. Несколько слов хотелось бы сказать о двух приложениях, которые следуют за основным текстом. Первое приложение содержит хуже или лучше выполненные мною в стихотворной форме поздравления близких нам людей по поводу различных их памятных дат. Так называемые стихи по случаю. Прекрасно осознаю, что эти вирши очень далеки от совершенства и даже просто от настоящей поэзии. Однако, скажем уже после третьей рюмки, они в авторском исполнении воспринимались виновниками торжества и сидящими за столом с пониманием и местами даже весело. Кое-какие строчки нуждались бы в специальных комментариях, но я умышленно не сделал этого, возложив всю ответственность на богатую читательскую интуицию.

Второе приложение – это бо́льшая часть моих статей, опубликованных в доступной германской русскоязычной прессе. Таким образом мне удалось выставить на поругание все грани моей непрофессиональной писательской деятельности. Эти пробы пера, как и вся прочая моя общественно-полезно-бесполезная деятельность, здесь в Германии на фоне достаточно комфортной иммиграции стали самым надёжным антидепрессантом, а заодно и дали возможность заполнить и разнообразить неожиданно свалившуюся на меня прорву свободного времени.

СТИХИ ПО СЛУЧАЮ

К юбилею Тани Ахназаровой

Так много нами пройдено дорог
За прожитых уже почти два века,
Но возраст наш ещё не тот порог,
Что, преступив, меняет человека.

Мы на ходу! Хотя скрипим порой!
Нам по душе хорошее застолье.
Ещё мы можем! Что? Вопрос второй.
Ведь нам пока ещё не сто лет.

Но я увлёкся! Друг, бокал налей!
Мы будем пить пока не рухнем спьяну.
Сегодня у Танюши юбилей,
Сегодня будем чествовать Татьяну.

Коль Бог даёт, то так уж повелось,
Здесь щедрости Его безбрежность.
В ней всё божественно слилось:
Ум, красота, энергия и нежность.

Она роскошней всех роскошных баб!
Ещё она, отметить это надо,
Лихой водитель, грамотный прораб
На всех семейных стройках Эльдорадо.

Отменный вкус, ну что ещё сказать?
Какой ещё пример тому вам нужен?
Примеров много мог бы я назвать,
Скажу ж одно – удачный выбор мужа!

Живи сто лет, на зависть всем врагам!
Закончил я. Всё не могу объять я.
Все лучшие цветы к твоим ногам,
А с ними пожеланья и объятья!

17 апреля 2005 года

К юбилею Светы Смирновой

Гляжу с тоской на лист бумаги –
Он чист, как сердце юной девы.
И не хватает мне отваги
Начать хвалебные напевы.

Так кто ж в семье источник света,
Благополучия основа?
Конечно же Смирнова Света,
Теперь Ильинишна Смирнова.

Да, Светик, это, право, мило,
Что чувствуем тебя опять.
Надеюсь, ты же не забыла –
Тебе всего лишь тридцать пять.

Есть у тебя отрада – Гости.
Его целуешь сгоряча
И Гости хрюкает от страсти.
А морда просит кирпичча...

Друзья же – просто божья кара!
Замкнулся их порочный круг.
Я на угрюмого Оскара
Гляжу со страхом. Это друг?!

Но вот «забагла жінка хрону».
Хочу, чтоб дом был всем пример!
Хочу боярские хоромы!
Хочу покруче интерьер!

Но и тебя нашла проруха.
И вот строителей полки
Мастырят вам, по вражьим слухам,
Уже двойные потолки.

Под каждой крышей свои Мыши.
Плевать на злобные наветы!
Теперь двойная едет крыша
Как у Володи, так и Светы.

Но я несправедлив, однако,
И позабыл, вспылив слегка,
Того, с кем прочно узы брака,
Тебя связали на века.

Он кладезь знаний, Светоч, разум!
И источают неспроста
Нектар иль яд, иль вместе разом
Его медовые уста.

Ну, хватит! Света, в день рожденья
Хочу сказать тебе, мой свет, —
Люблю тебя, Ильи творенье,
Уже почти полсотни лет.

Пусть будут навсегда с тобою
Любовь, успех, надежда, вера!
Мы ж рядом, что само собою,
Твои друзья: Танюха, Лера.

20 сентября 2005 года

К юбилею Софы Голуб (Пароменской)

Гудит эфир, вещая без умолку!
Пестрят газеты, светятся экраны!
Красавицу, спортсменку, комсомолку
Торопятся поздравить ветераны.

Конечно, нам давно уже за тридцать,
А дни как вешние струятся воды.
Но мы ещё ого, как говорится!
Тогда вперёд! Какие наши годы!

В твой юбилей, родная юбилярка,
Хочу тебя поздравить и обнять я!
Но ты так ослепительна и ярка,
Что даже страшно заключать в объятия.

Конечно, будут тосты, оды, ямбы.
Заложит уши нам от этого набора.
Но заслужила эти дифирамбы
Царица норм из «Электроприбора».

Безропотно склонялись драгметаллы
Под строгой логикой её расчёта.
И добалаяла ты, коль было мало,
Иль убавляла, если вдруг до чёрта.

В тебе такое множество достоинств!
Как все назвать? Мне непосильна ноша.
Скажу лишь, что превыше всех одно есть -
Ты просто очень человек хороший!

Тебе хотим мы пожелать, подруга,
Здоровья, счастья, солнечного света,
Любви детей и внуков, нежность друга!
А осень подождёт, пусть длится лето!

28 февраля 2008 года

Ко дню рождения Иры Золотаревской

Сестре единственной и горячо любимой
Ко дню рождения с парадной миной.

Хотел придумать кой-какие штучки
И выдать как экспромт на бочку,
Но оказалось, что дошёл до ручки –
Строфу лишь накропал и ставлю точку.

Пусть Бог хранит тебя от безотчётных страхов!
Избавит пусть от охов и от ахов!
Коль нет причин – не охни и не ахни!
Бери, сестра, «Шанель» – цветы и пахни!

7 августа 2009 года

К юбилею Боба Ахназарова

Да, начинать всегда не просто,
Точнее, трудно и волнительно.
Но что за юбилей без тоста,
Без тоста даже подозрительно.

Я знаю твёрдо – Богу-Богово!
И помятуя, что рискую,

Для нас родное имя Бобово
Не стану поминать я всеу.

Итак, с чего хочу начать я?
Не знаю, просто наважденье!
Да! С непорочного зачатья,
Точней, со дня его рожденья.

И было так у юбиляра,
Как в библии, держу пари я.
И хоть рекли отца Бегляром,
Но девою была Мария.

И от такой гремучей смеси,
Смешения таких кровей
Родился, к счастью, наш прелестник –
Не армянин и не еврей.

Природа щедро одарила
Дитя умом и красотой,
Талантами и дивной силой
И ростом, что само собой.

Тянулись годы школы, вуза.
Он исключительно от скуки,
Как величайшую обузу,
Лениво грыз гранит науки.

Зато в другом был просто мастер.
Он в искушеньях – чистый демон!
Дам покорял с завидной страстью.
Был падох на вино и дев он.

И как нам тут не умилиться –
Трепещет сердце юной девы.
И падают к ногам девицы
Толь от любви, толь для согреву.

Теперь, увы! О, где вы, девы!
Лишь что-то в памяти теплится.
Без наших ласк живёте все вы.
Ну, просто можно удавиться!

Затем блестящая карьера.
Он скрасить мог любое место
От рядового инженера
До управляющего трестом.

Наш сантехнический мессия,
Прорвав гидравлики законы,
Слил с криком «Эврика!» Россию
От Магадана до Молдовы.

Талант и воля – вот основы.
В работе юбиляр неистов.
Так он на зависть всей Молдовы
Становится её министром.

А дальше что? Развал Союза
И бегство к Северной Пальмире.
А рядом с ним любовь и муза,
Но в однокомнатной квартире.

И здесь, из Северной столицы,
Он строить стал дороги жизни.
И воздалось ему сторицей,
За что сейчас мы дружно взбрызнем!

Наш дорогой успешный мачо
Не сбился ни с одной дороги.
Есть кров для всех, машины, дача.
Пожалуй, можно делать ноги.

Теперь в их жизни дух вольера.
Грибы, рыбалка, чудо-дача.
Завидуют Демар и Терра
Хозяевам на жизнь собачью.

Но рифмача кто остановит?
Заметно, не стерпев нагрузки,
Ко сну присутствующих клонит,
Хоть руки тянуться к закуске.

Да, к сожаленью, тост мой долог,
Но так стряслось в моей судьбе,
Что юбиляр мне очень дорог.
И вот что я скажу тебе:

Тобою сделано немало,
И я готов пропеть любя:
«Там ничего бы не стояло,
Когда бы не было тебя!»

Рай на земле мы юбиляру
Желаем! А теперь пора!
Провозгласим, наполнив чару,
Мы трижды громкое «УРА!»

P.S. Пусть нашей дружбе не кончатся!
Крещатик, Кёльн, Ашдод иль Невский.
Почаще б только нам встречаться!
С любовью! В. Золотаревский.

22 сентября 2008 года

К юбилею Ларисы Турецкой

Нет юбилея без елея,
Но чтоб не показалось мало,
Я в этой оде к юбилею
Начну всё с самого начала.

Был день творенья. Чудо ночка!
И девять месяцев – не много,
Чтоб родилась такая дочка
В семье еврейского портного.

В те годы это был поступок.
Ведь время было столь жестоко!
Евреев ждали лишь халупы
В бараках Дальнего Востока.

Решало после Холокоста
В те Богом проклятые годы
Лицо, изъеденное оспой,
Судьбу еврейского народа.

Но злу назло живым ребёнком
Росла девчонка рядом с адом,
Дом оглашая смехом звонким,
Глядя на мир горящим взглядом.

Но быстро промелькнуло детство
И юность, и подкралась зрелость.
И было лет беспечных бегство
Поспешней, чем того хотелось.

Теперь постылая работа,
Совсем нет времени для дома.
Ты пахнешь до седьмого пота
Уже во славу Гипрострома.

И там негаданно- нежданно
Вы с Таней встретили друг друга.
С тех пор та самая Татьяна
Твоя надёжная подруга.

Но тесны стены Гипрострома,
Советские обрыдли лица.
И точит смутная истома...
А не рвануть ли за границу?!

Свершилось! Можно на просторе
Заморской жизни всласть откусать!
Свобода, Рим и краски моря!
Но кушать – только ножки Буша.

А главной целью были Штаты.
Твой ум, упорство и стремленья
И то, что там достичь смогла ты,
Достойно только восхищенья!

Там робость всю как ветром сдуло,
Дорога сильным лишь открыта.
Ты стало банковской акулой
Почти акулой Уолл-Стрита.

Но наша – всех умней и краше!
Ведь не бывало прецедента,
Чтобы назначили из наших
На должность вице-президента.

И плюс семейные заботы.
Ты ж тётя и сестра, и дочка.
Нельзя убавить обороты –
Все ждут чего-то... Дай, и точка!

В минуту трудную так нужен
Тот, кто протянет руку друга.
И вот он тот, кто Богом сужен
На роль законного супруга.

На фоне банковских Америк,
Средь суеты и жизни светской
Забрезжил долгожданный берег.
И этот берег был ТУРЕЦКИЙ.

Турецкий – это довод веский!
Тут одного хватило взгляда,
Чтоб оценить, что сей Турецкий,
Похоже, парень то, что надо!

Вы вместе вот уж четверть века.
А в жизни всё не слишком просто.
Но время самый лучший лекарь
И быть вам вместе лет так до ста.

Пусть юбилеи словно птицы
Летят иль мчатся будто воды.
Мы можем только подивиться,
Как не меняют Лору годы.

А впрочем, если приглядеться,
Свершилось явно чудо Божье!
Клянусь тебе от всего сердца
Ты стала краше и моложе.

Но хватит! Что за наваждение!
Мы ж, чтобы не снижать накала,
В твой юбилейный день рожденья
Содвинем радостно бокалы!

Пусть год две тысячи девятый
Тебе удач воздаст сторицей!
И пусть нас не пугают даты,
Ведь вместе нам всего сто тридцать!

Давай же лет бегущих ворох
С тобой разделим очень просто:
Тебе достанется лишь сорок,
Мне ж – остальные девяносто.

17 марта 2009 года

К юбилею Тани Симаходской

Не позавидуешь поэту –
«Глаголом жечь сердца людей».
Он, даже если песня спета,
Петь гимны должен в юбилей.

Но нет прекрасней этой темы,
В ней буйство красок и стихий.
Достойна юбиляр поэмы
И в честь её мои стихи.

Да, я могу признаться смело,
Что в Кёльне эдакий нахал
Её над нами королевой
По-дружески короновал.

Улыбка нашей королевы
Несёт достоинства печать.
Улыбка непорочной девы!
Джоконда может отдыхать.

Татьяна так умеет, братцы,
Любить, работать и дружить,
И каждой зорькой наслаждаться.
А попросту – со вкусом жить.

Имея веские причины,
Бог щедро наградил, чем мог,
Её. И тайны медицины
Покорно стелятся у ног.

Покой не ждёт её натура,
Ей как врачу всё по плечу:
Микстура и акупунктура.
Хочу – лечу, хочу – учу.

Ни в чём она не подкачала.
Не тратя времени на сны,
Она усердно улучшала
Нам демографию страны.

Приятная была работа
На территории любви.
Но детки требуют заботы,
Пока не выросли они.

И древо распушило ветки.
А с них глядят на белый свет
Максимки, Ольки, Зойки, Светки.
Тобою созданный букет.

Но прочь пустые разговоры,
Теперь на склоне твоих лет
Они надежда и опора,
И выигрышный твой билет.

Большое сердце у Татьяны.
Там хватит места нам для всех.
Все точки и меридианы
Она раскусит как орех.

Порой готовит злую мину
Нам жизнь. Но прочен наш союз.
Да, ты не рядом – это минус,
Но сердцем с нами – это плюс!

И тут я прерываю ямбы.
Возьми бокал, вина налей.
Танюша, наши дифирамбы
К твоим ногам в твой юбилей.

Мы лучше повода не знаем,
Для тоста самая пора.
Бояре, дружное лехаим
И трижды русское Ура!!!

28 августа 2009 года

Лидо ди Езоло

Благодаря судьбе и Яше,
Назло завистливым врагам,
Судёнышко прибилось наше
К венецианским берегам.

Здесь все каналы словно вены
Причудливо переплелись.
Их воды вековые стены
Давно вылизывать взялись.

Друзья! На что это похоже?
Когда везде идут дожди,
Тут светит солнце, бродят дожи
И Казановы... Лишь дождись.

Порой готовит жизнь подарки,
Когда ты их совсем не ждёшь.
А тут дворцы, мосты и арки,
Где шарился когда-то дож.

Но пищу Лидо ди Езоло,
Уж если откровенным быть,
Без должной дозы фталазола
Мне, братцы, не переварить.

Бонжорно, прего, буно сера.
Освоил их язык уже.
И Итальянская Ривьера
Несёт покой моей душе.

Я смог без высшей математики
Простую истину понять,
Что лучше пляжей Адриатики
На белом свете не сыскать.

Ласкают спину, грудь и талию
Светила тёплые лучи.
Нет лучше солнечной Италии,
Хоть всю планету обыщи.

21 августа – 5 сентября, 2009 года

Ко дню рождения Марата

Поскольку сердце самый главный орган
Воспользуйся подаренным прибором.
Дню новому воскликни: «Гутен морген!»
А далее... на всё клади с прибором!

11 ноября 2009 года

К 55-ой годовщине Иры и Марата

О, как измерить счастье, где критерий!?
Ведь всякое бывает в жизни. Но
Господь приговорил вас к высшей мере –
Пожизненно быть вместе суждено.

Пусть не пугает эта перспектива.
Уверен, что и сыновья, и внуки,
Чтоб осень жизни сделать вам счастливой,
Немедленно возьмут вас на поруки.

А наши пожелания не новы:
Достичь бы вам алмазного венца!
При этом быть практически здоровым!
Мы ж с вами до победного конца!

21 ноября 2009 года

К Новому 2010 году в Испании

Опять стучат часы, простился старый год,
Отшелестели все его страницы.
Так пусть же худшее, что было в нём, уйдёт,
А лучшее – пусть всё же сохранится!

Мы снова вместе за столом, ребята!
Меня разносит прямо от восторга!
Год наступил две тысячи десятый,
Год тигра по календарю Востока.

Есть тигры и у нас, как оказалось.
Здесь речь об Ахназарове, о Лёне,
Ростову мало чтоб не показалось,
О новом доне, Лёне Карлеоне.

Ему астрологи в сей год пророчат
От всех начал сплошные дивиденды.
Добьётся он всего, чего захочет,
Не доложив сверх нужного ни цента.

Но если муж твой – тигр, то ты – тигрица,
Хоть от рождения в овечьей шкуре.
И Бог, и Боб всё воздадут сторицей
Тебе. И будет дальше всё в ажуре.

Но помни, что оракулов советы
Ждут от тебя покорного смиренья.
В год тигра на тебе всегда надеты
Должны быть золотые украшения.

Много вокруг замечательных женщин!
Лучшие нам безусловно достались!
Мы под их взглядом невольно трепещем.
Там, где их сила, увы, наша слабость!

Женщины наши – всей жизни основа.
Лучше их нет, а тем более краше!
Пусть у Толстого – Наташа Ростова,
Ну, а у нас – из Ростова Наташа.

А у того, кто по жизни с ней рядом,
Круто сплелись образцовые гены.
Не оторвать восхищённого взгляда
От добра молодца с именем Гена.

Всем он хорош, и обличьем, и статью.
Кстати, о стати, но стих не про это.
Всякий промолвит: «С какой это стати
Генина статья взволновала поэта!»

Дело не в стати. Возьми, друг, гитару,
Струн прикоснись-ка рукою умелой,
И мы споём на мотив очень старый
Песню про клён, да про заледенелый.

Здесь за столом знакомые всё лица.
От радости я просто цепенею.
Вот Добровольский – благородный рыцарь
Тут со своей прекрасной Дульцинеей.

Они теперь по воле «Чупа Чупса»
Уже аборигены Барселоны.
Сменили ностальгические чувства
На скал испанских розовые склоны.

Они – умны, красивы, импозантны.
Здесь потому открылись очень скоро
Его литературные таланты
И острый взгляд её, как фотоко́ра.

Но не сыскать на рифмача управы.
Я умолкаю. Тост даёт мне право
Здесь, братцы, на просторах Коста Брава
Воскликнуть вам восторженное «Браво»!

Пусть будет этот год храним судьбою
От всех невзгод, печалей и напастей!
Пусть дарит всем вокруг и нам с тобою
Надежду и мечту, любовь и счастье!

31 декабря 2009 года

К Новому 2011 году в Цюрихе

Будто на ёлку украшеньё
От наших молодых друзей
Мы получили приглашеньё
К ним погостить – в страну-музей.

Здесь горы, старина и роскошь,
Здесь интересного не счесть.
Здесь всё естественно, не броско.
Правда... кантонов двадцать шесть.

Но Цюрих главный из кантонов.
Сто лет назад мятежный клич
Из неги цюрихских салонов
Провозгласил тогда Ильич.

Он для дискуссий и прогулок,
Пленённый страстию одной,
Зеркальный выбрал переулок,
Где жил и с тёщей, и с женой.

И мы сюда на Шпигельгассе,
Предвидя кайф и кайф большой,
Рвались суммарной нашей массой,
Стремились сердцем и душой.

Рвались к вам сквозь огонь и воду.
Был близок к исполнению план.
Внезапно всем испортил воздух
Эйяфьятлайокудль-вулкан.

Тут в книгу Гиннеса уместно
Поэта занести в графу.
Вулкана имя, хоть и тесно,
Сумел он разместить в строфу.

И, почесавши алапецию,
В плену опять затеи той
Воскликнул, обсудив с женой,
«Да будет Новый год в Гельвеции!»
Альтернативы нет иной!

Всё краше Цюрих год от года,
Открою тайну вам одну -
Собой Богдановых порода
Облагодородила страну.

И вот, преодолев преграды,
Сидим за праздничным столом.
И чувствуем, что нам здесь рады,
Что не грозит нам здесь облом.

Сверкает канителью ёлка.
Стол манит праздничной едой.
Здесь Аня, Зина и Миколка
Расселись дружною гурьбой.

О каждом хочется отдельно
Мне пару добрых слов сказать.
И хоть за стих не платят сдельно,
Я буду всё же продолжать.

Ах, Анна, Анна! Всем взяла ты!
И всё в твоих стремленьях есть –

Задор, талант, ума палата,
Палата... но не номер шесть.

Её исследования клетки
Оценит каждый капилляр.
А оздоровленные детки
Ей скажут: «Данке, алес кляр!»

Твои труды по гипоксии
Бессмертию откроют дверь.
Они Европе и России
Нужнее нужного теперь.

Всё для болезного народа,
Как пчёлка, вся в трудах она.
И недостаток кислорода
Восполнит нам она сполна.

Настал черёд твой, Зинаида.
Услышав, что ученье – свет,
Она всерьёз, а не для вида
Штурмует университет.

Вину медовому оценка
«Отлично» Зиною дана.
И вовсе не её вина,
Что предпочла она абсенту
Бокал медового вина.

Но чтобы избежать раскола,
Оставлю я в покое дам.
Теперь возьмёмся за Миколу,
И спуска я ему не дам.

Он муж и друг, порой любовник!
А это тоже ведь талант
Держать семейный треугольник
В руках, как истинный Атлант!

Его солидная фигура
Для всей семьи как оберег.
Раз Аню взял – губа не дура!
Короче, клёвый человек!

Друзья, сегодня день особый.
И это право неспроста.
Не пьют сегодня только снобы
За жизнь восточного кота.

Пусть будет год храним судьбою!
Пусть сгинут беды, слёзы, боль!
Пусть дарит всем (и нам стобую)
Надежду, счастье и любовь!

Давным- давно нас ждут закуски,
И выпить всем уже пора.
А потому, друзья, по-русски
Мы трижды прокричим «УРА!!!».

31 декабря 2010 года

К юбилею Эдуарда Козлова

Итак, начну я без преамбул,
Без суеты и лишних слов.
Хочу ошендарашить ямбом
Тебя, дружище мой Козлов!

Конечно, можно и хореем
Твой светлый образ отразить.
Но всем известно, что евреям
Хореем трудно угодить.

Да, нелегка судьба поэта!
«Глаголом жечь сердца людей».
А тут нагрязнул юбилей!
И где ж глаголы взять на это?!

Жил Эдик много лет в России...
Москва была ему мила.
Берёзки и дожди косые...
Но не заладились дела.

Уж червь Козлову душу гложет,
В России свет ему не мил.
Он с криком: «Запад нам поможет!»
В Европу тут же укатил.

Его здесь ждали с нетерпением,
Как ждут в июльский день дождя.
И вот, пожалте вам, явление
С зловещим обликом вождя.

Черт злополучных совпадение.
На двадцатый юбилей
Получишь ордер на вселение
Ты к дубликату в Мавзолей.

Как отпустить могла Россия?
Куда ОВИР в тот миг смотрел?
Нет, он, конечно, не мессия,
Но наш пострел везде поспел.

Сюда он прибыл журналистом...
Хоть не завидный был улов,
Он вспомнил, что в Большом солистом
По прежней жизни был Козлов.

Мы знали трудности Большого,
Когда на пенсию ушёл
Сам Лемешев. И что ж такого?!
Пришёл на смену наш Козлов!

И вновь: «Куда вы удалились?»
Звучит. Пришла его пора.
От злости чуть не удавились
Все остальные тенора.

Имея дивное бельканто,
Он мог бы даже, например,
Прославиться как видный кантор
Или как оперный премьер.

Теперь Козлову Эдуарду
Овации! Восторг! Ура!
И рукоплещет Ковент- Гарден
И на ушах Гранд Опера!

Ну как не поразиться диву?!
Талант Козлова превратил
По сути в оперную диву,
Хотя он пола не сменил.

У Эдика тут всё в порядке.
Какого вам ещё рожна?!
Ведь на его семейной грядке
Детишки, внуки и жена.

О ней тут разговор особый.
Достоинств необъятный круг.
Ведь эта дивная особа –
Любовница, советник, друг.

Когда ж Козлов распустит нюни,
(Рой грустных мыслей, как десант),
К нему на помощь мчит Галюня –
Семейный антидепрессант.

Да, кстати, что за наважденье!
Чуть не забыл ещё аспект...
Галюни нынче день рожденья!
Прими ж мои любовь, респект!

Январь – сплошное торжество.
Не загуляет лишь убогий.
И Новый год, и Рождество,
Распоясались Козероги.

Но гость, я вижу, заскучал.
Прерву дозволенные ямбы.
Как нету без конца начал,
Так и иссякли дифирамбы.

Любовь, как говорят в народе, зла.
Прибегнем к мудрости народной снова.
Нет, мы, не дай Бог, любим не козла,
Мы нежно любим Эдика Козлова.

Я с грацией слона построил мост,
Чтобы поднять наполненную чару.
Мой долгожданный тост предельно прост:
«Любви, здоровья, счастья юбиляру!»

4 января 2010 года

К юбилею Яши Шварца

«Люблю грозу в начале мая», -
Когда-то написал поэт.
Его, скажу вам, не считаю
Авторитетом с ранних лет.

Блеск молний, гром и дождь без края.
Нет, право, мне куда милей,
Стол в дивных яствах предвкушая,
К друзьям прийти на юбилей.

Что ж, восемьдесят – это мило!
Но мало, чёрт возьми, поверь!
Ты самого Мафусаила
Обязан пережить теперь.

Ты лаврам ветхого Мойсея
Завидовал, скажу как есть.
Приехал сам... с мишпухой всею.
А было всех вас сорок шесть.

Германия мишпухе рада,
А Украина вовсе нет.
Ведь ты весь цвет Кировограда
Увёз с концами и... привет!

Конечно, Украина против.
Увёз концы. И в этом суть.
С усекновенной крайней плотью
Народ пустился в дальний путь.

Теперь, чтоб за столом собраться,
Позвать друзей и всех родных,
Не хватит, должен вам признаться,
Двух полноценных выходных.

До слёз обидно юбиляру,
И к горлу подступает ком.
Придется не поправшим чару
Наполнить лишь сухим пайком.

Здесь за столом по разнарядке
Прими мой, Яша, комплимент,
У юбиляра, как на грядке,
Сидит отборный контингент.

Объятья, тосты и лобзанья!
Пришла заздравная пора.
Прими ж и наши пожеланья
Здоровья, счастья и добра.

Тяни до стодвадцатилетья!
Пред Богом долг исполни свой!
Ты прожил счастливо две трети
Но треть осталась за тобой.

26 мая 2011 года

К юбилею Леночки Хенкиной

В день юбилея каждый хочет
Перед виновницей блеснуть.
Всяк в поисках даров хлопочет,
Готовит тосты днём и ночью,
Чтоб тосты отражали суть.

Задача, скажем, не из лёгких –
Петь дифирамбы натошак.
Без закуси, без рюмки водки,
Но верю, будет всё ништак!

Припоминается картина,
Где папа Карло ночь без сна
Строгал сыночка Буратино
Из примитивного бревна.

Каким же было здесь полено,
Чтоб воплотились все мечты,
И в мир прекрасная Елена
Пришла небесной красоты.

С тех пор полсотни лет минуло.
О Боже, это я о чём!?
Нас время явно обмануло
И Леночка тут ни при чём.

Спроси любого человека:
«А сколько нашей Лене лет?»
Полсотни? Пятьдесят? Полвека?
Да это просто сущий бред!

Она стройна, умна, красива
И многим юным фору даст.
На диво даже не строптива –
Достоинств в ней завидный пласт.

Она заботливая мама,
Самоотверженная дочь!
И королевою рекламы
У мужа стать она не прочь.

Да, потрудились тут на славу
Родители. Спасибо им!
Сестра моя, гордись по праву
Произведением своим!

Не прячь «надъёмную» усмешку,
Изящно изогнувши бровь.
Ведь то, что в доме всё успешно,
Твоя не малая в том роль.

Но тут пора коснуться мужа –
Его приоритетна роль.
Пред ним моя стихает муза –
Он – алюминьевый король!

Презрев в стране развал, разруху,
Друзей лихой триумвират
Пахали так, что было духу!
И будьте-нате – результат!

Квартира, дом, полна в нём чаша.
Жена и тёща, и сынок.
Твоя во всём заслуга, Саша!
Ты «лучше выдумать не мог!»

Пожалуй, лучше и не надо.
Как символ поколений смен
Уж вымахал семьи отрада –
Сынок. Он тоже бизнесмен.

Он тоже носом землю роет,
Чтоб на ноги быстрее встать!
С лихвой, я верю, перекроет
Всё, что достиг отец и мать.

Объятья, тосты и лобзанья –
Пришла заздравная пора!
Прими ж и наши пожеланья
Здоровья, счастья и добра!

И в твою честь звучать, мы знаем,
Слова здесь будут до утра.
То иудейское «Лехаим!»,
То просто русское «Ура!».

Пусть будет в доме сыто-пьяно!
Пусть дом ваш будет солнцем залит!
С любовью родственной – Татьяна
И с обожаньем – дядя Валик!

4 ноября 2011 года

Перечень стихотворений

К юбилею Тани Ахназаровой..	271
К юбилею Светы Смирновой	272
К юбилею Софы Голуб (Пароменской)	273
Ко дню рождения Иры Золотаревской. . . .	274
К юбилею Боба Ахназарова	274
К юбилею Ларисы Турецкой	277
К юбилею Тани Симаходской.	280
Лидо ди Езоло	282
Ко дню рождения Марата.	283
К 55-ой годовщине Иры и Марата	283
К Новому 2010 году в Испании	283
К Новому 2011 году в Цюрихе	285
К юбилею Эдуарда Козлова.	288
К юбилею Яши Шварца	291
К юбилею Леночки Хенкиной.	292

**СТАТЬИ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ
(Газеты «Круг», «Форум», «Запад-Восток»)**

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГУМАНИСТА

Умер Лев Зиновьевич Копелев. Писатель, гуманист, человек, олицетворявший для всей Европы и мира современную русскую демократическую культуру. Его биография, описанная им самим в книгах, – зеркало нашего сложного времени. Он прожил как бы много жизней. Талантливый, молодой переводчик в годы войны; подследственный военного трибунала (только потому, что выступил против бесчинств по отношению к немецким старикам, женщинам, детям); «лагерная пыль» и зек знаменитой «шарашки», в которой работали выдающиеся ученые и инженеры; безработный переводчик немецких романов и пьес, приглашенный в Германию для чтения лекций Генрихом Беллем; диссидент, лишенный гражданства; самый известный в Германии русский писатель; деятельный строитель мостов между народами и культурами.

Он прожил в Германии почти двадцать лет, и того, что он сделал здесь как писатель и исследователь, хватило бы на несколько институтов. Тома документов, статей проекта «Вуппертальская инициатива», посвященного русско-немецким связям, – не просто огромная исследовательская работа. Это – памятник, живое проявление нового европейского мышления. Его знали в Германии многие: писатели, политики, журналисты, простые люди. Он часто выступал в газетах, по телевидению. Его огромная культура, изумительный немецкий язык, забота о далеких и близких вызывали почтение и доверие.

Из жизни ушел Лев Копелев, которому судьба дала много мужества и таланта. Он бесконечно помогал товарищам, друзьям, читателям. Он не боялся зла и боролся против него. Щедро дарил себя людям. Его последняя книга «Будущее начинается сегодня» написана о смысле русской истории и пронизана идеями толерантности, морали, человечности. Он был верен им до самого последнего часа. Он живет в наших мыслях, в своих книгах.

«Круг», июль 1997 года.

СОЛНЕЧНАЯ ИГРА

Встреча с великим музыкантом – это всегда событие, которое оставляет след на всю жизнь. И не удивительно, что я с таким нетерпением ожидал этот день – 12 февраля 1998 года, – день сольного концерта одного из лучших музыкантов XX века Мстислава Ростроповича. Правда, радость ожидания была несколько омрачена за пару дней до концерта снобистскими высказываниями типа: «Какая уж тут может быть игра?! Ведь ему уже столько лет! Да и последние годы он уже больше дирижер и общественный деятель, чем музыкант».

Ну, что ж! Каждый может иметь свою точку зрения. Бог им судья! Однако лучшим ответом пессимистам была игра маэстро – такая вдохновенная и техничная, полная изящества и невероятной мощи. Последние годы М. Ростропович, владелец целой коллекции виолончелей (12 инструментов), предпочитает виолончель, сработанную выдающимся итальянским мастером Сториони и купленную им много лет назад у концертмейстера оркестра Киевской филармонии Зиновия Дынова. Именно этим инструментом в руках музыканта-виртуоза творилось то чудо, свидетелем которого мы стали.

В первом отделении была исполнена виолончельная классика: Концерт №1 Сен-Санса и вариации «Рококо» Чайковского для виолончели с оркестром. Здесь хочется отметить деликатный аккомпанемент Литовского национального симфонического оркестра под руководством Робертаса Сервеникаса. После перерыва прозвучала премьера концерта Софьи Губайдулиной «Солнечная песнь» для виолончели, ударных инструментов и камерного хора. Она посвятила ее 70-летию великого музыканта, которое широко отмечалось всем музыкальным миром. Эта музыка одновременно поразила своей необычностью и совершенством гармонии. Чарующие, глубокие звуки виолончели провоцировали новое, волшебное звучание камерного хора. Тема этого произведения – прославление Творца и его творений: солнца и луны, воды и воздуха, огня и земли,

жизни и смерти. Наверное, так будет звучать музыка грядущего XXI века. Как торжество гармонии и точно рассчитанной экспрессии. Каким же внутренне духовно молодым должен быть музыкант, исполняющий такую музыку! Мне казалось, что Ростропович наслаждался вместе с нами. Зал долго, стоя рукоплескал маэстро.

После концерта я разговаривал с концертмейстером Литовского оркестра Валентином Каплунасом. Он сказал: «Последний раз мы играли с Ростроповичем 24 года тому назад. Его мастерство с годами не только не ослабевает, но становится все сильнее и сильнее. Сегодня это была просто солнечная игра».

«Круг», март 1998 года.

КОНЦЕРТ, СТАВШИЙ СОБЫТИЕМ

В этот февральский вечер концертный зал Кёльнской Musikhochschule был заполнен. Еще до начала студенческого концерта в зале чувствовалось некое ожидание, предвкушение музыкального события. Энергию напряжения создавало имя выдающегося музыканта, воспитателя плеяды замечательных скрипачей Захара Брона. Переехавший в этом году из Любека в Кёльн профессор З. Брон одновременно является также профессором ведущих музыкальных ВУЗов Англии, Японии, Испании, Голландии и России. Недавно он был удостоен одной из высших наград Германии – орденом «Verdienstkreuz».

За этой наградой огромный многолетний труд З. Брона – прекрасного педагога и исполнителя, чьи ученики завоевали более ста премий на различных конкурсах, в том числе – девять первых.

Еще свежи воспоминания о прекрасном вечере в Кёльне, когда отмечалось 50-летие З. Брона – при участии не только самого юбиляра, но и его блистательных воспитанников – Вадима Репина, Максима Венгерова и Дайшино Кашимото, уже вошедших в мировую исполнительскую элиту.

Артистическая карьера участников студенческого концерта

только начинается, но имена многих из них уже широко известны, благодаря их победам на международных конкурсах скрипачей. Ряды лауреатов наверняка пополнятся и другими учениками Брона, о чем можно судить по высочайшему уровню концерта, ставшего событием.

К Брону едут учиться со всего мира. Прекрасно, что молодые музыканты, выступавшие в этом интернациональном концерте, так не похожи друг на друга. Мгновенно различимы особенности их эмоционального склада, национального мировосприятия. Но с первых же звуков очевидно и общее – прекрасная школа, артистизм.

Поражали не только замечательное звучание и виртуозность, но и постижение молодыми музыкантами сложнейших сочинений. Когда звучали сонаты Прокофьева и Рихарда Штрауса, концерты Сибелиуса и Шостаковича, сочинения Венявского, Паганини и Ровеля, скидок на возраст исполнителей делать не приходилось. Всё дышало музыкой...

Концертная эстрада входит в жизнь воспитанников Брона рано. Его ученики проходят путь к овладению мастерством много быстрее, чем это привычно. Среди откровений концерта хочется, к примеру, назвать 12-летних – англичанку К. Ханслип, кореянку Е-Ё Юн, 15-летнюю японку Сааку Шойчи. Прекрасно представил неизвестное слушателям сочинение молдавского композитора Г. Няги Герман Рабинович (в ансамбле с пианистом К. Тоникьяном).

Внимание публики не ослабевало на протяжении всего довольно продолжительного концерта. На мой взгляд, подлинной кульминацией стали выступления Тамаки Кавакубо (Вторая соната Прокофьева), Кэйске Оказакки (соната Р. Штрауса) и Кирилла Трусова (Мелодия Чайковского и фантазии на темы оперы «Золотой петушок» Римского-Корсакова-Цимбалиста).

Во многом успеху концерта способствовало ансамблевое мастерство прекрасной пианистки Ирины Виноградовой. Отрадно отметить, что первое представление класса профессора З. Брона прошло с таким успехом. 4 мая в том же зале с концертной программой выступит сам З. Брон.

«Круг», март 1999 года.

ВЕЛИКИЕ ЧУДЕСА СВЕТА (Нью-Грендис, Стонхендж, Парфенон)

Чудо (в переносном смысле) – явление, изумляющее своей грандиозностью, красотой, необъятностью и т. п.
Энциклопедический словарь

Этой статьей мы открываем сегодня цикл под условным названием «Великие чудеса света». Заранее хотим оговориться, что ни редакция, ни, тем более, автор публикуемых в этой серии материалов не претендуют на исчерпываемость предлагаемой информации. Мы лишь хотим обозначить наиболее интересные места на нашей поразительной планете и вызвать к ним интерес нашего любознательного читателя. Мы попытаемся выстроить подобранные материалы в хронологической последовательности, соблюдая при этом географический принцип. Итак, начнем с Европы...

Наше путешествие мы начинаем с Европейской части (примерно 10 млн кв. км) материка Евразия. Одно лишь перечисление великих чудес света, расположенных на территории Европы, могло бы привести даже нашего искушенного читателя в изумление и душевный трепет. На протяжении всей истории люди испытывали неослабевающий интерес к рукотворным памятникам, созданным нашими древними предками. Поражали не только совершенство форм, но и технические решения; не только уровень знаний и фантазии творцов, но и мера человеческого труда и упорства. Чудеса света, о которых пойдет речь, – это чудеса человеческого гения.

НЬЮ-ГРЕНДИС

Между Нью-Грендис, могильником, возведенным в Ирландии еще в каменном веке, и нашими днями пролегли около пяти тысячелетий. Эта таинственная гробница времен палеолита, укрытая огромным курганом, сложенным примерно из 200 000 тонн сверкающей кварцевой гальки, была обнаружена в 50 км севернее Дублина в самом конце XVII века при поисках строительного материала.

В этом невероятном погребении покоятся останки лишь пяти человек. Кто они? Кто возводил это сооружение, окруженное кольцом вертикальных, гигантских размеров, каменных глыб? Как они были сюда доставлены? Почему узоры, выбитые на них, расположены так, что к ним почти невозможно подобраться, чтобы их разглядеть? Почему могильник расположен таким образом, что только в день зимнего солнцестояния солнечный свет проникает в погребальную камеру сквозь тоннель длиной 16,7 метра, выхватывая из крошечной тьмы один-единственный, украшенный геометрическим орнаментом камень, находящийся в задней стенке камеры? Вопросы, вопросы, вопросы... Поблизости находятся и другие могильные холмы, и отдельно стоящие каменные исполины. Вероятно, это комплекс погребений, почитавшийся на протяжении многих веков как священное место.

СТОНХЕНДЖ

На юге Англии в окрестностях Солсбери на фоне серо-голубого неба величественно возвышаются каменные столпы Стоунхенджа – грандиозного сооружения, начало возведения которого теряется в конце третьего тысячелетия до нашей эры. Исконный смысл и назначение Стоунхенджа и по сей день остаются предметом жарких дискуссий ученых всего мира. Архитектурные принципы, расположение камней доказывают понимание создателями законов перспективы, знание математики и астрономии. Поэтому наиболее вероятной гипотезой того, чем же было это сооружение, является предположение об астрономической обсерватории для предсказания сроков лунных затмений. Не случайно же главная ось Стоунхенджа точно указывает на северо-восток в место восхода солнца в дни летнего солнцестояния.

Вероятность разгадать тайну этих каменных исполинов крайне мала, но для тех, кого заворожила красота Стоунхенджа, величественность его ландшафта и тайна и цель его создания, это не имеет никакого значения

ПАРФЕНОН

Вершину холма Акрополь, на склонах которого были воздвигнуты древние Афины, венчает величайший образец

античного зодчества, высшее достижение греческой архитектуры эпохи классицизма храм Афины Парфенос – Парфенон. Он был сооружен в V в. до н. э. в блистательную пору правления Перикла архитекторами Иктином и Калликратом. Здание, построенное в дорическом стиле, окруженное 46 мраморными колоннами, украшенное вверху по периметру тончайшей резьбой по камню фризом, изображающим 192 героя Марафонской битвы греков против персов, поражает, несмотря на свои огромные размеры, легкостью и изяществом архитектуры. Все скульптурные украшения, включая знаменитую статую богини Афины, были выполнены выдающимся античным скульптором Фидием и его учениками. Архитектурный облик Парфенона на протяжении промелькнувших столетий претерпел значительные изменения. Однако в XIX столетии он был частично реставрирован, и, несмотря на то, что большинство его художественных сокровищ были растасканы по музеям мира, сегодня Парфенон продолжает удивлять всех своим совершенством.

*Материал подготовил Валерий Золотаревский,
«Круг», май 1999 год.*

ВЕЛИКИЕ ЧУДЕСА СВЕТА (Пон-дю-Гар, Колизей, Адрианов вал)

Наконец мы снова вместе. И, если Вы уже достаточно отдохнули от прежних путешествий и впечатлений, мы можем, не торопясь, тронуться в путь дальше, продолжая знакомство с шедеврами мирового зодчества.

ПОН-ДЮ-ГАР

Итак, мы отправляемся на юг Франции в Прованс, который 2000 лет тому назад во времена правления славного Августа (Октавиана, 27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) являлся частью Великой Римской Империи. Там, вблизи устья реки Рона, между городами Ним, Авиньон и Арав в 19 г. до н. э. было сооружено чудо инженерной техники – акведук Пон-дю-Гар, который перебросил водопровод через реку Гар для снабжения питьевой водой города Нима. Это функциональное инженерно-техническое сооружение было возведено под

руководством римского полководца Агриппы (63 г. до н. э. – 12 г. н. э.), прославившегося своими постройками в Риме: водопровод, Пантеон, термы и многое другое.

Пон-дю-Гар имеет высоту 49 метров, длину – 275 метров и уклон – 1:3000, выполненный с поразительным архитектурным изяществом; он состоит из аркад, расположенных тремя ярусами. Шесть арок образуют нижний ярус, одиннадцать – средний и тридцать пять составляют верхний ярус, по которому собственно и пролегает водопровод, обеспечивающий каждого жителя города 400 литрами воды ежедневно. К изумлению ученых, выяснилось, что только одна из шести нижних арок моста является несущей. К тому же акведук пересекает реку не под прямым углом, а слегка выгнут навстречу течению. Любопытно отметить, что в техническом справочнике по вопросам водоснабжения Франции («De aquis urbis Romae», I в. н. э.) имеются забавные бытовые подробности, свидетельствующие о том, что и тогда уже некоторые нерадивые землевладельцы делали несанкционированные врезки в государственный водопровод для орошения (без оплаты) собственных угодий. Вот уж действительно, «голь на выдумки хитра».

КОЛИЗЕЙ

Это архитектурное чудо времен Великого Рима и сегодня является едва ли не главной доминантой города. Расположенный в центре Рима на восточном крыле улицы Фори Империяни, он привлекает к себе толпы туристов, являясь ярчайшей достопримечательностью вечного города. Рим и до постройки Колизея располагал несколькими амфитеатрами, где проводились бои гладиаторов и выводились на показ дикие экзотические звери. Римское изобретение – амфитеатр – представляло собой арену эллиптической формы, обнесенную ярусами рядов сидячих трибун. Римский император Веспасиан начал строительство нового, невиданного по размерам (длина окружности около 500 м, а высота – 57 м) и красоте амфитеатра, которое было в основном завершено наследником Веспасиана императором Титом в 80 г. н. э. На торжественном освящении Колизея изумленной публике, кроме гладиаторских боев, еще было показано 5000 диких

зверей. Название Колизей произошло от латинского слова «colosseus» – громадный. Колизей, или, как его называли в первое время, амфитеатр Флавиев, имеет четырехъярусную структуру: нижние три яруса образованы 80 стрельчатыми арками, чередующимися в канонической последовательности дорического, ионического и коринфского стилей, а верхний с небольшими окнами декорирован изящными пилястрами. В арках первых трех ярусов стояли великолепные позолоченные скульптуры.

Однако самыми поразительными являются технические решения, которыми изобилует Колизей. Сложная система лестничных маршей и проходов обеспечивала беспрепятственный и быстрый доступ на трибуны 50 000 зрителей. Но еще более важной задачей являлась безопасная для зрителей доставка на арену зверей. Для этого была создана хитроумная система проходов и подъемников, по которым разъяренные звери, выпущенные из клеток, попадали прямо на арену. Кроме того, самый сложный механизм, состоящий из парусов, канатов и полиспастов (блоков), в считанные минуты раскрывал при необходимости над всей ареной парусиновую крышу диаметром около 200 м.

Благодаря своим конструктивным принципам и архитектурным достоинствам Колизей намного опередил свою эпоху и продолжает изумлять всех и поныне.

АДРИАНОВ ВАЛ

Мы вновь отправляемся с Вами к берегам туманного Альбиона. Так еще древние греки называли Британские острова. Недалеко от границы с Шотландией, от западного побережья Северной Англии до восточного, раскинулась гигантская рукотворная преграда, словно грозная скалистая гряда среди идиллического ландшафта. Это и есть Адрианов вал, или Римский вал. Он тянется на 128 километров, имеет ширину около 4,5 метра, а высоту до 3 метров. Это чудо фортификационной архитектуры было сложено в течение 8 лет во времена правления римского императора Адриана (II в. н. э.) из более чем 750 миллиардов кубометров камней для защиты северных границ Римской империи от варваров. В стену на расстоянии одной римской мили

(1481 метр) друг от друга были встроены укрепленные форты, между которыми располагались по две сторожевые башни. Позднее вал был усилен 14 новыми крепостями, три из которых сохранились и поныне. В этих крепостях размещалось до 40 тысяч римских воинов.

К сожалению, на протяжении последующих столетий Адрианов вал преимущественно использовался как каменоломня и местами был в сущности полностью разобран. Однако даже то, что можно увидеть и сегодня, поражает грандиозностью замысла, усилиями и смекалкой великого множества людей – техников, землемеров и землекопов, каменотесов и каменщиков, осуществивших этот невероятный проект.

*Материал подготовил Валерий Золотаревский,
«Круг», июль 1999 год.*

ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС РУССКОЙ ПРЕССЫ

Он проходил 21-24 июня в городах Москва и Сочи под эгидой ИТАР-ТАСС – одного из крупнейших в мире информационных агентств и Российского института прессы. Генеральный директор ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко, естественно, был председателем Оргкомитета конгресса.

Участницей конгресса стала и Ваша газета «Круг». Большинство делегатов конгресса, приехавших из ближнего и дальнего зарубежья, были поражены его размахом, явно не соответствующим мероприятиям подобного плана. Это ощущалось сразу, начиная от момента приземления в Шереметьево-2 до завершающего аккорда – фейерверка на берегу моря. Достаточно сказать, что делегация конгресса была принята президентом России Б. Ельциным, а на трибуну конгресса поднимались первые лица государственной элиты России (премьер-министр С. Степашин, председатель Государственной думы Г. Селезнев, руководитель администрации президента А. Волошин, мэр Москвы Ю. Лужков, министры В. Рушайло, И. Иванов, В. Егоров, Р. Абдулатипов, бизнесмены Б. Березовский и М. Ходорковский,

В. Черномырдин и многие др.). Перед делегатами выступил также Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

Несмотря на напряженный график работы, участникам конгресса в рамках культурной программы был предложен полный «джентльменский» набор: экскурсия в Кремль, балетный спектакль в Большом Театре, сочинский берег моря, концерт звезд российской эстрады и, в завершение, прием-отвальная со сказочным фейерверком.

Все это происходило с доброжелательностью и радушием, столь свойственными русскому гостеприимству. Но мы помним по прежним годам, что высший пилотаж гостеприимства всегда был уделом только иностранцев, кем мы, волею судеб, и были на этот раз. Впервые на моей нагрудной визитной карточке под фамилией в графе страна стояло – ФРГ.

Этот размах, который никогда бы не позволили себе по аналогичному случаю и более богатые страны, породил много вопросов, и прежде всего вопрос о том, чего же все-таки от нас хотят. У меня эта ситуация вызвала в памяти очень милый старый анекдот:

Встречаются два грузина, и один спрашивает другого: «Гиви, ты любишь помидоры?» Гиви отвечает: «Кушать – да! А так – нет...».

Однако постепенно становилось понятным, что эта внешняя, «показушная», часть конгресса вполне соответствовала его цели – созданию единого информационного пространства, включающего в том числе и русскоязычную прессу ближнего и дальнего зарубежья. Как сказал в интервью председатель Оргкомитета конгресса Виталий Игнатенко: «География конгресса, отражающая географию прессы русского зарубежья, простирается от Австралии до Скандинавии, от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. В общем, весь земной шарик. Это позволило зримо представить место русскоязычной прессы в мировой журналистике. Если исходить из масштаба глобуса, получится целый материк формата, скажем, Евразии».

Как и насколько будет успешно решаться эта задача, сейчас судить еще преждевременно, но конгресс, как первая,

предвещающая весну ласточка, говорит о том, что «процесс пошел». И одним из зримых его результатов стало решение о создании Всемирной ассоциации русской прессы. Пока еще нет устава, и потому не сформулированы ее задачи и пути их достижения. Но скоро, видимо, будет пройден и этот этап. По сути, впервые здесь была сделана попытка опереться на то, что нас всех объединяет. А это прежде всего язык, на котором мы говорим и думаем, великая русская культура и наши корни, оставшиеся там, откуда мы приехали.

Я думаю, что не случайно конгресс почти совпал по времени с подписанием Президентом РФ Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Россия поворачивается лицом к почти 80-миллионной русской диаспоре, и информативное подкрепление этого явления становится задачей номер один. Очень хорошо сказал об этом Виталий Игнатенко в интервью журналу «Эхо планеты»: «Сегодня в жизни русской диаспоры произошли коренные изменения. Мы очень много потеряли от того, что в советские годы русская эмиграция была объявлена «вражеским гнездом».

Стена забвения, которая была возведена вокруг тех, кто не принял революцию и оказался на чужбине, была в определенной мере сродни Берлинской. Она пролегла по живому телу русской жизни, русской культуры, разорвав общую систему кровообращения. К каким последствиям это привело, хорошо известно. Сейчас, по счастью, эта стена разрушена, произошло воссоединение единой русской культуры, составной частью которой является и русская пресса. Русские люди, оказавшиеся за рубежом, сохранили национальную идентичность, российский менталитет, в том числе высокую духовность, глубокий интерес к русской культуре, лучшему из того, что было создано национальным гением. И это отражается в характере зарубежной русской прессы. Ее отличает культура слова».

Приятно, что, в конечном счете, и мы «этой силы частица». В ходе конгресса мне довелось услышать немало лестных слов в адрес «Круга», что, по-видимому, и определило явно завышенный интерес ко мне интервьюеров. За эти

несколько дней состоялись интервью журналу «Эхо планеты», газетам «Россия сегодня» (Болгария), телевизионной программе «Вести» (РТР), корреспондентам ИТАР-ТАСС, радио «Россия» и московскому бюро радио «Свобода». Все они с неподдельным интересом расспрашивали о газете, жизни русскоязычной диаспоры Германии, интересовались тем, насколько удовлетворяются русскоязычной прессой информационные и культурные потребности людей за рубежом. Привезенные мной более чем полсотни последних номеров «Круга» разошлись в течение нескольких часов. Это было настолько неожиданно, что единственный оставшийся номер я вынужден был снять со стенда, чтобы было что показывать во время бесчисленных кулуарных встреч и разговоров. Кстати, он в конце концов достался президенту Австралийского общества любителей русской словесности им. В. Солоухина г-ну Лагунову, который и стал нашим первым подписчиком в Австралии.

За дни работы конгресса была возможность встретиться, поговорить и даже подружиться со многими очень интересными людьми. И хотя общение происходило кулуарно, в неформальной обстановке, иногда в одних плавках, все же удалось наметить некоторые проекты, завязать деловые контакты, обменяться заманчивыми идеями. Порой мне не хватало знания географии (благословен будь Фонвизин), чтобы понять, откуда приехал тот или иной коллега.

Встречался я и с коллегами из нашего немецкого десанта, которые представляли газеты «Европа-Центр» (Ю. Зарубин), «Восточный Экспресс» (Н. Косска), «Ведомости» (Д. Гершоин) и «Русская Германия» (Ю. Штамов).

Конечно, высказывались различные точки зрения на цели и задачи конгресса, в том числе и довольно оригинальные. «Да это же дела ФСБ, – возбужденно говорил, как всегда, самый подозрительный. Они просто хотят нас сосчитать. Это же и ежу понятно». Тут я сразу же почувствовал себя значительно менее сообразительным, чем это милое животное, так как мне это было непонятно. А одна почтенная дама, разомлев после изысканного обеда, перечисляя недостатки, наконец нашла, что же все-таки ей не понравилось на

конгрессе. «Да ведь это же еврейский конгресс!», – изрекла она. Кому же, как не евреям понадобилось проводить конгресс русской прессы! В связи с этим мне вспомнились слова известной песни: «Если в кране нет воды...».

Все это из области – «сколько людей, столько и мнений», но с этих же позиций интересно было услышать ответы власть предержащих на главный для сегодняшней России вопрос – кто будет президентом. Задавал этот вопрос и я.

К. Титов – губернатор Самарской области: «Не исключаю, что кандидатура нового Президента России будет рождена губернаторским корпусом».

Б. Березовский – бизнесмен: «Я не знаю такого человека, которого видел бы президентом России, но мы скоро увидим много новых людей, среди которых, возможно, будет такой человек. Из сегодняшних лидеров я никого не буду поддерживать».

Н. Михалков – председатель Правления Союза кинематографистов России: «У России все-таки есть свой путь, который она рано или поздно найдет, заняв свое место в мировом сообществе. Здесь должна быть преемственность власти, и институт монархии для нее самый органичный. К тому же, я не знал ни одного генсека, ни одного президента, который не чувствовал себя здесь монархом. Я поддерживаю на выборах того, для кого, как сказал Платон, «власть будет не возделенной, а обузой»».

Конгресс окончил свою работу. Следующий планируется провести в 2000 году в Америке. До новых встреч, коллеги и друзья!

«Круг», август 1999 год

ВЕЛИКИЕ ЧУДЕСА СВЕТА (Готические соборы Франции)

Чудо (в переносном смысле) – явление, изумляющее своей грандиозностью, красотой, необъятностью и т. п.
Энциклопедический словарь

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС

Стремительно проносятся столетия. Позади остаются такие чудеса человеческого гения, как Нью-Грендж (Ирландия) – таинственная гробница времен каменного века; Стоунхендж (Англия) – величественные исполины, возведенные поистине титаническими усилиями первобытных людей; безупречные архитектурные шедевры античного мира: храм Парфенон – величие и слава Древней Греции и Колизей – архитектурная доминантамогущества Римской империи. Сейчас мы с Вами переносимся в начало второго тысячелетия, когда под влиянием христианства в Западной Европе возникают новые архитектурные стили, выразившие себя в устремленности к небу и Богу. Под влиянием классической архитектуры Древнего Рима сложился стиль, вошедший в историю искусств под названием романский и продержавшийся в Европе с VII по XII век. Появление в архитектурных конструкциях стрельчатых арок и наружных полуарок (аркбутанов) положило начало готическому стилю, просуществовавшему с XI по XVI век. Создатели готических соборов ставили перед собой сложную, а порой даже и противоречивую задачу воспеть могущество Бога, устремив все элементы храма ввысь, одновременно наполнив его символикой, олицетворяющей присутствие Христа на земле.

Первые готические соборы в Европе появились на территории Франции. Взметнулись в небо шпили соборов высокой готики Иль-де-Франс в городах Альби и Амьене, Бове и Бурже, Париже и Шартре. Наиболее выдающиеся из них посетим и мы с Вами.

АМЬЕНСКИЙ СОБОР

Амьенский собор считается крупнейшим во Франции. По замыслу своих создателей этот храм общей площадью 7800 кв. м должен был вместить 10 тыс. человек, что составляло все население Амьена в XIII веке. Собор, построенный Робером де Люзаршем во времена епископа Эврарда де Фуало, был последним в ряду готических соборов Иль-де-Франс. Строительство собора заняло всего лишь 50 лет и завершилось к 1269 году. Амьенский собор прекрасен со всех сторон. Стройный башенный шатер фонаря над

средокрестием усиливает общее впечатление устремленности ввысь и подчеркивает высоту готических конструкций. Западный фасад, одно из лучших творений средневековой готики, богато украшен скульптурой и рельефами. Несимметричные башни фасада венчают галерею статуй царей иудейских, установленных в средней части собора. Сто десять резных сидений хора по праву считаются лучшими во Франции. Они были выполнены в начале XVI века и украшены скульптурными рельефами со сценами из Ветхого завета и жизни горожан (4500 фигур). Западный фасад, Нотр-Дам, в Амьене счастливо пережил обе мировые войны и остался истинным шедевром готической архитектуры.

СОБОР В ШАРТРЕ

О соборе в Шартре можно говорить только в суперлативе. Его высокие нефы, изящные скульптуры и сказочные витражи никого не могут оставить равнодушными. Он как бы парит в воздухе над поражающими воображение просторами. Две разностилевые вершины собора – шпиль высотой 105 м в форме простой пирамиды и шпиль высотой 113 м в стиле «пламенеющей» готики – взметнулись над бледно-зеленой крышей. После серии пожаров в XI и XII веках собор был вновь отстроен и 24 октября 1260 года освящен в присутствии короля Людовика IX и его семьи. Роскошь наружного убранства не может предвосхитить чуда, ожидающего нас внутри. Свет, струящийся сквозь окна с красивейшими витражами, вспыхивает повсюду яркими пятнами.

Собор в Шартре обладает самым крупным в мире собранием средневековых витражей, изображающих бытовые сюжеты и сцены из жизни святых. Эти изумительные витражи олицетворяют фантастическое разнообразие цвета в природе. Жемчужиной собора являются окно XII века, известное под названием «Богородица из красивого стекла», а также огромное окно-роза, украшенное гербами Франции и Кастилии и носящее название «Роза Франции».

В сокровищнице собора бережно хранится одна из реликвий христианского мира – Святая Плащаница, которую еще в 876 году пожертвовал городу Карл II Лысый. По легенде, в эту «сорочку» была одета Дева Мария, когда родился Иисус

Христос. Жители Шартра свято верят, что Святая Плащаница дает им особое покровительство Богоматери.

РЕЙМСКИЙ СОБОР

В 200 километрах северо-восточнее Парижа в городе Реймсе находится один из самых гармоничных архитектурных творений «высокой» готики – собор Нотр-Дам в Реймсе. Традиционно все французские короли начиная с короля франков Хлодвига I короновались в стенах этого храма. Золотая коронационная чаша XII века составляет гордость собора. Этот сосуд, надпись на котором предупреждает возможного похитителя о грозящей за это неизбежной расплате, служил для причащения королей во время их коронации. В основном строительство собора было закончено в XIV веке. Однако разрушительные нападения гугенотов в XVI веке, варварство революционной толпы в конце XVIII века и немецкие бомбардировки (около 300 снарядов и мин прямого попадания) в первую мировую войну нанесли серьезный урон собору. Лишь ценой огромных усилий французским мастерам-реставраторам удалось восстановить былую чарующую красоту Реймского собора.

Снаружи собор окружен ажурными контрфорсами. Проникающий внутрь собора свет льется через большие окна центрального и боковых нефов, а также через круглые окна алтаря, мягко освещая интерьер собора. Скульптурный фриз на фасаде собора является его главной достопримечательностью. Галерея украшена 500 замечательными фигурами, большая часть которых была выполнена в XIII веке.

В 1429 году Жанна д'Арк, Орлеанская Дева, присутствовала на коронации в соборе короля Франции Карла VII. Отсюда началось ее триумфальное шествие к победе над Англией в 100-летней войне. Недаром Реймский собор называют музеем готики и истории Франции.

*Материал подготовил Валерий Золотаревский,
«Круг», сентябрь 1999 год*

ПАРИЖ СТОИТ МЕССЫ?

Все рассчитано психологически точно. Свежее утро. Ты проснулся бодрым и отдохнувшим. Заглянул, как обычно,

в почтовый ящик. А там тебя ожидает очередной сюрприз. Выигрыш – 4-дневная поездка в Париж! Красочная путевка радует глаз. Правда, несколько смущает память, которая категорически не хочет вспомнить, с кем, когда и во что ты играл. Однако уверенность, что наконец и тебе должно улыбнуться счастье, делает свое дело. Вечер все же проходит в сомнениях. Мы с женой, считая себя людьми опытными, не увидев никакого подвоха, легко принимаем такое привычное решение: «Ехать надо!»

Вторая путевка, разумеется, платная (398 DM). За неделю до указанного в путевке срока мы, обеспокоенные отсутствием какой-либо уточняющей информации, звоним в туристическое бюро и слышим бодрый ответ: «Немного терпения, и вы все получите». Действительно, вскоре получаем уведомление, что отъезд с Komodienstr. в 3 часа ночи. Время очень удобное: движения в городе почти нет, а городского транспорта нет и вовсе. Что ж, «Париж стоит мессы!»

Берем такси, и к 2.30 мы уже на месте. К своему удивлению и, не скрою, радости, застаем еще человек 20 выигравших, покорно ожидающих в полусонном состоянии своей участи. Автобус подруливает в 4 часа. При этом оказывается, что ожидание людей бодрит и даже возбуждает. Разгоряченная публика пытается высказать свое «фе» водителю автобуса. Но его ответ наконец открывает нам глаза: «Это автобус, а не самолет!» С этим трудно спорить. До 7 утра продолжается укомплектование 2-этажного чрева на колесах. К этому времени выясняется, что первые, севшие в Хамме, были взяты на борт еще накануне в 21.00. Ну что же, может быть, действительно «Париж стоит мессы...».

Итак, в 7.30 мы пересекаем границу Германии и берем курс на Париж. Около часу дня вконец разомлевшие путешественники с недоумением видят по дорожным указателям, что Париж они уже давно проехали. Спустя непродолжительное время перед нами раскрываются двери придорожной провинциальной гостиницы, расположенной в 45 км от столицы мира. Нас встречают представители фирмы – некто Хельмут и Петра, мучительно напоминающие известные персонажи кота Базилио и лису Алису, и начинается работа. Нам

объясняют, как они нам рады (еще бы!), как они все заботы возьмут на себя. Нам лишь остается доплатить каждому по 170 DM, и нам гарантированы три поездки в Париж, и если будем себя прилично вести, то даже с экскурсоводом. Правда, за посещение исторических мест нужно будет еще уплатить, но уже совсем пустяк (около 100 DM).

Нам, простофилям, доходчиво с профессиональной улыбкой (оскалом) объяснили, что ничего лучшего быть не может, да и выбора у нас нет, так как такси до Парижа стоит около 200 DM. После непродолжительного сопротивления и возмущенных возгласов все обреченно потянулись за кошельками. Все-таки «Париж стоит мессы!». Мы же, убежденные в этом тоже, но тренированные ложью и трудностями всей нашей прошлой жизни, решили: мессы то он стоит, но без такого беспардонного надувательства.

Выяснив день и время отъезда группы, мы с ними распрощались. Правда, нас ждал еще один сюрприз, но уже, как оказалось, последний. Отъезд был назначен на утро третьего дня пребывания, что, по сути, на день сокращало продолжительность нашего путешествия, т. е. о нас позаботились вновь, уменьшив тем самым количество предоставляемых этим ненавязчивым сервисом неудобств. Зато обратная дорога оказалась, также вопреки законам физики, вдвое короче. Несложно понять, что дорога туда идет за счет времени туристов, а обратный путь – это уже драгоценное время экипажа автобуса.

Так все же стоит ли Париж мессы? Безусловно, стоит. Но не стоит поддаваться на сомнительные выигрыши. Фирмы-жулики этого только и ждут. Остается лишь назвать эту фирму:

Flair-Reisen GmbH, Postfach 1221, 32827 Augustdorf .
Будьте осторожны!

«Круг», январь 2000 год

СОЛНЦЕМ ПОЛНА ГОЛОВА (Ощущения после концерта)

9 февраля под золотисто-серыми сводами Кёльнской филармонии звучала солнечная музыка. Оркестр «Виртуозы

Москвы» под управлением Владимира Спивакова (1944) при участии виолончелиста Миши Майского (1948) исполнили произведения Вольфганга Моцарта и Йозефа Гайдна, Луиджи Боккерини и Джоаккино Россини. В этот вечер все, находящиеся в зале да, пожалуй, и на сцене, были объединены божественным очарованием романтической музыки ярких представителей так называемого «галантного стиля».

В зале на протяжении всего концерта царил поразительная атмосфера, которая бывает только тогда, когда музыка и её творцы целиком завладевают сердцами и душами зрителей. Люди сидели, затаив дыхание, с обезоруживающими улыбками, растворяясь в завораживающей гармонии выдающихся исполнителей. Тридцать лет назад в 1979 году скрипач-виртуоз Владимир Спиваков создал оркестр «Виртуозы Москвы», который, несмотря на все гнусности и соответствующие препятствия советского периода, завоевал любовь в безвременно почившем СССР и за рубежом. О творческих достижениях В. Спивакова можно говорить много и только в суперлятивах, но самым главным, на мой взгляд, является создание безупречного музыкального коллектива – «Виртуозы Москвы». Они всегда с огромным пиететом относятся к исполняемой партитуре, выжимая максимум из заложенного автором, делая это деликатно и с достоинством.

Программа концерта была построена симметрично. Каждое из отделений начиналось с оркестровой вещи (в первом – 29 симфония Моцарта, а во втором – соната Россини), затем Миша Майский играл свои концерты для виолончели с оркестром (Боккерини и Гайдн – соответственно). Однажды, давая интервью, он сказал: «Я – космополит, родился в Риге, учился в Москве и Ленинграде, на итальянской виолончели с немецкими струнами я играю французским смычком, езжу на японской машине, у меня израильское гражданство, и при этом я долго жил в Париже, а сейчас – в Бельгии, но все это вторично. Космополитизм заложен в моей профессии». Один из лучших сегодня виолончелистов мира, непревзойдённый виртуоз, Миша Майский обладает какой-то просто-таки звериной музыкальной интуицией. В его интерпретации каждое исполняемое им произведение

приобретает новые краски, позволяющие подать композитора с наилучшей и неожиданной стороны. Так и получился сказочный симбиоз великих музыкантов – Миши Майского и оркестра «Виртуозы Москвы».

А на десерт были поданы два страстных аргентинских танго Пьяццола и в зал проникли пряные ароматы и обжигающие лучи солнца Южной Америки. Рядом со мной сидел молодой немец, который в перерыве между отделениями наклонился ко мне и спросил: «Это ваши земляки?» и я, скромно потупив взор, с удовольствием подтвердил это.

«Запад-Восток», февраль 2010 год

ПОД ПРЕССОМ РУССКОЙ ПРЕССЫ

Нет ничего необычного в том, что на улицах многих городов мира все чаще и чаще слышна русская речь. Это было особенно заметно в последние дни апреля 2000 года в Нью-Йорке. Город принимал русскоязычный журналистский десант, высадившийся на земле Колумба в связи с проведением II Всемирного конгресса русской прессы.

Организатором конгресса вновь, как и в первый раз, было ИТАР-ТАСС, но теперь уже в компании с газетой «Новое Русское Слово», к 90-летию которой, по сути, и был в спешке приурочен конгресс. И это не удивительно, ведь в Писании сказано: «Сначала было слово». А этим словом на сей раз и было «Новое Русское Слово». Свыше 200 участников конгресса из 50 стран мира, создатели различных средств массовой информации, преодолев многие сотни и тысячи километров, собственную занятость и денежные проблемы, собрались под сводами конференц-зала шикарного отеля «Шератон». И трудно поверить, что всё это могло состояться не благодаря подлинной заинтересованности в реализации идей Всемирной Ассоциации русской прессы, а лишь затем, чтобы отметить почтенный возраст одной из наиболее известных русскоязычных газет мира.

Взволнованный виновник торжества, издатель и главный редактор «Нового Русского Слова» Валерий Вайнберг, растроганно принимал поздравления и подарки. Его приветствовали многие выдающиеся люди нашего времени:

Мстислав Ростропович, Эрнст Неизвестный, Михаил Шемякин и другие. Состоялся импровизированный концерт, в котором было много юмора, музыки, песен. На замечательную музыку Александра Журбина были положены нетленные строки Вашего автора:

Теперь уже Второй конгресс Всемирный вызвал интерес. Что ж, ради нашей русской прессы Нью-Йорк, конечно, стоит мессы.

Апофеозом стало заочное вручение верблюда от достаточно Средней Азии и вороного коня от средних предпринимателей Манхэттена.

Справедливости ради, нужно сказать, что организовано все было очень мило. Это и необременительные пленарные заседания, и бесконечная череда коктейлей и хлебосольных приемов, что, видимо, по замыслу организаторов конгресса должно было способствовать формированию единого русскоязычного информационного пространства – основной задаче, так до сей поры и не созданной Всемирной Ассоциации русской прессы (ВАРП). Решение об этом было принято еще на I Конгрессе в Москве. И не беда, что рождение Ассоциации было только озвучено, зато в короткой паузе между заседаниями были избраны все руководящие органы ВАРП: президент, три вице-президента и исполком, состоящий из 8 человек. В итоге Ассоциации нет, а руководители уже налицо. Невольно на память приходит замечательная повесть С. Довлатова «Филиал», в которой очень точно и язвительно описана подобная ситуация.

Но вернемся к трудовым будням. В первый день состоялось пленарное заседание на тему: «Россия сегодня. Новый президент. Новые элиты. Новая страна». Казалось, ничто не могло нарушить размеренно убаюкивающий ритм вялотекущих выступлений ораторов. Но нас ждал тщательно подготовленный сюрприз. На трибуну буквально взлетел, оттеснив совершенно оторопевшего, выступавшего в тот момент Эдуарда Сагалаева, первый и одновременно последний Президент СССР М. Горбачёв, который, в свойственной только ему манере, в течение 40 минут плел искушенные словесные кружева, пытаясь донести до участников

конгресса мысль, что В. Путин, хотя и не имеет нужного политического опыта, – все же явление положительное. Практически все выступавшие в этот день, в том числе и те, которые поначалу пугали Путиным, заканчивали предложениями поддержать Избранного Президента. Поминали «незлым тихим словом» и могущественных олигархов, по-дружески предупреждая доверчивого Путина об исходящей от них угрозе демократическим преобразованиям. Некоторые фантазеры даже требовали, чтобы Избранный Президент немедленно дистанцировался от таких олигархов, как Абрамович и Березовский. С трибуны даже прозвучал новый политический слоган: «А и Б сидели на трубе, а теперь еще и на алюминии».

Последующие пленарные заседания на темы «Русские общины» и «Русская Америка» очень мало отличались друг от друга и прошли с явно пониженным тоном. Правда, все же две темы вызвали заметное оживление в поредевших рядах участников. Первая касалась вопроса защиты авторских прав и поиска путей в борьбе с беспардонным журналистским воровством. При этом был назван ряд печатных изданий, номера которых почти сплошь состоят из незаконно заимствованных материалов. В этом смысле газета «Круг», по мнению отдельных участников конгресса, даже несмотря на свои ограниченные возможности, выгодно отличается от своих прощтрафившихся коллег.

Второй существенной темой было предложение о создании на технической базе ИТАР-ТАСС в Интернете банка наиболее интересных и актуальных публикаций Ассоциированных членов ВАРП с предоставлением друг другу права перепечатывания этих материалов. Тем самым было бы положено начало эффективной борьбе с журналистским пиратством.

Однако все, как известно, имеет начало и конец. Завершил работу и II Всемирный конгресс русской прессы. Это была достаточно хорошо организованная международная журналистская тусовка, во время которой завязались новые важные деловые и творческие контакты, было много интересных встреч, родились свежие идеи. И все это

несмотря на не вполне адекватные физические и материальные затраты.

Мне хочется привести еще несколько цифр в качестве информации к размышлению, отражающей некую, пока еще неявную тенденцию. На I Конгрессе русскую прессу дальнего зарубежья представляли 60 % участников, 15 % были делегированы от ближнего зарубежья и 25 % представляли Россию. На II же Конгрессе дальнее зарубежье было представлено лишь 35 % участников, а Россию и ближнее зарубежье – оставшиеся 65 %, несмотря на дальность расстояния и высокую стоимость участия...

И все же меня не покидает, возможно наивное, но недолимое чувство ожидания и надежды. Надежды на то, что пресловутое единое русскоязычное информационное пространство станет реальностью; что выбранные руководящие органы Всемирной Ассоциации русской прессы к III Конгрессу обеспечат создание правовой базы ВАРП, уставных и учредительных документов и такого желанного общедоступного банка публикаций.

И мне, как киевлянину, особенно приятно знать, что следующий, III Конгресс русской прессы, состоится в моем (увы, в прошлом) замечательном городе Киеве, известном не только своей историей и красотой, не только своими доброжелательными жителями, но и своим знаменитым гостеприимством.

*До побачення в Києве!
«Круг», июнь 2000 год*

ВСТРЕЧИ НА ЭЛЬБЕ

Утро 25 февраля 2001 года... Группа интеллигентного вида пожилых людей с трудом продирается сквозь ликующую толпу на главном вокзале Кёльна. Вокруг ряженые, смех, пение, танцы, пенящееся пиво. Кёльнский карнавал в самом разгаре. Но героям нашего рассказа не до того. В голове проносятся «плодотворные дебютные идеи», рассматриваются десятки вариантов, отбираются лучшие. Мысль работает безостановочно. Варианты, варианты, варианты... Однако пора познакомиться.

Ефим Ротштейн, Александр Любошиц, Борис Хануков и Эдуард Бахматов. В прошлой жизни они успешно занимались научной и инженерной деятельностью, а сегодня, одержимые страстной любовью к шахматам, объединились газетой «Круг» в шахматную дружину, официально представляющую землю Северный Рейн-Вестфалия.

Когда стало известно, что в Дрездене с 26.02.01 по 03.03.01 состоится открытый командный чемпионат Европы по шахматам среди сеньоров (людей старше 60 лет), в редакции газеты «Круг» возникла идея собрать команду истинных любителей этой древней игры, прибывших в Германию в последнее десятилетие по статусу «контингентных беженцев», чтобы продемонстрировать уровень интеллектуального потенциала нашей иммигрантской группы. Но это стало возможным только благодаря моральной и материальной поддержке министра-президента земли Северный Рейн-Вестфалия Вольфганга Клемента, министра труда и социального обеспечения Харальда Шартау и таких влиятельных организаций, как Bundes и Landeszentrale für Politische Bildung.

Итак, поезд Кёльн–Дрезден уносил к берегам Эльбы команду газеты «Круг» в пучину шахматных страстей. На перроне Дрезденского вокзала их встречали руководитель чемпионата г-н Шмидт и его помощник, которые на протяжении всех игровых дней обеспечивали четкую организацию, информационное обслуживание и дружескую атмосферу. Участников разместили в уютных номерах четырехзвездочной гостиницы «TreffHotels», в конгресс-зале которой проходили игры.

Утром 26 февраля стали окончательно известны все участники чемпионата. Их оказалось 22 команды, большинство из которых представляли города и федеральные земли Германии. Из зарубежных команд были: две – от России (1-я и 2-я команды Москвы), одна – от Польши (г. Вроцлав) и одна – от Австрии (Зальцбург). Не обошлось и без сюрпризов. К удивлению организаторов чемпионата, команды Москвы привезли довольно внушительный дополнительный призовой фонд (наличными), явно рассчитывая, и не без основания, самим же его и выиграть, так как в составе их

команд были такие выдающиеся гроссмейстеры, как Евгений Васюков, Игорь Зайцев, Ратмир Холмов, Олег Черников и др. Информация к размышлению: в обеих командах Москвы не оказалось ни одного еврея. Всего в этом чемпионате Европы участвовали 96 шахматистов, из которых 6 – гроссмейстеры, 3 – международные мастера и 7 – мастера ФИДЕ.

Чтобы не перегружать читателя хотя порой и драматическими, но чисто шахматными подробностями поединков всех семи туров, приведу лишь окончательные результаты.

Первое место (14 очков), золотые медали и премию в размере 3000 DM заслуженно получила 1-я команда Москвы; второе и третье места с 11 очками, серебряные и бронзовые медали, а также денежные премии в размере 2000 DM и 1500 DM соответственно достались сборной команде Саксонии и спортивному клубу VOEST. Четвертое место заняла команда газеты «Круг», в которой в индивидуальном зачете отличились Борис Хануков и Эдуард Бахматов, занявшие первые места на 3-ей и 4-й досках соответственно. Кроме того, был проведен блицтурнир, победителем которого также стал шахматист из команды «Круга» Ефим Ротштейн.

Но была и ложка дегтя в бочке меда. Перед последним туром, в котором должны были встретиться между собой команды Москвы, между ними произошел конфликт, носящий явно меркантильный характер. В результате 2-я команда Москвы не вышла на игру, и ей было засчитано поражение со счетом 0:4, что отбросило ее на седьмое место. Поистине, «умом Россию не понять...».

Третий Европейский чемпионат по шахматам среди ветеранов торжественно завершился вручением медалей, денежных призов и памятных сувениров. До новых встреч на черно-белых полях!

«Круг», апрель 2000 год

КАКАЯ МУЗЫКА БЫЛА, КАКАЯ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА!

Да, это было действительно незабываемо!

4 ноября в рамках серии концертов духовной музыки у

саркофага с мощами трёх волхвов, установленного в алтарной части Кёльнского собора, состоялся концерт Лимбургского хора и оркестра под управлением Маркуса Мельхиора (LimburgerDomchor, LimburgerDomorchester, Leitung: MarkusMelchior). В программе прозвучали всего лишь два произведения. Но какие! Кантата №82 Иоганна Себастьяна Баха (JohannSebastianBach) и «Реквием» Вольфганга Амадея Моцарта (WolfgangAmadeusMozart). Гениальная музыка, великолепное исполнительское мастерство оркестра, хора и солистов, средневековый антураж готического клироса, ослепительная красота реликвария Трёх Королей – Волхвов, шедевра ювелирного искусства и, конечно же, уникальная акустика Кёльнского собора сотворили настоящее чудо. Мы сидели на этих исторических местах, ощущая душевный трепет перед всем, что нас окружало, и слушали зачарованно божественные звуки этой музыки.

Иоган Себастьян Бах (1685 – 1750) написал за свою жизнь более 200 кантат на библейские сюжеты и тексты для оркестра, хора и солистов. Но особое место занимают сольные кантаты, среди которых выделяется волнующая и трогательная кантата для баса с оркестром №82 «С меня довольно» («Ichhabegenug»). В ней автор завораживающими музыкальными средствами выразил своё презрительное отношение к мирской жизни и одновременно стремление и веру в жизнь после смерти. Зал слушал, затаив дыхание. Несколько минут тишины и огромное пространство собора заполнилось волшебными аккордами «Реквиема» Моцарта, заупокойной католической мессы, самой жизнеутверждающей из всех известных в мире. Достаточно было бы и одного «Реквиема», чтобы его автору было уготовано бессмертие.

Вольфганг Амадей Моцарт (1756 – 1791) получил заказ от венского графа Франца фон Вальдегг-Штупшаха, который хотел почтить память умершей жены торжественным реквиемом. Со всей страстью своей измученной души Моцарт приступил к созданию реквиема, будучи уверенным, что пишет его для себя. К тому времени Моцарт уже страдал от непонятого недуга. Однажды, он сказал своей жене Констанции: «Я знаю, что пишу реквием для себя. Я чувствую,

что долго не протяну. Наверное, мне дали яд». Поэтому неудивительно, что «Реквием» потрясает нас своим скорбным лиризмом и трагической выразительностью. Особенно впечатляет 6-я часть «Лакримоза», что означает – слёзная. Это не похоронный марш, это что-то значительно более глубокое, чем физическая смерть. Моцарт средствами удивительной новаторской гармонии воплощает мир человеческих страстей – душевное смятение, глубину горя и страданий, умиротворённый покой. «Реквием» Моцарта – это «лебединая песня» великого композитора. Иоганн Гёте так сказал о судьбе великого Моцарта: «Явление, подобное Моцарту, навеки пребудет чудом, и ничто тут объяснить нельзя. Он в совершенстве выполнил предназначенную ему миссию, а значит в этом обличье на земле ему уже делать нечего». Прозвучали заключительные аккорды «Реквиема» и тишину потрясённого зала разорвали благодарные аплодисменты. Как не странно, но в тот момент автору этих строк вспомнились стихи Юрия Визбора:

Какая музыка была, какая музыка звучала:

Она совсем не поучала, а лишь тихонечко звала.

Звала добро считать добром,

А хлеб считать благодеемь,

Страданье вылечить страданьем,

А душу греть вином или огнём.

«Форум», декабрь 2008 год

ЗИМНИЙ ЭТЮД (Пустячок)

Ночью 5 января 1994 года автобус, перевозивший нас на постоянное место жительства в Германию, прибыл в небольшой городишко Унна-Массен, где находился региональный лагерь земли Северный Рейн-Вестфалия для переселенцев. После двух суток дороги в душном переполненном брюзжащими и стонущими людьми автобусе нас, всех прибывших, в полубессознательном от усталости состоянии разместили до утра в большой комнате общежития. Проснулись рано от

неправдоподобно тёплых солнечных лучей. Наскоро одевшись, мы вышли на улицу и не поверили собственным глазам. На термометре +15 градусов, яркое солнце, в изумрудно-зелёных палисадниках клумбы с весенними цветами и какие-то яркие с пряным запахом кустарники. И это после грязно-серого снежного месива под ногами в Киеве на площади Победы, которую, всего лишь два дня назад, входя в автобус, мы навсегда оставляли вместе со всей прошлой жизнью.

То, что я увидел здесь в январе, напоминало не место временного размещения беженцев и переселенцев, а райские кущи, по крайней мере, в моём представлении (опыта-то пока нет). Всё это пришло на память сейчас в январе 2010-ого года, так как вот уже 16 лет я живу в Кёльне, но впервые за эти годы сюда пришла зима, настоящая мягкая зима, с небольшим морозцем и тихими затяжными снегопадами. Правда, бывали дни, когда температура доходила до 13 градусов. Это к вопросу о пресловутом глобальном потеплении. По некоторым источникам такой зимы в Европе не было уже более 100 лет. Торжествует взгляд, видя эту божественную красоту, в которую оделся город, восторженно бьётся сердце, и лёгкие не вмещают щедрые дары морозного воздуха. Дышу полной грудью и любуюсь белоснежной одеждой, укутавшей наши окрестности. Деревья стоят в нежно-белых накрахмаленных морозом кокошниках, а дома заботливо укрыты толстыми пушистыми снежными одеялами. Соседская кошка, тоже очевидно вышедшая подышать, осторожно ступая по проваливающемуся даже под её мягкими лапами снегу, с удивлением замирает всякий раз прежде, чем сделать очередной шаг. А на ёлке под окном нашей спальни птицы, дрозды и синицы, возмущённо стрекоча, сбрасывают снежные препятствия с еловых лап, на которых привычно для них развешены лакомые кормушки. Всё вокруг искрится и сверкает. Жаль только, что зимний день такой короткий. И вот уже тени, удлиняясь на восток, накрывают слепящую белизну, а краски становятся всё темнее и гуще. Опускается вечер. Но ведь завтра снова придёт утро...

«Запад-Восток», февраль 2010 год

НАШИ В ГОРОДЕ

Гляжусь в тебя как в зеркало
До головокружения...
Давай не видеть мелкого
В зеркальном отражении...

Ю. Антонов, песня.

Утро начинается с лёгкой реанимации. Зарядка, бритьё, водные процедуры и по горсти таблеток до и после завтрака. Во время бритья невольно ловишь своё отражение в зеркале, а это, я вам доложу, зрелище не лучшее. Правда, уже давно перестал вздрагивать, но и удовольствия от того, что репродуцирует бесстрастная амальгама не получаю. И дело вовсе не в визуальном эффекте, а скорее в тех неискоренимых признаках нашей ментальности, которую мы бережно (не растерять бы ни капли) вместе с ненужным бараклом перетасили с собой в иммиграцию. Мы щемяще узнаваемы и нас, к сожалению, как внешне, так и поведенчески очень мало изменили годы, проведенные в Европе.

Мы, приехав сюда, в большинстве своём безъязыкие, окунулись в совершенно незнакомый мир с другими традициями и законами, с иной культурой и языковой средой. При этом наша растерянность перед этой новой жизнью напрочь гасилась необъяснимой требовательностью, ключевыми словами которой были: «Вы нам должны». А если так, то можно сидеть, сложа руки, и ждать пока те, кого ты считаешь должником, всё за тебя сделают.

Мы узнаваемы! Нас выдаёт настороженный взгляд и отсутствие даже намёка на улыбку в самых, казалось бы, безобидных ситуациях. Не о нас ли в поэме М. Ю Лермонтова «Демон» есть такие строчки: «И всё, что пред собой он видел, /Он презирал иль ненавидел». Кроме того, система изучения иммигрантами немецкого языка, заботливо организованная государством, увы, оказалась на первых порах малоэффективной. Зато первое слово, самостоятельно освоенное многими, было: «kostenlos?» или по-русски «бесплатно?», разумеется, с вопросительным знаком. Второе слово пришло само. Оно звучало на улице и в транспорте, в магазинах и

даже в учреждениях. Это слово – «Scheiße» (произносится «шайсе»), что означает по-русски «дерьмо». И вот уже оно готово было и у нас сорваться с языка, что порой приводило к забавным ситуациям.

Нам на курсах преподавали, разумеется, «Hochdeutsch» (немецкий литературный язык), но в Кёльне, как известно, господствует особый кёльнский диалект, так называемый «кёльш», базовой особенностью которого является замена буквы «х» на букву «ш». Поэтому со всех сторон слышится шипение, как в террариуме. И это почему-то сразу прилипло к тем нескольким словам, которые нам удавалось произносить, и мы с шиком вставляли, куда надо и не надо эту шипящую. Например, при знакомстве представляешься, скажем: «Меня зовут Валерий», что по-немецки выглядит так: «Ich heiße Valerij». Но мы бодро, даже с некоторой бравадой, произносим на кёльнском диалекте: «Ишь шайсе...», чем доставляем аборигенам исключительное удовольствие.

Наши люди привезли с собой не только прежние привычки, пристрастия и вкусы, но и многие вещи из прошлой жизни, с гордостью говоря при этом: «Что ты! Мы приехали во как упакованные! До конца дней хватит!». Вот и ходят по улицам Кёльна земляки, «шикарно» одетые по советской моде 60-70 годов. Ещё попадаются мужчины в бостоновых костюмах и габардиновых плащах, в чешских ботинках фирмы «Батя», которым сносу нет, и в буклированных кепках-ленинградках. Но больше всего я радуюсь при встрече с дамами в пышных вязаных мохеровых беретах с начёсом ядовито-зелёного или альковно-розового цвета. В связи с этим припоминаю, какое неизгладимое впечатление на Ива Монтана произвела цветовая гамма и форма женского белья, носимого нашими любимыми женщинами в те забытые 50-е годы. Уж не знаю, при каких обстоятельствах ему это пощасливилось увидеть, но из песни слов не выбросить. Что было, то было.

Мы очень узнаваемы, потому как очень важные! Среди приехавших в Германию практически нет рядовых. Все в прошлой жизни были большими начальниками. Создаётся такое впечатление, что вузы СССР выпускали сразу

главных инженеров, директоров, ну на крайний случай заведующих отделами. Бывшие научные работники из кандидатов наук здесь автоматически превращаются в докторов и даже в академиков каких-то общественных академий, пишущие прежде лишь незатейливые тексты в стенные газеты позиционируют себя не иначе, как известными литераторами, требуя к себе соответствующего отношения. Вспоминается по этому поводу любопытный случай. При созданном в Кёльне в середине девяностых годов Клубе научно-технической интеллигенции была организована на общественных началах первая в городе библиотека художественной литературы на русском языке, и нужно было дополнительно в помощь найти человека, искренне любящего книгу. Заработало сарафанное радио. И вот «на призыв наш тайный и страстный» пришла дама «приятная во всех отношениях» и представилась: «Я такая-то. Писатель. Готова работать в библиотеке, но лишь при условии, если я буду её директором». Ну, тут, как говорится, ни добавить, ни убавить.

Не правда ли, мы очень узнаваемы! А что уж говорить об актёрской братии – никому мало не покажется. Диапазон театральных (читай охотничьих) баек простирается до самых оскароносных сверкающих вершин, откуда совершенно уже не видны роли типа «шум падающего тела за сценой». Конечно, это не может не вызывать улыбки, но, к сожалению, улыбки грустной. Зачем цепляться за прошлое, пусть оно и самое хорошее и светлое? Оно было и о нём нужно с благодарностью помнить. Зачем нести в новую жизнь не реализованные иллюзии? Вокруг так много нового и интересного! И нужно быстрее и как можно безболезненнее интегрироваться в эту новую жизнь. Хотя интеграция – это не только изучение языка и обретение работы, не только принятие законов Германии и постижение истории, культуры и традиций немецкого государства, но, что, пожалуй, важнее всего, выкорчёвывание в себе совковой ментальности. Однако это не значит, что нужно подражать или мимикрировать, нужно оставаться теми, кто мы есть.

Да, мы действительно узнаваемы, но не только за счёт багажа (в прямом смысле этого слова) нашей прошлой

жизни, а главным образом, благодаря тому, что сюда приехали в большинстве своём образованные, любознательные и интеллигентные люди. И пусть нас узнают именно по этим бросающимся в глаза чертам. Наша диаспора имеет своё привлекательное, неповторимо-индивидуальное лицо. Как писал Евгений Баратынский: «Но поражен бывает мельком свет / Ее лица необщим выраженьем...».

«Запад-Восток», март 2010 год

ПАМЯТИ МУЗЫКАНТА И ПРОСВЕТИТЕЛЯ

11 марта 2011 года на 86-ом году ушёл из жизни выдающийся музыкант-педагог, один из наиболее ярких и значительных учеников великого Нейгауза, основоположник уральской фортепианной школы профессор Исаак Зусманович Зетель. Он начал заниматься музыкой в Киеве и продолжил уже под руководством Генриха Густавовича Нейгауза во время войны в Свердловске, а затем у него же в Московской консерватории, где получает диплом одновременно, как пианист, дирижёр и искусствовед. Вскоре И. З. Зетель защищает диссертацию по творчеству блестящего пианиста и композитора Н. К. Метнера. Многие годы он возглавляет фортепианную кафедру Уральской государственной консерватории.

Его ученики становятся лауреатами всесоюзных и международных конкурсов. Кажущаяся простота методики преподавания И. З. Зетеля базируется на широте его интеллектуального кругозора, изысканном музыкальном вкусе и завораживающей энергетике. Его ученики знали, что прежде, чем приступить к новому произведению, нужно обязательно ответить себе на ключевой вопрос – «О чём я буду играть?». Замечания профессора всегда были лаконичны и очень точны. Это напоминало прикосновение волшебной палочки – игра преображалась на глазах. Исаак Зусманович был многогранно образованным человеком. Он щедро делился своими знаниями с учениками, развивая их кругозор и творческое воображение, что открывало им

дополнительные исполнительские возможности. Параллельно он успешно концертирует. В его репертуаре такие сложнейшие фортепианные произведения, как концерты (№2) Листа и Брамса, рапсодия Рахманинова на тему Пганини и другие. И. З. Зетель – один из немногих современных пианистов имеет в своём активе все 32 сонаты Бетховена.

В 1990 году на фоне разваливающейся страны, ощущая ответственность за будущее своих музыкально одарённых детей, семья эмигрирует в Германию. Здесь его кипучая энергия получает дополнительный импульс. Исаак Зусманович вместе с женой – Ириной Викторовной Мельцер (в прошлом доцентом Уральской консерватории), сыном Михаилом и дочкой Анной продолжают заниматься концертной деятельностью. В 1994 году Анна становится лауреатом конкурса им. Шопена. Тогда же мы с женой познакомились с этой замечательной семьёй на их концерте в историческом здании Кёльнского пожарного депо (Alte Feuerwache) и с тех пор делятся наши дружеские отношения. А в пожилом возрасте, да ещё на чужбине, настоящие дружеские отношения складываются крайне редко. Мне доставляло огромное удовольствие получать от Исаака Зусмановича на их очередной концерт письмо-приглашение, которое всегда начиналось словами: «Дорогие друзья!». Он был интереснейшим собеседником, благодаря своему широкому кругу интересов, блестящей памяти и отточенной логике. В беседах с ним ты невольно попадаешь под воздействие его интеллектуального обаяния.

Исаак Зусманович возобновляет свою преподавательскую деятельность, открывает в Бонне фортепианную школу, которую сейчас возглавляет его сын – Михаил. В 2004-ом году трагически погибает его любимое дитя – Анечка. Обрушившееся горе подрывает силы. Возраст и тяжелейшая душевная травма, приведшие к множественным заболеваниям, в конце концов приковывают его к постели. Последние два года только беспримечная и самоотверженная забота и любовь его жены и сына поддерживали в нём угасающую жизнь. Правда, когда в квартире начинала играть музыка

(чаще всего это были записи Горовица), глаза загорались, на лице появлялась его замечательная улыбка, и становилось понятно, что это и есть наилучшая терапия.

В жизни Исаака Зусмановича были три главные всепоглощающие страсти – любовь к музыке, ученикам и своим детям.

Этому и была посвящена его долгая, насыщенная и яркая жизнь!

«Форум», апрель 2011 год

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Неумолимо быстро летит время.... Казалось бы, только недавно мы отмечали наше десятилетие, но незаметно промчалась очередная пятилетка и наша Библиотека, успешно пройдя детство и отрочество, вступила в пору цветущей зрелости. Да, нам исполнилось 15 лет! И наш дружный замечательный коллектив с удовольствием и оптимизмом отмечает эту хрустальную годовщину! Я с радостью поздравляю всех нас и наших дорогих читателей с этой сверкающей датой!

И, как говорится, «пока при памяти», хочется вспомнить, как это начиналось. Идея создания библиотеки художественной литературы на русском языке родилась в 1996 году в рамках разносторонней деятельности Кёльнского клуба научно-технической интеллигенции.

Что о ней можно и нужно рассказать? Да, это безусловно хорошая библиотека, пожалуй, на любой вкус. Да, она, пожалуй, едва ли не самая большая в земле Северный Рейн-Вестфалия (свыше 13 тыс. единиц хранения). Её посещают великое множество умных, интеллигентных, заинтересованных читателей, которых порой едва успеваем обслуживать. Свыше 1200 человек перебивали за это время читателями нашей библиотеки. Это, если не считать родственников, друзей и просто знакомых, которым книги передаются из рук в руки, минуя, разумеется, регистрацию, а значит, и без годового читательского взноса. Ментальность! И по большому счету я их понимаю. А по малому.... Только 12 евро в год. Впрочем – не судите и не судимы будете.

Теперь о главном, о замечательной команде сотрудников библиотеки, бескорыстных, преданных делу и милых моему

сердцу людей. Коллектив складывался не сразу, постепенно. Были и просто «прохожие». Приходили, уходили. Отнесем это к производственным издержкам. Но уже давно сложилось основное ядро. И, хотя вы всех знаете, мне хочется назвать их поименно, причем в алфавитном порядке, дабы не запутаться в их значимости в нашем общем деле, поскольку все они равно значимы.

Это скромная Лариса Арнаутова и восторженный Александр Бронфман, тихая, но ироничная Марина Зайцева и наш ангел-хранитель Диана Зиберт, заряженная на шутку Ирина Золотаревская и фундатор библиотеки Татьяна Золотаревская. Это о ней в известной песне: «Здесь ничего бы не стояло, когда бы не было тебя». Почти все знающая большеглазая Раиса Каганер и человек-молния Инна Короткина, любительница приключений Ирина Набокова и наш компьютерный бог Леонид Овецкий, молчаливая труженица Муся Райкман и основательно-самостоятельная Наталья Раксина и, наконец, безотказная Марьяса (Мара) Холмецкая и главный культуртрегер Кёльна Альвина Чапля. Вот теперь, пожалуй, «никто не забыт и ничто не забыто». Себя от избытка скромности не называю. Это благодаря им успешно действует и развивается наша библиотека. Это благодаря их взаимозаменяемости под мушкетерским девизом «один за всех и все за одного» обеспечивается бесперебойная работа нашей библиотеки! Честь им и хвала!

Но, где бы мы все эти годы обретались, если бы не наши «крышеватели». Фирмы, которые в разные периоды деятельности библиотеки бескорыстно давали нам крышу над головой. Это кёльнские турбюро KaplanRusslandReisenGmbH и UTSGmbH, дюссельдорфское турбюро STEGTOUR, магазин AutoWeltGbr, Kinderzentrum «Parea» и социальная фирма «Parea», благодаря которой ImmobilienSahleWohnen любезно предоставил нам помещение, где мы сейчас и находимся. Мы признательны всем, кто все эти годы, как мог, поддерживал нас. Спасибо и тем, кто отказал нам в поддержке. Поскольку, благодаря им, мы учимся преодолевать трудности, а, значит, становимся сильнее.

Наши самые добрые слова тем, кто дарил библиотеке

свои книги. Это Лина и Саша Михальские, покойные супруги Славуцкие, Феликс Гиммельфарб и Наталья Петрова, Владимир Воеводин и многие другие. Мы и сами с радостью делимся нашими книгами-дубликатами с дружественными библиотеками – коллегами (Брюссель, Бонн, Кёльн – Порц, Фрехен).

Вот так и живем по мере сил и возможностей, сея «разумное, доброе, вечное». И, поверьте, это очень большая радость, когда видишь, что пришедший к нам нашел нужную книгу или с благодарностью возвращает прочитанное, рекомендованное нами.

Все, о ком выше шла речь, истинные друзья русской книги. Поэтому не случайно созданное нами девять лет назад Общество получило название «Друзья русской книги» (FreundesdesrussischenBuchsNRWe.V.).

И напоследок – о преемственности. К сожалению, наша библиотечная дружина, прямо скажем, уже не так молода. Невольно на ум приходят поэтические строчки выдающегося русского поэта Фёдора Тютчева:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать...

Но, увы, на замену нам пока очередь не стоит. Более молодые охотно пользуются библиотекой, но работать, а работать приходится бескорыстно, не хотят.

И все же, пусть не сегодня, пусть через год или два, но мы верим, что на смену нам придут иные, моложе нас и, даже страшно подумать, возможно, лучше нас, чтобы продолжить наше дело ради всех, кому так дороги русская культура и русский язык. И тогда, хочется надеяться, мы с вами вместе отметим следующий – серебряный юбилей! Мы ждём вас как всегда по адресу: Köln-Chorveilr, Paul-Löbe-Weg 26.

«Форум», декабрь 2011 год

Перечень статей

Светлой памяти гуманиста	297
Солнечная игра.	298
Концерт, ставший событием.	299
Великие чудеса света (Нью-Грендис, Стонхендж, Парфенон)	301
Великие чудеса света (Пон-дю-Гар, Колизей, Адрианов вал)	303
Первый всемирный конгресс русской прессы. . .	306
Великие чудеса света (Готические соборы Франции).	310
Париж стоит мессы?	313
Солнцем полна голова (Ощущение после концерта).	315
Под прессом русской прессы.	317
Встречи на Эльбе.	320
Какая музыка была, какая музыка звучала! . .	322
Зимний этюд (Пустячок).	324
Наши в городе	326
Памяти музыканта и просветителя.	329
Хрустальный юбилей.	331

Оглавление:

От автора	2
Исход	6
1994 год	19
Kölle Alaaf!!!	77
1995 год	82
1996 год	95
1997 год	101
1998 год	108
1999 год	115
2000 год	125
2001 год	136
2002 год	146
2003 год	154
2004 год	163
Вынужденное отступление	168
2005 год	171
2006 год	178
2007 год	185
2008 год	200
2009 год	209
2010 год	234
Лирически-эйфорическое отступление	249
2011 год	253
Завет	267
Стихи по случаю	270
Перечень стихов	29
Статьи, опубликованные в русскоязычной прессе	296
Перечень статей	234

Влeрий Золотаревский

**Хроника моей иммиграции
Факты и размышлизмы**

Безответственный редактор - Влeрий Золотаревский

Ответственные корректоры – Л. Арнаутова, Т. Золотаревская

Компьютерная вёрстка и макет – Г. Пакман

Подписано в печать – немедленно

Печать цифровая

Тираж – 30 экземпляров

Отпечатано в Кёльне